

Основана в 1999 году

НОВАЯ ПОЛЬША

ЛЮДИ

Венцлова о Пилсудском
Демарчик

СЛОВА

Быков
Лең

ИДЕИ

Соглашение
Сталина с Гитлером

МЕСТА

Аушвиц-Биркенау

ОБРАЗЫ

Варликовский

Варшава
2020

www.nowapolska.pl

Вся Польша в вашей ленте

Наш мир точно запомнит этот год. Эпидемия, локдаун, проблемы здравоохранения — все это коснулось каждой страны. Только лишь в Европейском союзе число рабочих мест сократилось на шесть миллионов. Новая реальность повлияла на наши приоритеты, решения и даже привычки. Семь из десяти поляков перестали видеться со знакомыми, восемь — подавать руку при встрече, большинство начали экономить деньги. Наша жизнь еще больше переместилась в Интернет. Исследования показывают, что многие поляки ежедневно проводят перед экраном на несколько часов больше, чем годом ранее. Онлайн-спектакли, курсы, интернет-магазины — многолетний тренд в 2020 году только усилился. Средства массовой информации также в еще большей степени стали развиваться в сети. «Новая Польша» перешла в Интернет в 2019 году. Статистика показывает, что это принесло свои плоды: наши статьи прочитали больше полумиллиона человек, наши видео о Польше посмотрели около 10 миллионов раз. Видя огромный интерес к польским темам среди читателей из Украины, в августе мы открыли украиноязычную версию сайта.

Тем не менее Интернет не заменит бумажного журнала, который можно неспешно читать, рассматривая иллюстрации, и возвращаться к статьям спустя некоторое время. Осознание этого факта, а также пожелания многих из вас помогли нам принять важное решение — бумажная «Новая Польша» возвращается. Ее внешний вид и периодичность будут другими, но цели, поставленные отцами-основателями журнала, выдающимися интеллектуалами Ежи Помяновским и Ежи Гедройцем, останутся неизменными. Мы постараемся сделать Польшу ближе и понятнее, останемся площадкой для диалога. Рассказывая о Польше, мы будем предостав-

лять слово интеллектуалам из разных стран. Например, этот выпуск, в который вошли избранные публикации с сайта, мы открываем статьей выдающегося литовского поэта и диссидента Томаса Венцловы о Юзефе Пилсудском. На страницах «Новой Польши» вы сможете также прочитать интервью с Александром Гурьяновым, посвященное Катыни, статью о присоединении Польши к разделу Чехословакии, узнаете больше об «идеалистическом реалисте» Юлиуше Меровском и художнике Яне Матейко. Вместе мы посетим важные места: Аушвиц-Биркенау, Гданьскую судоверфь и Королевские Лазенки. В этом выпуске вы найдете неизвестные афоризмы Станислава Ежи Леца, воспоминания о Польше Давида Самойлова и историю переводов на русский язык книг Иоанны Хмелевской. Смею надеяться, что вам будет интересно.

До новых встреч на страницах журнала и на нашем сайте www.nowayapolsha.pl.

Эрнест Выцшикевич

главный редактор «Новой Польши»,
директор Центра польско-русского
диалога и согласия

ЛЮДИ

4 • **Юзеф Пилсудский глазами литовца. От мифа к разумной оценке**
Томас Венцлова

16 • **Генрик Вуец. Помогать людям, потому что так надо**
Павел Смоленский

20 • **Без границ. Папа и советская молодежь**
Елена Барзова
Гаянэ Мурадян

28 • **Музыка ва-банк**
Генрик Кузьняк

31 • **Роберт Левандовский. Успех, которому тесно на стадионе**
Антоний Цихий

34 • **Эва Демарчик. Панна, Мадонна, легенда тех лет**
Александр Бондарев

ИДЕИ

38 • **Похвала здравомыслию. Польша, Россия и Украина глазами идеалистического реалиста**
Лукаш Адамский

45 • **Соглашение Сталина с Гитлером. Интервью со Славомиром Дембским**
Бартломей Гайос

53 • **День победы. Почему Польша не празднует 9 мая**
Магдалена Семчишин

58 • **Черный год польской внешней политики**
Станислав Жерко

62 • **Александр Гурьянов: Жертвы Катынского преступления — не анонимы**
Евгений Приходько

СЛОВА

68 • **Десять имен польской литературы**
Дмитрий Быков

71 • **Боже, что я несу?! Венец славы**
Станислав Ежи Лец

73 • **Когда поляки переходят на язык Сенкевича**
Катажина Пилярская

78 • **Любовь к Польше — неизбежность для русского интеллигента**
Давид Самойлов

81 • **Иоанна Хмелевская.**
С колотушкой против мафии
Елена Барзова
Гаянэ Мурадян

МЕСТА

86 • **Судоверфь, которой нет**
Паулина Сегень

90 • **Петр Цивиньский: Аушвиц**
должен пробуждать в нас моральное
беспокойство
Евгений Климакин

96 • **(Не)видимые границы**
Мельхиор Якубовский

102 • **Королевские Лазенки. История**
самого известного парка Польши
Петр Сковроньский

ОБРАЗЫ

108 • **Кшиштоф Варликовский:**
Наш театр строится на нюансе
Петр Грущинский

114 • **«Вы показали, что границ**
не существует». Польские фильмы
о свободе
Денис Вирен

118 • **Ян Матейко. Он нарисовал**
историю Польши
Мельхиор Якубовский

124 • **Кшиштоф Кесьлёвский.**
Демидург и заложник случайности
Диана Григорьева

Редакция: «Новая Польша», ul. Jasna 14/16A, 00-041 Warszawa

Главный редактор: Эрнест Выцишкевич, **заместитель главного редактора:** Евгений Климакин,
секретарь редакции: Бартломей Гайос, **литературный редактор:** Валентина Чубарова,
SMM: Татьяна Кучинская, Евгений Приходько, **переводчики:** Елена Барзова, Юнна Коробейникова,
Никита Кузнецов, Антон Маликов, Гаянэ Мурадян, Владимир Окунь, Ольга Чехова, **корректор:** Гаянэ Мурадян,
проект обложки и портреты авторов: Анастасия Плахотник, **графика:** Данута Блахут-Беганьская,
верстка: Tandem Studio Петр Сувиньский.

Издатель: Центр польско-российского диалога и согласия, **сайт:** www.novayapolsha.pl,
«Новая Польша» по-украински: www.novapolshcha.pl, **контакт с редакцией:** info@novayapolsha.pl

Редакция не рецензирует и не публикует тексты, которые не были заказаны,
и оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи.

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ ГЛАЗАМИ ЛИТОВЦА От мифа к разумной оценке

Томас Венцлова

Прибытие маршала Юзефа Пилсудского.
На фото видны также майор Зигмунт Венда
(справа за маршалом), полковник Сергиуш
Захорский (справа за майором Вендой).
День Независимости, 11 ноября 1926 года.

Источник: Национальный цифровой архив Польши

После распада Российской империи между
Литвой и Польшей вспыхнул конфликт
за Вильнюс/Вильно. Город отошел Польше и оставался
в ее составе вплоть до Второй мировой войны.
Как выглядит сейчас с литовской точки зрения
история столетней давности?

На севере Адриатики, недалеко от Триеста и Венеции, находится город с населением в полтораста тысяч человек. По-итальянски его называют Фиуме, по-хорватски Риека (оба названия переводятся как «река»). Сейчас город принадлежит Хорватии, но так было не всегда.

Во время Первой мировой войны, желая привлечь Италию на свою сторону, Антанта обещала отдать ей обширные австро-венгерские территории, но Фиуме в их число не входил. Тогда в городе было почти в два раза больше итальянцев, чем славян (хорватов и словенцев). Предостаточно было и других национальностей, как обычно в Центрально-Восточной Европе. Во время Парижской мирной конференции Италия потребовала себе Фиуме, но не получила его. Тогда популярный итальянский писатель Габриеле д'Аннунцио собрал около двух тысяч добровольцев, ворвался в Фиуме и объявил город с окрестностями итальянским государством Карнаро (Reggenza Italiana del Carnaro), а себя — его главой, *comandante*. Это случилось 12 сентября 1919 года — на год с небольшим раньше, чем поход Желиговского на Вильно (Вильнюс) и основание Срединной Литвы¹.

Любопытно, что именно д'Аннунцио в своем государстве изобрел почти все фашистские ритуалы, которые потом присвоил Муссолини: черные рубашки, речи с балкона, особое приветствие, хореографию парадов. Историки не без основания называют его первым дуче. Его поддерживали несколько незаурядных фигур — например, дирижер Тосканини и изобретатель радио Маркони.

Томас Венцлова — литовский поэт, эссеист и переводчик, диссидент, один из основателей Литовской Хельсинкской группы. Профессор славянских языков и литератур в Йельском университете.

Конституция Карнаро, почти как конституция республики Ужупис², заявляла, что основа государства — музыка, которой надлежит обучаться в обязательном порядке.

Правительство Италии (тогда еще демократическое, не фашистское) в ноябре 1920 года подписало Рапалльский договор, по которому оно признало государство Фиуме и обязалось уважать его свободу и независимость во все времена. Д'Аннунцио пришлось уйти. Избиратели Фиуме подтвердили это решение 24 апреля 1921 года. Новое государство было признано Англией, Францией и Соединенными Штатами. Согласно установкам Коминтерна была даже основана коммунистическая партия Фиуме, в то время самая малочисленная в мире. Но осенью 1922 года власть в Италии захватил Муссолини, решивший аннексировать Фиуме. В начале 1924 года город был присоединен к Италии, а хорватам (тогдашней Югославии) досталось только его небольшое восточное

1 Польский генерал Люциан Желиговский в октябре 1921 года захватил Вильно (Вильнюс) и создал квази-государство Срединная Литва, в 1922 году присоединенное к Польше. — *Примеч. автора.*

2 Республика Ужупис — часть Вильнюса, в наши дни объявленная юмористическим «независимым государством». — *Примеч. автора.*

предмесье, где преобладало славянское население. Такое положение сохранялось до Второй мировой войны.

Сейчас, как и последние семьдесят лет, Фиуме (точнее, Риека) — часть Хорватии. Италия не оспаривает принадлежность города и окрестностей, ибо д'Аннунцио явно нарушил международное право, а все остальное следовало из этого факта. После того как город был присоединен к Югославии, большинство итальянцев выехало из него — надо заметить, что правительство Тито принудило их к этому, не избегая насилия. В город прибыли новые жители из всех частей Югославии. Правда, некоторое количество итальянцев проживает в городе до сих пор. Остальное население также нередко употребляет «фиумано» — разновидность венецианского диалекта итальянского языка.

Нетрудно понять, почему я рассказываю эту несколько опереточную историю. Ситуация в Европе после Первой мировой войны была хаотичной, и вопрос о границах часто решался путем вооруженных авантур не только в наших краях. Положение Фиуме вплоть до деталей напоминает положение Вильнюса: д'Аннунцио действует примерно как Люциан Желиговский, а Муссолини — как Юзеф Пилсудский. Временные рамки также в значительной мере совпадают. Я подозреваю (хотя и не могу доказать), что стратегия в отношении Вильнюса и Срединной Литвы хотя бы отчасти моделировалась по стратегии Фиуме и Карнаро. Нынешнее положение Риеки также соответствует положению Вильнюса — по сути дела, и здесь победил принцип, что нарушение международных договоров не создает юридического факта. Кстати, сегодня возник новый весьма похожий случай нарушения международного договора — аннексия Крыма, которая, будем надеяться, рано или поздно окончится так же, как окончилась аннексия Фиуме и Вильнюса.

Разница между Карнаро и Срединной Литвой заключается прежде всего в том, что Риека — порт средней руки, а Вильнюс — столица государства, один из традиционных европейских административных и культурных центров. Поэтому Вильнюс всегда возбуждал куда большие страсти.

Эти страсти сильны по сей день. В отличие от хорватов, многие литовцы побаиваются, что город будет снова захвачен и что Польша, в сущности, только к этому и готовится (не оглашает свои планы, но втихомолку поддерживает сепаратистов, выдвигает оскорбительные требования и т.д.). Эта черта литовской ментальности стала частью массового подсознания. Я не сказал бы, что каждый ей подвластен — вероятно, сейчас такие составляют меньшинство, — но крикливые

и агрессивные политические силы без особого труда могут ее возродить и перенести в публичное пространство. Наиболее явно эту черту выразил — и недвусмысленно поддержал — политик Витаутас Ландсбергис в своем интервью польскому католическому журналу *Więź* в 2010 году (оно перепечатано в его книге «Наш патриотизм, чужой шовинизм», 2013). В этом интервью о Юзефе Пилсудском, чья личность и роль являются темой настоящей статьи, говорится следующее:

Люциан Желиговский.

Источник: Википедия

«Юзеф Пилсудский для литовцев в общем смысле знаменует несчастье и исторический вред, особенно потому, что в 1920 году насильно и предательски, нарушив соглашение, захватил Вильнюс — историческую и конституционную столицу Литвы. (...) Что ж, он называл себя и литовцем, и тутушним, попутно спас (в свою пользу) Вильнюс от большевиков в 1919-м — это мы также знаем, — но это остается на периферии нашего сознания. Другое дело — Рёмеры³, Гедрайтисы (Гедройцы), Милоши; они у нас в сердце».

3 Михал Рёмер (1880–1945), юрист и публицист, который принял литовское гражданство и был на стороне Литвы в польско-литовском конфликте. — *Примеч. автора.*

Отмечу в этом тексте несколько неточностей. Насколько мне известно, Пилсудский не называл себя тутошним. Также некорректно противопоставлять Пилсудскому Гедройца и Милоша — оба они, прежде всего Гедройц, были его сторонниками и почитателями (несколько иначе было с Рёмером, но он долго служил в легионах Пилсудского и с ним приятельствовал). Кстати, Гедройца очень раздражала крепнущая ныне мода называть его Юргисом Гедрайтисом. Когда один литовец так к нему обратился, получил ответ: *«Гедройц — такая же литовская фамилия, как Гедрайтис, причем даже лучше»*.

Во всяком случае, в тексте Ландсбергиса отражен непоколебимый взгляд на Пилсудского — точнее, взгляд, который многие наши политики хотели бы превратить в непоколебимый. Бывают случаи, когда этот взгляд пробивается еще явственнее. Мастер политических пасквилей Витау-

ции, аналогичную гему — единице биологической эволюции. Мемы размножаются путем копирования и могут подвергаться мутациям. Они передаются вертикально (от одного поколения к другому, то есть от родителей к детям) и горизонтально (лицо или группа передают их другому лицу или группе в пределах того же временного отрезка). Изобретения, мода, культурные и политические стереотипы суть мемы. Некоторые из них распространяются быстро, но недолговечны (мода), некоторые размножаются медленно, однако живут столетиями, даже тысячелетиями (религиозные учения). Мем автоматически вызывает определенные эмоции — отрицательные либо положительные — и поэтому может оказаться вредным, но может быть и полезным.

Миф Пилсудского в теперешней «нормативной» литовской традиции — типичный образец мема. Как я уже сказал, его воздействие вредно.

Миф Пилсудского в теперешней «нормативной» литовской традиции — типичный образец мема. Как я уже сказал, его воздействие вредно.

тас Пяткявичюс в разгар деятельности Саюдиса⁴ упомянул Пилсудского — якобы заклятого врага Литвы — рядом с Гитлером и Сталиным. Позднее Арвидас Юозайтис написал, а Йонас Вайткус и Альбертас Виджюнас поставили пьесу «Сердце в Вильнюсе», где Пилсудский оказывается в аду вместе с Феликсом Дзержинским. Вряд ли стоит доказывать, к чему приводит такая окаменевшая ментальность: она смертельно оскорбляет поляков и к тому же не имеет ничего общего с исторической истиной. Пилсудский не был ни тоталитарным диктатором, ни палачом миллионов, ни даже сознательным врагом Литвы. Пока не пересмотрен «казус Пилсудского», литовско-польским отношениям наносится серьезный вред. Ни один народ не терпит публичных нападок на основателя и символ своей независимости — тем более что эти нападки не заслужены. Хуже того: пока этот казус не пересмотрен, мы продолжаем жить с анахроничным и достаточно злокачественным мифом.

В культуре постмодерна популярен термин «мем». Так называют единицу культурной эволю-

Здесь пригодилась бы мутация — создание другого, более осмысленного и полезного мема. С чего начать?

Во-первых, с осознания того, что Юзеф Пилсудский был старолитвином. Этот термин предложили Альфредас Бумблаuskас, Кшиштоф Буховский и другие историки (возможно, его стоило бы уточнить, так как иначе не совсем ясно, как называть литовцев-язычников до унии). Во всяком случае, упомянутые ученые называют старолитвинами граждан Великого княжества Литовского, которые не делят своих сограждан по критерию языка и являются патриотами Речи Посполитой Обоих Народов. Старолитвин называет себя литвином (литовцем), но не представляет себе Литву и Польшу как два государства, имеющие разное будущее. Литва для него — просто часть Польши, причем лучшая, обладающая особой, интересной традицией. Эта Литва более патриотична и одарена, чем Корона (варшавская, краковская и познаньская Польша), поэтому она может смотреть на Корону несколько свысока. Часть жителей Литвы употребляет свои языки — литовский (жемайтский, жмудский) и русинский (белорусский), — но языком культуры в ней является польский, как во всей средневековой и ренессансной Европе была латынь.

⁴ Саюдис — общественно-политическое движение, возглавившее в 1988–1990 годах процесс выхода Литвы из состава СССР. — *Примеч. ред.*

Еще в 1863 году более или менее каждый принимал следующее определение: *«Кто есть литвин? Тот, кто любит свободу и придерживается Литовского Статута. Без чего не может жить литвин? Без свободы и единения с поляками»*.

Следовало бы раз и навсегда признать, что быть старолитвином — не грех и не преступление. Старолитвины — не предатели, утратившие корни и поэтому ставшие особо злобными врагами, как утверждало множество младолитвинов — деятелей национального возрождения — во главе с поэтом Майронисом (*«Вам „ойчизна“ мила, а не родина ваша...»*). Старолитвинами были основатель Вильнюсского университета Протасевич, один из основоположников литовской письменности Сирвидас, поэт Баранаскас, Костюшко, Мицкевич, а также — с некоторыми оговорками — Рёмер, Гедройц и Милош. Они заслужили твердое место в истории Литвы и Литве очень много дали, по сути дела, вписали ее в культурную карту Европы. Лишь в конце XIX века и в XX веке многие из них стали анахроничными, несоответствующими тенденциям тогдашней истории (Гедройц и Милош это понимали). В анахроничности — не более того — можно упрекнуть и Пилсудского. Кстати, тогда исторический критерий был дополнен классовым — большинство старолитвинов были дворянами, нередко крупными землевладельцами, а большинство младолитвинов — интеллигентами родом из крестьян.

Мне кажется интересной мысль Виктора Сукенницкого, что в литовско-польских спорах и стычках повинно «семантическое недоразумение»: не было общего термина, охватывающего и Великое княжество Литовское (ВКЛ), и Королю, как термин «Британия» охватывает и Англию, и Шотландию (таким термином могла бы быть «Сарматия», предложенная еще историком эпохи Ренессанса Матвеем Меховским). Существовать такое понятие, было бы легче различать два государства, а не настаивать на категории «единой Польши», неприемлемой для большинства старолитвинов и особенно для младолитвинов.

Как известно, Пилсудский был по происхождению и родовым традициям старолитвин, жемайтиец (основатель и *spiritus movens*, движущий дух «Союза освобождения Вильнюса» Миколас Биржишка — тоже старолитвин из Жемайтии, но избравший младолитовскую идентичность, — с гордостью упоминал, что его предки вели тяжбу о земельной собственности с родом Пилсудских-Гинетов).

О старолитвинском мировоззрении и настроениях Пилсудского свидетельствуют как его дифирамбы Литве, так и неблагоприятные отзы-

вы о Польше. Приведу несколько цитат. 20 апреля 1922 года Пилсудский говорил «... о дорогом и любимом Вильно, столице, которую создали не польские руки, а усилия литовского народа и великопленные герои языческой Литвы, руками Кейстутов и Ольгердов, Витовта и Ягайлы основавшие державу от моря до моря». Эту фразу слово в слово мог бы произнести любой литовский националист. Дальше — еще сильнее: по свидетельству Стефана Бадени, польский народ, согласно Пилсудскому, *«никогда не способен действовать... это позор Европы и тридцатимиллионное пятно на Европе»*. С этим вполне согласился бы Майронис, писавший о «поляке — выродке среди народов». Даже сегодня цитируется любимая поговорка Пилсудского: *«Польша — она вроде баранки: все хорошее по краю, а посередине ничего»*. Лучшей частью «баранки» для него была Литва — правда, как составляющая Польши, а точнее — Речи Посполитой Обоих Народов.

Скажу даже более: Пилсудский был одним из тех старолитвинов, которые испытывали некоторую эмпатию по отношению к младолитвинам, понимали их желание сохранить языковую и культурную, а также государственную самость. Известно, что он, вернувшись из сибирской ссылки и поселившись в имении Теней на границе с Германией (Клайпедским краем), с дружеским интересом и симпатией наблюдал за действиями литовских книгонош⁵.

В декабре 1893 года он опубликовал в Лондоне, в польском социалистическом печатном органе *Przedświt* («Перед рассветом») обширную статью о побоище в Кражяе⁶, позднее уговаривал литовцев, чтобы они по примеру поляков издали об этом брошюру. Эмпатия ощутима и в его позиции после Первой мировой войны, но об этом — позднее.

Во-вторых, Пилсудский был не националистом, а социалистом, стремившимся к независимости Польши. Его противники — партия эндеков (национальных демократов) — проповедовали национализм «дарвинистского толка»: народы якобы подобны биологическим видам, которые беспощадно борются (и обязаны бороться) за существование. Одни в этой борьбе гибнут, другие выживают и процветают. Во имя выживания и про-

5 После восстания 1863 года литовская печать на сорок лет была переведена на кириллицу. Книги и периодика на запрещенной латинице печатались на германской территории и с немалым риском доставлялись оттуда контрабандой, а книгоношами назывались люди, занимавшиеся их распространением. — *Примеч. автора.*

6 В 1893 году царские власти пытались закрыть костел в местечке Кражяй; это привело к волнениям, которые были жестоко подавлены. — *Примеч. автора.*

цветания своего народа допустимы практически любые средства: насильственная ассимиляция, этнические чистки и т.д. Литовцев эндеки намеревались ассимилировать (и в начале XX века считали, что они уже почти ассимилированы).

Патриотизм Пилсудского был иным: он представлял себе федерацию народов, где никто не подвергался бы насильственной ассимиляции и не изгонялся бы из страны. Этого эндеки ему не простили. Еще в 1979 году в Лондоне появилась книга эндекского деятеля-эмигранта Енджея Гертыха о Пилсудском, в преамбуле к которой писалось: «...его польский патриотизм был половинчатым и нетвердым (...) привязанность к Польше и польской идентичности была в нем смешана с космополитическими наклонностями, с литовским сепаратизмом и своего рода склонностью к России — Россию он ненавидел, но в то же время о ней заботился и хотел ее переделать...» Очевид-

он абсурден по определению: националист одного народа для националиста другого народа может быть только врагом. Юозас Тумас (Вайжгантас), литовский прозаик правых взглядов, после поездки в Краков на открытие памятника Ягайле писал в своем эссе «В Галиции» (1910): «...случилось в различных местах мне самому обнаружить (...) поляков, с которыми можно было смело разговаривать о настоящем и будущем. Это — национальные демократы, или эндеки (...) „Литовец-эндек всегда договорится с поляком-эндеком (...)“ — сказал один крупный эндекский деятель, и сказал, вероятно, справедливо».

Шестьдесят девять лет спустя примерно об этом же писал Чеслав Милош в нашем с ним совместном эссе «Вильнюс как форма духовной жизни»: «Литовцы в период 1918–1939 годов не любили всего того, что мне в Вильно было близко: „краевцев“⁸, мечтаний о федерации, регионализма, либе-

Пилсудский был не националистом, а социалистом, стремившимся к независимости Польши.

но, что этот дискурс почти полностью совпадает с так называемым литовским патриотическим дискурсом (только наши вместо «литовского сепаратизма» употребили бы «полонофильство» или что-то в этом духе). Гертых и его единомышленники требовали «депилсудскизации», якобы сходной с денацификацией или хрущевской десталинизацией. В международной политике эндеки, как известно, ориентировались скорее на Россию, к тому же были антисемитами.

Не стоит и доказывать, что программа эндеков была для Литвы и литовцев куда опаснее, чем программа Пилсудского. Эндеки планировали независимую Польшу, которая включала бы всю территорию Литвы и часть Малой Литвы⁷, — без какой бы то ни было речи об автономии и национальных правах. Несмотря на это, для литовских деятелей правого толка эндеки казались более приемлемыми или по крайней мере более понятными, чем Пилсудский и его сторонники. Сработал принцип «националисты всех стран, объединяйтесь», хотя

ральных масонов, которые некогда пошли за Пилсудским. Мне кажется, они предпочитали иметь дело с *anima naturaliter endeciana*⁹, так как тогда по крайней мере ясно виден противник». Идеология литовских таутинок — правой политической партии, находившейся у власти в стране в 1918–1940 годах, — была почти зеркальной копией идеологии эндеков. Таутиники с успехом популяризировали ее на массовом уровне. Соперничающая с этой идеологией парадигма есть у поляков, но у нас ее почти нет, особенно там, где вопрос касается отношений с Польшей и Вильнюса. Мне кажется, в этом причина многих недоразумений и бед. Вайжгантас ошибался: польские эндеки с литовскими «эндеками» договориться не могут, это совершенная иллюзия.

В-третьих, Пилсудский был революционером, то есть был склонен к авантюристической ментальности. Достаточно вспомнить инцидент на станции

7 Малой Литвой называлась часть Восточной Пруссии (Клайпеда-Мемель, Тильзит, Инстербург и др.), в заметной степени населенная литовцами. Сейчас это в основном северная и восточная часть Калининградской области. — Примеч. автора.

8 Краевцы (*krajowcy*) — польское политическое течение начала XX века, стремившееся к восстановлению Великого Княжества Литовского. — Примеч. автора.

9 Прирожденно эндекская душа (*лат.*). Юмористически трансформированные слова Тертуллиана *anima naturaliter christiana* (прирожденно христианская душа). — Примеч. автора.

Безданы (где он в 1908 году вместе с боевиками-социалистами ограбил для нужд партии российский почтовый поезд), контакты с Японией во время Русско-японской войны или военный переворот 1926 года, в результате которого он установил личную диктатуру. В этом трудно усмотреть что-либо хорошее, но сходная ментальность была свойственна литовским политикам правого толка, скажем, Аугустинасу Вольдемарасу, не говоря уже о Повиласе Пляхавичусе; просто им меньше везло.

В-четвертых, вильнюсский вопрос в те времена не был столь однозначным, как сейчас обычно считают в Литве. Здесь я касаюсь важнейшего национального и государственного мифа, почти столь же важного, как миф о послевоенных партизанах, и могу ожидать весьма неблагоприятной реакции. Все же попытаюсь говорить объективно, *sine ira et studio*¹⁰.

Существует явление, называемое моралью Кали: его описал Генрик Сенкевич, а за ним Владимир Соловьев. Симпатичный, но не слишком образованный африканец Кали утверждает: *«Если кто-то отобрал у Кали коровы, это плохой поступок. Хороший поступок — это когда Кали отобрал у кого-то коровы»*. Эта формула уже не всегда применяется в человеческих взаимоотношениях, но многие свято уверены, что она вполне применима в отношениях между народами и государствами. Если поляки отобрали у литовцев Вильнюс — это плохой поступок, империалистическая оккупация; если же литовцы отобрали Вильнюс у поляков — это славная победа. Поляки, разумеется, применяют ту же формулу, только наоборот: если Пилсудский с помощью Желиговского отобрал у литовцев Вильнюс — это славная победа, если же литовцы (не без помощи Сталина) отобрали Вильнюс у поляков — это оккупация, удар в спину Польше в трагический для нее момент. Конечно, можно сказать: если коровы (Вильнюс/Вильню и Виленщина) бесспорно принадлежали Кали, соперник их отобрал, а Кали только вернул — прав Кали, то есть Литва. Так мы всегда и говорим, и это утверждение можно отчасти обосновать, что я в дальнейшем и попытаюсь сделать. Но почему Вильнюс бесспорно принадлежит Литве? Прежде всего потому, что в начале XX века так решила литовская интеллигенция и сумела в этом убедить весь народ.

Вильнюс, по словам Пилсудского, создали «усилия литовского народа и великолепные герои языческой Литвы». Но языческая Литва — все-таки не то же самое, что Литва начала XX века (равно и средневековая Польша — не Польша на-

чала XX века). Гипостазирование, опредмечивание народа, превращение его в неизменное целое — частая ошибка мышления тех лет, да и не только тех лет. Поляки тогда говорили: если Вильнюс надо отдать литовцам, ибо его основал Гедимин, то испанскую Гранаду надо отдать марокканцам, ибо ее основали арабы. С этим аргументом трудно спорить. В начале XX века Вильнюс литовским не был (как и Гранада не была арабской), его только планировали и пытались литуанизировать — точнее, удержать в нем символические литовские точки, скажем, костел Св. Николая. Адомас Якштас-Дамбраускас, литовский католический деятель и литератор, говорил, что Вильнюс может спасти (то есть сделать литовским) только чудо, а он в это чудо не верит. С ним были согласны многие деятели национального возрождения, особенно христианские демократы, которые выдвигали вместо Вильнюса Каунас (Майронис называл его «старшим из литовских городов, Палемоном»¹¹ среди них»). Кстати, когда в конце 1939-го или в начале 1940 года улица Домбровского была переименована в улицу Якштаса-Дамбраускаса (здесь, как и в других случаях, было использовано сходство фамилий), вильнюсская пресса выразила удивление: ведь Якштас всю жизнь Вильнюс не любил.

Этнографическая Литва со столицей в Вильнюсе была некоторым *contradictio in adjecto*¹², так как Вильнюс и его ближайшие окрестности к этнографической Литве (во всяком случае, в языковом смысле) определенно не принадлежали. Правда, не принадлежал к ней и Каунас, и все остальные крупные города. В 1897 году литовцев в Каунасе было только шесть процентов (первое место занимали евреи, второе русские, третьи поляки, а немцев было почти столько же, сколько литовцев). Этнографическая Литва была деревенской — города были иноязычными анклавами. Каунас в этом отношении отличался от Вильнюса только тем, что более литовскими были его окрестности, да и то скорее с южной стороны.

Литовский национальный проект, развиваемый Антанасом Сметонай и другими, требовал символического присвоения Вильнюса и возвращения его жителей ко временам первоначальной Литвы, когда все они, по мнению деятелей национального возрождения, были литовцами (не обращалось внимание на факт, что тогда слово «литовец», или «литвин» обозначало нечто другое, чем человек XX века, говорящий на литовском языке).

11 Палемон — легендарный родоначальник литовцев.
— *Примеч. автора.*

12 Противоречие в определении (*лат.*).

10 Без гнева и пристрастия (*лат.*).

Поэтому, как только представились возможности, литовцы стали основывать в Вильно/Вильнюсе свои учреждения, часто опережая поляков (литовская ежедневная газета возникла раньше польской, Литовское общество художников — раньше польского, спектакли на литовском языке — раньше польских, Литовское научное общество — практически одновременно с польским). Вероятно, можно сказать, что литовская литература, которая тогда в Вильнюсе писалась и печаталась, была интереснее и разнообразнее, чем

второй и важный аргумент в пользу Литвы — он, пожалуй, более значителен, чем аргумент, отсылающий к основателю города Гедимину.

У поляков, в том числе у Пилсудского, были свои аргументы. В течение всего XIX века — а он был, как-никак, ближе и поэтому важнее раннего Средневековья — Вильно/Вильнюс был неоспоримой культурной столицей польского народа. Город Мицкевича, Словацкого, Монюшко, Сыромли, Ожешко тогда значил для поляков больше, чем Варшава и Краков (была даже фраза, что Кра-

Демонстрация жителей Вильнюса/Вильно после взятия города польской армией, 1919. Источник: Центральный военный архив

виленская литература на польском языке. Виленским/вильнюсским епископом в 1918 году стал Юргис Матулайтис — отнюдь не националист, но литовец. В Вильнюсе жил зачинатель литовского национального движения Йонас Басанавичюс, здесь состоялся во время революции 1905 года вселитовский политический съезд — Большой вильнюсский сейм. Таким образом, Вильнюс стал явной и единственной литовской культурной столицей, в то время как у поляков были и другие, более важные столицы — Варшава, Краков, Львов. Можно сказать и больше: Вильнюс, по словам Адама Михника, для литовцев был одновременно Варшавой, Краковом, Гнезном и Ченстоховой. Это

ков — Медина, город заката, а Вильно — Мекка, город восхода). Мицкевич и Гедимин для Пилсудского были литвинами, но при этом старолитвинами, то есть их национальная идентичность была местным (и лучшим) вариантом польской идентичности, как и в его собственном случае. Если для Сметоны или Майрониса Вильнюс был тем же, чем для евреев Иерусалим, — то таким же Иерусалимом, священным местом был Вильно для Пилсудского. Добавлю, что тогда можно было говорить даже о трех Иерусалимах: литовском, польском и еврейском, при том что евреи, в отличие от литовцев и поляков, думали еще о настоящем Иерусалиме в Палестине, и уже поэтому в споре не участвовали.

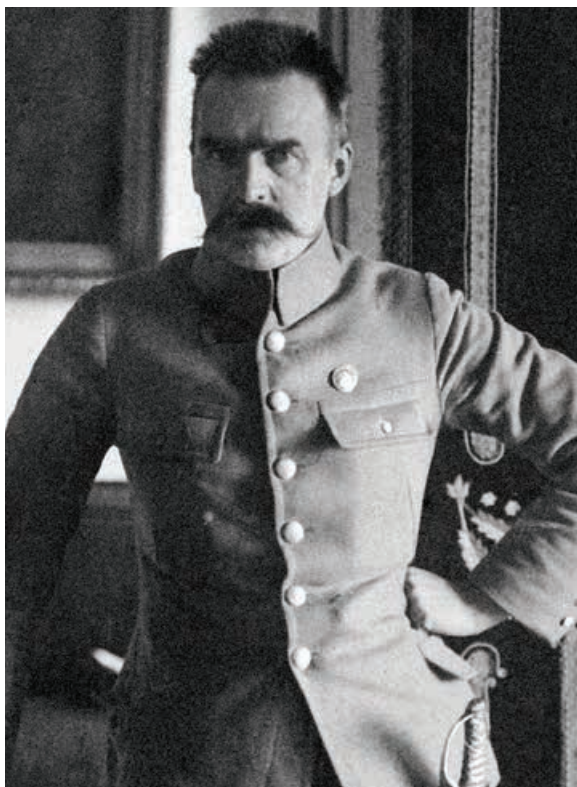
Четвертый «Иерусалим», или «Сион» в городе пытались создать белорусы.

Разрешить этот конфликт мифов было — или казалось — столь же невозможно, как найти квадратуру круга. Причем я бы не сказал, что столкнулись только два мифа. Столкнулись два резона: нравится нам это или нет, литовцы не были стопроцентно правы, а поляки не были стопроцентно неправы. Демографическая ситуация явно работала в пользу польского резона (точнее, старолитвинского, а не младолитвинского резона).

Дело происходило в хаотическое время после Первой мировой войны, когда границы государств, их настоящие и будущие союзы были неясны, территории переходили из рук в руки, а кроме того, действовал новый фактор мировой истории — большевизм. Беседуя с литовской делегацией в декабре 1918 года, Пилсудский сказал: *«[Я] друг литовцев — друг, который хочет им помочь. Но чтобы это стало возможным, чтобы Польша помогла своей сестре Литве, следует ограничить литовские претензии этнографической Литвой, ибо в историческую Литву входят несомненно польские территории. Поляки не имеют ни малейшего желания присвоить этнографическую Литву. (...) Польша не имеет ничего против возникновения независимого литовского государства, но кажется, что Литва на государственном уровне будет связана с Польшей»*. В отличие от эндеков Пилсудский соглашался на независимое литовское государство, однако без тех территорий исторической Литвы, где явно преобладали польский язык и польское национальное самосознание. Уже тогда он думал о польско-литовской федерации, которая, по его мнению, могла разрешить и вопрос о «квадратуре круга», ибо тогда Вильно/Вильнюс и Виленщина могли отойти к Литве. Но проекты федерации тормозило, среди прочего, то, что власть в Польше могли взять эндеки. Даже сам Пилсудский не мог гарантировать их поражение.

19 апреля 1919 года, перед самой Пасхой, польские отряды Владислава Белины-Пражмовского вытеснили большевиков из Вильно/Вильнюса (кстати, именно этот день, а не день вторжения Желиговского позднее отмечался в Польше как «день освобождения Вильно»). Воззвание, подписанное самим Пилсудским, обещало, что жители бывшего Великого Княжества Литовского смогут решать свою судьбу «без какого-либо насилия или давления со стороны Польши», то есть в нем было ясно указано, что Вильно и Виленщина — отдельные от Польши территории, что было неприемлемо для эндеков. Воззвание было опубликовано по-польски, по-литовски, по-белорусски и на

идиш (а на русском языке, кстати, нет). Оно вызвало протесты в Польше и среди виленских поляков, но его не принял и Временный литовский комитет Миколаса Биржишки, не приняли также евреи, которым войска Белины устроили погром (евреев пытался защищать Юргис Матулайтис). Польская власть в целом казалась литовцам все же более приемлемой, чем власть большевиков. Они могли основывать в городе школы и газеты, хотя не без трудностей. Юозас Тумас (Вайжгантас) во вре-

Юзеф Пилсудский.

Источник: Национальный цифровой архив Польши

мя торжественного открытия польского университета Стефана Батория произнес приветственную речь от имени Литовского научного общества.

Летом 1919 года Пилсудский спланировал в Литве переворот — им должна была руководить POW¹³: он надеялся создать в Каунасе правительство, более благосклонное к его идее федерации. Это, несомненно, были ошибочные и неприемлемые действия, характерные для его авантюристической и склонной к конспирации натуры. Переворот предотвратил не кто иной, как Людас Гира — писатель, тогда глава литовской контрразведки

13 Polska Organizacja Wojskowa, Польская Военная Организация — «пеовяки». — *Примеч. автора.*

(а позднее — сторонник советской власти и Сталина). Одним из «пеовяков», которым пришлось покинуть Литву, был отец Чеслава Милоша — это предредило судьбу будущего поэта и нобелевского лауреата. Пилсудский потерпел фиаско и был серьезно скомпрометирован, что отразилось на его дальнейших отношениях с Литвой, а также на внутреннем положении в Польше.

В том же году, 20 сентября, в меморандуме, посланном Парижской конференции, Аугустинас Вольдемарас обосновал принадлежность Вильнюса Литве тремя аргументами: во-первых, Вильнюс является исторической столицей Литвы; во-вторых, он экономически необходим Литве, а Литва ему; в-третьих, в окружающих губерниях (виленской, гродненской и минской) поляки составляют не более десяти процентов жителей, причем это — ополченные литовцы. Среди этих аргументов совершенно бесспорным был только первый. Сильнее

После того как Пилсудский разбил большевиков под Варшавой, вильнюсский вопрос вернулся на повестку дня. Городом владели большевики, которые, отступая, передали его литовцам — несомненно, с *reservatio mentalis*¹⁵. Оттесняя большевиков на восток, Пилсудский 29 сентября 1920 года вызвал генерала Желиговского и заявил ему: *«Ни государства Антанты, ни Лига Наций, ни польское правительство, ни общество не понимают проблему Литвы. (...) Польский премьер [Эндек Владислав Грабский] на конференции в Спа уже почти отдал Вильнюс Вольдемарасу. (...) Надо организовать мятеж. (...) Может грянуть час (...), когда против вас выступит не только мировое, но и польское общественное мнение. Может прийти миг, в который даже я буду вынужден от вас отмежеваться»*. Словом, конспирационная натура Пилсудского породила новый — и вновь неверный — план. Кстати, вместе с Желиговским

Польская власть казалась литовцам все же более приемлемой, чем власть большевиков.

был аргумент, что плебисцит в Вильнюсе нежелателен, так как не может быть объективным: в городе находятся польские войска, и при этом против плебисцита настроены евреи, опасющиеся погромов.

Пилсудский и дальше думал о Литве как о своеобразном продолжении Великого Княжества Литовского, состоящем из трех частей: этнически литовской Ковенщины¹⁴ (ею могли управлять хотя бы и Сметона с Вольдемарасом), смешанной Виленщины и белорусской Минщины (ею мог управлять, например, антибольшевистски настроенный белорусский деятель Станислав Булак-Балахович). Удар по этой идее нанесли литовцы, которые в начале сентября 1920 года начали бои с поляками за Сейны, Сувалки и Августов. А ведь в это время шла война между Польшей и большевиками, от которой в значительной степени зависела судьба Западной Европы! По достаточно понятным причинам литовцы не склонны вспоминать, что разрешили пройти по своей территории большевистской армии Тухачевского, в сущности, вступив с ней в союз (правда, речь шла о территории, которой Литва в тот момент фактически не управляла). Это было большой ошибкой, ведь победившие большевики, разумеется, присоединили бы Литву к своим владениям.

в штабном вагоне Пилсудского находился российский антибольшевик Борис Савинков, человек такого же заговорщического и авантюрного мышления, который планировал дальнейший поход через Беларусь на Москву. Во имя объективности следует также сказать, что литовцы через полковника Мацкевича были предупреждены о возможности «мятежа».

Дальнейшие события широко известны: 6 октября подписывается Сувалкское соглашение, оставляющее Вильнюс Литве; 9 октября Желиговский инсценирует «мятеж» против соглашения (и своего правительства), в результате которого занимает Вильнюс и создает второе Карнаро — Срединную Литву; Англия и Франция выражают протест; бои у Гедрайчая и Ширвинтая, видимо, пресекают дальнейший поход Желиговского на Каунас; полтора года спустя (20 февраля 1922 года) Вильнюс и Виленщина формально инкорпорируются в Польшу. К третьей годовщине вступления Белины-Празмковского в Вильнюс/Вильнюс (18 апреля 1922 года) проводится официальная церемония, в которой участвуют Пилсудский, Желиговский и номинальный правитель Срединной Литвы Александр Мейштович.

14 Окрестности Ковно, т.е. Каунаса. — *Примеч. ред.*

15 Мысленная оговорка (*лат.*).

Кстати, торжественную мессу служат три епископа — примас Польши Эдмунд Дальбор, капеллан польской армии Владислав Бандурский и почитаемый литовцами виленский епископ Юргис Матулайтис, ныне причисленный к лику блаженных. С Бандурским и даже с Желиговским Матулайтис не ссорился, что очевидно из его дневника.

На Совете послов 15 марта 1923 года западные страны и Япония признают право Польши на спорные территории, но Литва не принимает это решение. Идея федерации не осуществляется — и это крупный проигрыш Пилсудского. Я согласен с Михалом Рёмером, который был сторонником Пилсудского и его близким другом, но после этих событий написал ему письмо: *«Вильнюс — творение Литвы и ее столица — есть и будет таким, каким его создала великая воля поколений и всего народа: все другие комбинации рухнут, все спекулятивные потуги сфабриковать иную природу Вильнюса путем акта об инкорпорации, решения «сейма» и т.д. развалятся, как неуклюжее современное здание, дохода ради построенное в Варшаве или в том же Вильнюсе нынешними поляками. (...) Вильнюс восстановит свое положение, вновь соединится с Литвой как ее законная, Литвой созданная столица»*. Следует согласиться и с другими его словами, сказанными Пилсудскому: *«Я считаю, что связь Вильнюса с Литвой как целым, несомненно, должна быть восстановлена, но не может происходить под лозунгом „ausrotten“ [изгнать] нас, поляков Литвы. Племя, которое рождает таких людей, как Костюшко, как Мицкевич, как даже вы, столь отличающийся характером и волей от этнографического польского племени, не может погибнуть и имеет право жить и далее приносить плоды в своем отечестве. Возрождающаяся Литва создаст синтез, в котором и это племя выразит себя. (...) Но путь, который вы избрали, ведет не к синтезу, а к расколу и (...) господству примитивного этнического национализма»*. Добавлю: примитивный этнический национализм из-за ошибки Пилсудского воцарился не только на польской стороне. Поэтому стало исчезать (и сейчас уже исчезло) само понятие старолитвина.

Шанс примирения, пока Срединная Литва еще не была инкорпорирована в Польшу, представлял проект Гиманса¹⁶; он создавал возможность объединить два в то время непримиримых

постулата: постулат этнической Литвы и постулат Литвы со столицей в Вильнюсе. Увы, примитивные этнические националисты на обеих сторонах победили более трезво мыслящих людей, среди которых были политики Эрнестас Галванускас, Миколас Крупавичюс и Оскар Милош, родственник будущего поэта. Выиграла также Советская Россия (Георгий Чичерин, который вел кампанию против проекта Гиманса — возможно, используя и подкуп) — так как хорошо понимала, что нормальные отношения Литвы и Польши будут ей вредны. Возможно, государство, предлагаемое Гимансом, со временем распалось бы, как распались Югославия и Чехословакия, но это уже упражнение в «альтернативной истории», которое никуда не ведет.

После польской аннексии Вильнюса в Литве началась интенсивная и категоричная пропагандистская кампания с требованием возвратить столицу. Михал Рёмер как-то сказал: *«Мысль, что Вильнюс является литовским, и только литовским, стала более непоколебимым догматом, чем католические догматы о непорочном зачатии и папской непогрешимости»*. Вайжгантас, ранее склонный отказаться от Вильнюса, который он называл сердцем, пораженным гангреной и перекачивающим анемичную кровь, в 1926 году уже утверждал: либо Вильнюс будет в скором времени освобожден, либо Литва и литовская культура погибнут. В 1929 году тот же Вайжгантас сказал: если бы не было Вильнюса, его следовало бы избрести, ибо у народа должна быть благородная цель, ради которой не жаль пожертвовать жизнью. Не исключено, что с этой литовской позицией в 1939 году посчитался даже Сталин, решивший отдать Вильнюс не советской Белоруссии, а Литве, которую он только планировал советизировать. Кампания по «освобождению Вильнюса» до сих пор определяет многие феномены литовского массового сознания, хотя, казалось бы, анахронично и смешно все время повторять первую строку популярного стихотворения Пятраса Вайчюнаса, написанного в 1922 году: *«Мы без Вильнюса не успокоимся»*, если Вильнюс уже в твоих руках.

Получившие Вильнюс в 1939 году литовцы удивились, практически не обнаружив в городе и его окрестностях поработанных, истосковавшихся по освободителям земляков. Миф о литовском (точнее, младолитвинском) Вильнюсе рухнул. Понятие «польской оккупации» стало несколько сомнительным, ибо из него следовало, что поляки (точнее, старолитвины) оккупировали сами себя. Но мифология уходит с трудом: поэто-

16 Поль Гиманс (1865–1941) — бельгийский политик, пытавшийся выступать посредником между Польшей и Литвой. Согласно его проекту, Вильнюс отходил к Литве, но получал автономию. — Примеч. автора.

му особенно сильным стало желание немедленно и любыми средствами литуанизировать Вильнюс, а это привело к новым, до сих пор не угасшим конфликтам.

Как, наверное, любой литовец, я считаю возвращение Вильнюса Литве примером исторической справедливости. Но следует признать, что историческая справедливость порой ходит странными и окольными путями, и неразумно здесь обходиться без оговорок. Если бы ситуация сложилась несколько иначе, Пилсудский и Желиговский, пожалуй, могли бы занять в литовской истории место, сходное с местом Маннергейма и Свинхувуда¹⁷ в истории Финляндии. Случилось другое: сейчас Пилсудского приходится вспоминать отнюдь не как одного из отцов-основателей Литвы, а как родственника — скажем, дядю. Такого дядю, с которым судились из-за земельного надела, но все-таки как человека одной крови, в сущности, близкого.

Позднейшая роль Пилсудского в Польше очень неоднозначна. Он ввел диктаторский режим (Антанас Сметона спустя семь месяцев последовал его примеру), пересажал политических противников и вообще не придерживался правил демократии. Однако на фоне своего века он принадлежал к числу «незлокачественных диктаторов» — к таковым можно причислить, кроме Сметоны, Ататюрка в Турции, Улманиса в Латвии, Пятса в Эстонии, с большими оговорками также Франко и Тито. Кстати, серьезные притеснения литовцев на Виленщине начались только после смерти Пилсудского, во времена Людвига Боцяньского, виленского воеводы в 1935–1939 годах. До этого господствовала скорее взаимность, правило «око за око» (в котором, разумеется, хорошего тоже немного): как литовцы на Виленщине, так и поляки в Литве притеснялись, хотя это никак нельзя назвать террором.

Получив Вильнюс в 1939 году, литовские власти поставили почетный караул не только у могилы Йонаса Басанавичюса, но и у саркофага с сердцем Юзефа Пилсудского. Это было достойное и благородное решение, хотя таутининки (лично сын президента Юлиус Сметона) заявляли, что главному обидчику Литвы достаточно было бы и охраны полицейского. В 1944 году какой-то советский солдат прошелся по плоскости саркофага автоматной очередью, но саркофаг не был уничтожен ни тогда, ни в послевоенные годы.

Убрать его не требуют и нынешние наши полонифобы.

Что нам необходимо, кроме этого заслуженно уважаемого саркофага? Думаю, мы прежде всего нуждаемся в научной, разумной, объективной и одновременно — доступной массе читателей биографии Пилсудского, которая избегала бы привычных черно-белых схем, показывая неоднозначный характер вильнюсского вопроса, освещая польско-литовский конфликт со всеми его трагическими, но и с комическими аспекта-

Могилы матери Пилсудского, где также покоится его сердце. Кладбище Росса в Вильнюсе.

Фото: Марек Дзивиор

ми, напоминающими «последний наезд на Литве», описанный в «Пане Тадеуше». Да будет это действительно последний наезд. Его главный урок: нарушение международного права не оправдывает себя, даже если оно имело место в сложные времена и было совершено столь значительным деятелем, как Юзеф Пилсудский.

Перевод с литовского Томаса Венцловы

Текст был прочитан на вильнюсской научной конференции, посвященной Пилсудскому, 6 декабря 2017 года.

17 Речь идет об основателях финской государственности, родным языком которых был не финский, а шведский.
— Примеч. автора.

ГЕНРИК ВУЕЦ

Помогать людям, потому что так надо

Павел Смоленский

Генрик Вуец (пятый справа) на Первомайском марше
«Солидарности». Варшава, 1985. Фото: Яцек Марчевский / Forum

Генрик Вуец (1940–2020)

Одна из ключевых фигур польской
антикоммунистической оппозиции.

Начав со студенческих протестов в 1968 году
и помощи рабочим в 1970–80-х, став одним
из участников Круглого стола, а после падения власти
коммунистов — депутатом и замминистра,
он до последнего дня делал очень много для людей
и в самой Польше, и за рубежом.

Если бы все режимы реального социализма — от сурового румынского, болгарского, советского или восточно-немецкого и до самого развеселого польского барака в социалистическом лагере — услышали, что им хочет сказать Генрик Вуец, им пришлось бы уразуметь, что проект не стоит и выведенного яйца. Опирайся он хоть на псевдоучение Маркса — Энгельса, хоть на террор — от Ленина до Живкова, чехословацкого Гусака и югославского Тито (строптивого конька рабоче-крестьянской власти), — он все равно неминуемо сломает себе шею. Генрик Вуец лучше многих оппозиционеров в советских и прочих прельстившихся диктаторским марксизмом странах показал, что из реального социализма ничего не выйдет. Почему? Да потому, что, адресуясь к таким людям, как Генрик, он лгал им и пускал пыль в глаза. Кому такое понравится?

А ведь на первый взгляд могло показаться, что Вуец — идеальный адресат обещаний коммунистов. Он родился в деревне Подлесье близ Билгорая — в том регионе Польши, который никогда не был ни слишком богатым, ни слишком счастливым. В его генах жил опыт крепостных крестьян; еще его дедам приходилось бесплатно пахать на других. Отец, впрочем, уже имел собственное хозяйство в несколько гектаров, но это отнюдь не означало, что ему удалось достигнуть прочного социального положения.

Генрик Вуец — единственный в Подлесье — получил аттестат о среднем образовании и пошел учиться дальше. А во время каникул возвращался косить, сеять и пасти коров. Продолжать образование его побуждали мать, ездившая на заработки во Францию, и школьный учитель Адам Ротенберг. И то, и другое — безмерно важно.

Генрик Вуец, 1981.

Фото: Славек Беганьский / Forum

Итак, он приехал в Варшавский университет с крестьянским багажом, где в соседних карманах лежали: желание преуспеть в жизни, искренний католицизм и вера в то, что надо трудиться в поте лица и добывать знания. Когда он организовал в общежитии дискуссионный клуб, равно открытый для марксистов и священников, народной власти это не понравилось. Не вызвало одобрения и его участие в организации первого после Второй мировой войны паломничества студентов к иконе Ченстоховской Божией Матери. Как раз тогда его и загребла госбезопасность, и он услышал, что, если не уймется, то вернется пасти коров. Всего одна фраза — и показала истинное отношение народной власти к народу!

Вуец принимал участие в мартовских событиях 1968 года¹ и плохо переносил антисемитскую пропаганду, в том числе и из-за своего учителя, профессора Ротенберга, который как раз тогда паковал чемоданы в эмиграцию.

А ведь народная власть имела в лице Вуеца идеальный материал для создания рьяного сторонника: крестьянский сын, знающий, что такое крепостное право, продвинувшийся по социальной лестнице благодаря произошедшим после Второй мировой войны переменам, словом — образец гражданина нового социалистического общества. К несчастью, католик, но эта трудность была почти со всеми выдвиженцами. Впрочем, на мой взгляд, католицизм Вуеца скорее был проблемой для церкви, а не для компартии.

Беда в том, что «рабоче-крестьянская» власть таковой не была и быть не собиралась. Она лгала мастерски, но слишком грубо, выдавая тем самым свои истинные намерения. Держала в руке насилие, но не всегда хотела его применять к потенциальным сторонникам. Гэбисты, допрашивавшие Генрика Вуеца в первые годы его деятельности, не только высмеивали его происхождение (при том что и сами зачастую были крестьянскими детьми), но еще и лгали, и запугивали. Вуец понимал, что социальное продвижение социальным продвижением, а с этой властью он не хочет иметь ничего общего.

Павел Смоленский — репортер, публицист, писатель. С 1989 года журналист *Gazeta Wyborcza*. Автор 15 книг, посвященных истории и современности Польши, а также Ближнему Востоку и Украине.

1 В 1968 году в Польской Народной Республике начался массовый протест студентов и интеллектуалов против культурной политики государства и ограничения гражданских свобод, ответом на который стала, в частности, государственная антисемитская кампания. — *Примеч. ред.*

Когда в июне 1976 года Радом и Урсус, выступившие против повышения цен на продукты, были жестоко наказаны коммунистами², Вуец принял активное участие в помощи репрессированным рабочим. Это был — по его собственным словам — некий возврат долга, взятого в Подлесье: бедные люди отправили его учиться и дали шанс изменить жизнь, а значит, теперь он должен защищать бедных и помогать им.

В сущности, в том и состояла его деятельность в Комитете общественной самообороны — Комитете защиты рабочих³, куда он вступил в 1977 году. Он не писал пламенных манифестов, как митинговый оратор, революционный лидер Яцек Куронь, не размышлял о судьбах поляков, как эссеист и мыслитель Адам Михник. Он действовал на низовом уровне, надеясь, что личные знакомства, контакты на заводах, связи с простыми людьми, к которым — благодаря своим корням и незаурядным способностям — знал нужный подход, дадут результат. Вуец имел доступ к рабочим на Гданьской судоверфи (в том числе, к Леху Валенсе), к силезским шахтерам, к рабочим Урсуса. Он знал их язык и повседневные заботы.

В созданной им с коллегами газете *Robotnik* не было длинных аналитических обзоров, зато были краткие статьи о заводских поликлиниках, об обдираловке при выплате зарплат и премий, о столовых, где ничего не съешь без риска для жизни, о нарушениях трудового кодекса и прав рабочих и т.п. Это было единственное относительно массовое самиздатовское периодическое издание⁴ — его тираж достигал на пике 50 тысяч экземпляров, распространявшихся от Гданьска до силезской Ястшемби. И заметим (об этом легко забывают), что

2 В июне 1976 года из-за резкого повышения цен на ряд товаров широкого потребления на территории 12 воеводств бастовало более ста предприятий. В забастовках приняли участие свыше 80 тысяч человек, в том числе 20 800 в Радоме и 14 200 в Урсусе. Для подавления протестов использовали слезоточивый газ и водометы, имели место избиения в милиции и аресты. — *Примеч. ред.*

3 *Komitet Obrony Robotników* (Комитет защиты рабочих) — первая в ПНР открыто действовавшая оппозиционная группа; возникла в 1976 году для помощи участникам протестов в Радоме, Урсусе и Плоцке, а год спустя преобразовалась в КОС-КОР (*KSS-KOR*, Комитет общественной самообороны — Комитет защиты рабочих). — *Примеч. ред.*

4 По-польски это называется *bibuła* (листовка, калька, папиросная бумага) — самиздат тех времен, когда не было современной множительной техники. Издания осуществлялись разными полиграфическими способами: начиная с самого очевидного — пять-шесть экземпляров на печатной машинке под копирку на тонкой бумаге — и до неизвестной в СССР шелкографии, когда оттиск оригинала осуществлялся на специальной натянутой на рамку ткани, а затем с нее размножался. — *Примеч. пер.*

Robotnik, верный идеям издававшейся еще до Первой мировой войны газеты Польской социалистической партии, чье название он заимствовал, заявлял, что целью рабочего движения является независимость Польши. И это в 1970-е годы! Во время августовских забастовок 1980-го в 21 постулате на независимость не было (и справедливо) даже и намек.

Коммунистические власти оценили Генрика Вуеца по достоинству. Хотя они и представляли его как жалкого приспешника Куроня и Михника, но во время военного положения интернировали, а затем посадили на скамью подсудимых по так называемому Делу одиннадцати (четырех деятелей Комитета общественной самообороны и семи лидеров «Солидарности»), которых обвиняли в государственной измене, подготовке к насильственному свержению власти и бог весть в чем еще. Таких обвинений коммунисты абы каким противникам не

А когда Вуец лишился депутатского мандата, работы у него ничуть не убавилось: он занимался сельскими водопроводами, региональными продуктами, канализацией. Плодами его трудов пользовались люди, отказавшиеся голосовать за него на выборах. Он говорил тогда, что делает это не ради того, чтобы его куда-нибудь избрали, но — потому что так надо.

И в своей парламентской деятельности — и вне оной — Вуец находил тех, кто действительно нуждался в помощи. Он многое делал ради польско-украинского взаимопонимания, а когда история призывала, принимал личное участие и в оранжевом Майдане, и в Революции достоинства в Киеве. Именно он стал организатором польско-тибетской парламентской группы, хотя в Польше мало кто слышал о страданиях тибетцев под гнетом китайской оккупации. Уже умирающий, он живо ин-

Он жил среди нас. Как и всякий, создавший себе памятник собственной жизнью, — скромный, отзывчивый, смелый и честный.

выдвигали. Их, безусловно, ненавидели и боялись, но при этом — парадоксальным образом — ставили на высшую ступень в иерархии врагов, опасаясь, что как раз они-то и могут крепко навредить.

Уже на Круглом столе выяснилось, что Куронь, Вуец и Михник — жесткие переговорщики, но при этом реалисты, которые не стремятся к реваншу, хотя чисто по-человечески имели бы на это право. Я бы дорого дал за то, чтобы увидеть выражения лиц коммунистов в тот момент: они были уверены, что сядут за стол переговоров с дьяволами во плоти, а перед ними оказались партнеры по диалогу о Польше.

В независимой Польше Генрик Вуец был депутатом, затем заместителем министра сельского хозяйства, а затем советником президента Бронислава Коморовского по социальным вопросам. Когда ему, в то время секретарю Гражданской парламентской фракции⁵, нанес оскорбление Лех Валенса, которого Вуец же в свое время и приобщил к оппозиционной деятельности, он поступил, как всегда в таких случаях, — расстроился и выбросил из головы.

тересовался Беларусью; не хотел цветов на могилу, только пожертвований в помощь борющимся Минску и Гродно. Но и Польша тоже не выходила у него из головы: лежа в последний раз в больнице, зная, что сам не сможет проголосовать на президентских выборах, он просил в соцсетях, чтобы кто-нибудь, кто никогда не ходил на выборы, проголосовал на этот раз вместо него.

Генрик Вуец имел единственный недостаток — хоть и не зависящий от него, но серьезный: он родился не в той стране. Живи он на американском Юге, получил бы, как великий Мартин Лютер Кинг, Нобелевскую премию мира. Вуец мог бы быть учителем Нельсона Манделы и его соратника Десмонда Туту. Будь он южноафриканцем индусского происхождения, его славы не затмил бы и Махатма Ганди. Более того — Махатма в Южной Африке молчаливо (и не только) поддерживал апартеид. Вуец бы на такое никогда не купился.

Он жил среди нас. Как и всякий, создавший себе памятник собственной жизнью, — скромный, отзывчивый, смелый и честный.

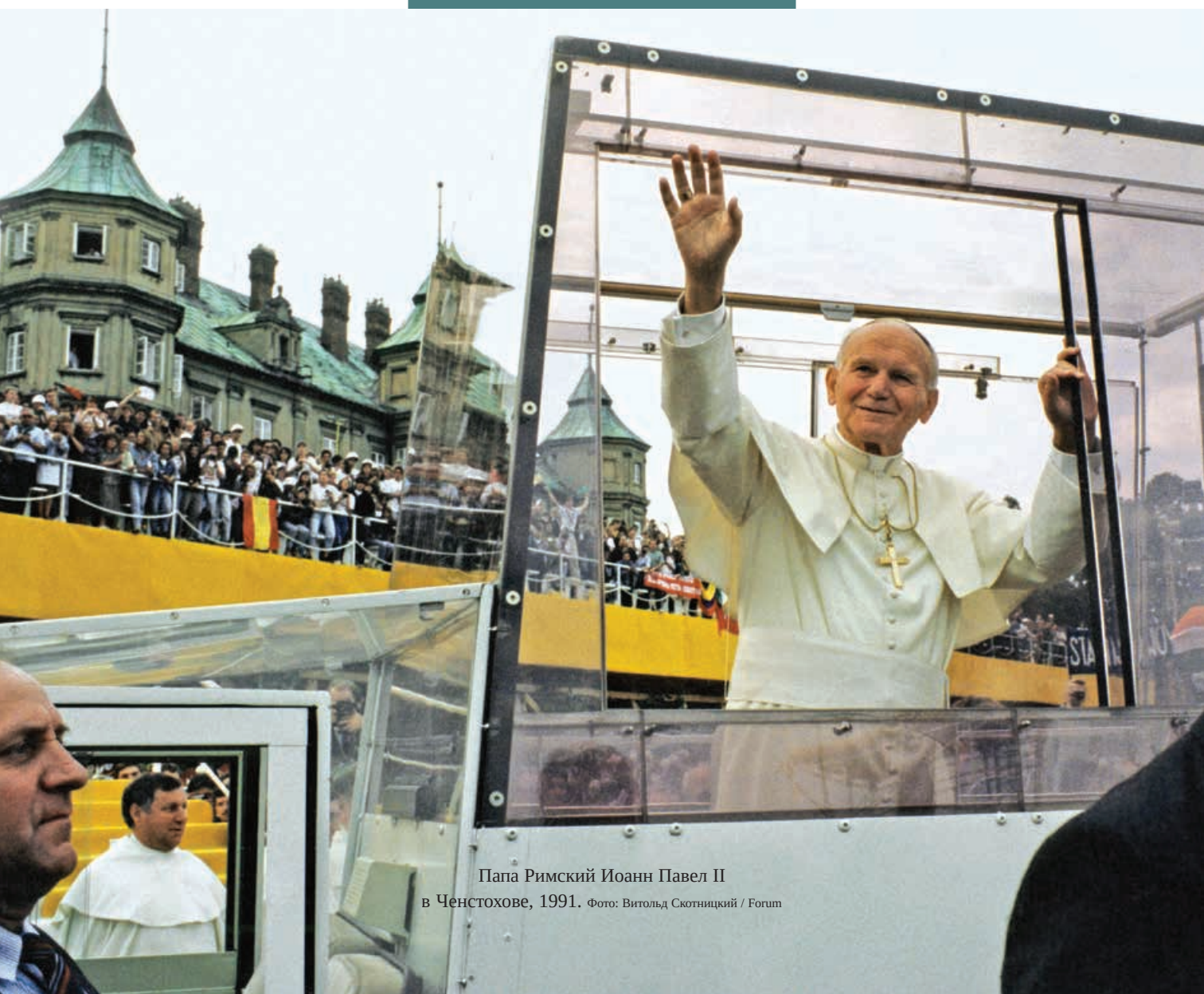
Друг всякого живого создания. И не было второго такого, как он.

⁵ Фракция, объединявшая представителей антикоммунистической оппозиции в Сейме и Сенате в 1989–1991 годах. — *Примеч. ред.*

БЕЗ ГРАНИЦ

Папа и советская молодежь

Елена Барзова
Гаянэ Мурадян

Папа Римский Иоанн Павел II
в Ченстохове, 1991. Фото: Витольд Скотницкий / Fotum

Летом 1991 года на ежегодный Всемирный день молодежи, проходивший в польской Ченстохове, приехали почти 100 тысяч человек из СССР. Попасть туда могли все желающие младше 30 лет, вне зависимости от религиозных взглядов, финансовых возможностей и даже наличия загранпаспорта. О том, как это было, рассказывают участники встречи.

«Это будет паломничество к свободе через государственные границы...»

(Из обращения Папы Иоанна Павла II по случаю VI Всемирного дня молодежи в 1991 году)

Когда пишешь о значимом событии без малого тридцатилетней давности, возникает своего рода эффект двойного зрения: смотришь на все с перспективы прошедших десятилетий и одновременно снова как участник событий погружаешься в реалии и незабываемую атмосферу тех дней.

Это был 1991 год

Папа Римский Иоанн Павел II пригласил молодежь из СССР, до фактического распада которого оставались уже считанные месяцы, приехать в середине августа в Польшу и принять участие во Всемирном дне молодежи в Ченстохове. Конечно, группы собирались не только из союзных республик и стран «социалистического содружества», но и со всего мира, из 86 государств.

Сам по себе Всемирный день молодежи не был чем-то экстраординарным — в 1991 году он должен был состояться уже в шестой раз, а традиция таких встреч была положена Иоанном Павлом II в 1984 году. Тогда 300 тысяч паломников собрались в Вербное воскресенье на площади Святого Петра в Риме, и Папа отслужил мессу в Колизее у простого деревянного креста. Следующий, 1985 год ООН объявила Годом молодежи, и с этого момента Всемирный день католической молодежи стал проходить уже регулярно — только наша молодежь на этих встречах не присутствовала. А в 1991 году Папа пригласил в первую очередь гостей из Восточной Европы — СССР, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии. И польская молодежь готовилась их принимать.

Сейчас трудно это себе представить, но тогда в Советском Союзе практически никто — за редким исключением — ни разу не бывал за границей. Совсем недавно рухнула Берлинская стена;

«железный занавес», много десятилетий отделявший СССР от остального мира, пока еще не упал, но начал уже слегка приоткрываться. Вот только воспользоваться образовавшимися в нем прорехами было весьма затруднительно — проблемы возникали на каждом шагу: собрать все необходимые разрешения и справки для загранпаспорта, получить выездную визу, обменять валюту (в единственной кассе на весь город, заняв очередь чуть ли не с ночи, на основании выездных документов, не больше установленной суммы)... Поколение, выросшее за «железным занавесом» и мечтавшее повидать мир, еще не получило, по сути, такой возможности — только надежду. Впрочем, это вообще было время надежд, воодушевления и подъема...

Елена Барзова, Гаянэ Мурадян
— работают в соавторстве. Редакторы, переводчики с польского и английского языков, члены гильдии «Мастера литературного перевода».

Дни молодежи в Ченстохове, 1991. Источник: архив Николая Харчева

Говорили, что Михаил Горбачев открыл границу для советской молодежи по личной просьбе Папы Римского.

Зимой 1991 года в СССР начала распространяться информация — из католических и православных приходов, а потом дальше, по друзьям и знакомым, — что Папа Римский зовет всех желающих в Польшу, на День молодежи: проезд от границы, еда, ночлеги, музеи — бесплатно! Приглашаются все: верующий или неверующий — не имеет значения; если тебе меньше тридцати, то вперед! Впрочем, и тех, кому за 30, порой записывали тоже.

И что самое удивительное — все так и было. В приходах составлялись списки групп, проводились встречи: узнать о самом мероприятии, познакомиться друг с другом, обсудить оргвопросы, разучить песни. С собой надо было брать полный походный набор: спальники, коврики, палатки, миски, кружки, ложки и... транзисторные приемники (хотя бы один на группу), чтобы слушать синхронный перевод главных событий на русский язык.

Одни группы приезжали в Ченстохову сразу, другие должны были идти туда пешком вместе с польскими паломниками, из разных городов — на выбор. Но главное чудо состояло в том, что в эту поездку пускали без загранпаспортов — ведь их ни у кого и не было. Говорили, что Михаил Горбачев открыл границу для советской молодежи по личной просьбе Папы Римского. Как бы то ни было, но на День молодежи можно было выехать по обычным внутренним паспортам и письмам со списками групп, выданным в приходах. Списки эти, правда, нужно было утверждать в ОВИРах (Отделах виз и разрешений) — этим занимались старшие групп. Не обошлось, конечно же, без бюрократических мытарств, но они казались сущей ерундой.

В Интернете можно найти множество воспоминаний участников тех событий. В том числе и Александра Карпова — поэта и барда, писавшего под псевдонимом О'Карпов, который погиб 11 лет спустя на «Норд-Осте».

«О том, что мы в Польшу можем вырваться, я серьезно и не задумывался. Бред какой! Из Советского Союза? Любого желающего? За бугор отправить? Да еще и даром? Ой, уйдите в какую-нибудь даль!.. От желающих требовалось зайти в костел или позвонить ксендзу Юзефу.

Отец Юзеф оказался поляком, весьма понятно изъяснявшимся по-русски, хотя и с сильным акцентом. Едва я заикнулся о поездке, как он тут же все понял и радостным голосом предложил мне приехать в костел.

Через пару часов я уже сидел вместе с отцом Юзефом в его уютной каморке справа от алтаря...

— Попросту набериче группу, — говорил он, — але не больше сорока тшоловек.

Внутренне я содрогнулся, но вслух спросил:

— А если больше?..

Отец Юзеф пожал плечами:

— Тогда разделиче на две группы!

Отныне мы должны были посещать собрания в костеле по четвергам и молиться о том, чтобы ОВИР не отменил свое решение.

...Как заполнять декларации и можно ли вывозить валюту — не было известно никому. Я вез с собой целых два доллара! В те времена [в СССР] на подобные деньги можно было жить месяц! Правда, из продуктов на прилавках магазинов красовались лишь толстые серые макароны да стиральный порошок. Ну, это я, понятно, слегка преувеличил! Ведь, коли мне память не изменяет, от случая к случаю можно было приобрести хлеб или, скажем, молоко, если прийти к магазину перед открытием и занять очередь...»

(Александр Карпов. «Записки пилигрима»)

И вот настало наконец время отъезда. Жаркие солнечные дни начала августа. На вокзалах — пестрые, шумные толпы молодежи с огромными рюкзаками. Набитые под завязку поезда, идущие изо всех городов в западном направлении. Специальные автобусы, арендованные приходами.

Пограничники, быстро проверяющие паспорта по списку, ежедневно пропускают в Польшу тысячи молодых людей. И так — почти неделю. Сначала — те, что записались в пешее паломничество, из них первыми едут группы, которые должны выйти из самых дальних от Ченстоховы городов. Последние — те, что едут прямо в Ченстохову.

А тем временем в Польше...

Подготовка ко Всемирному дню молодежи началась более чем за год до самого мероприятия — 25 мая 1990 года в Ченстохове был созван епархиальный церковный оргкомитет под руководством доктора теологии о. Мариана Дуды. Но мероприятие оказалось настолько масштабным, что в ноябре комитет уже был преобразован из епархиального во всепольский. Параллельно — 2 августа 1990 года — ченстоховский воевода¹ Ежи Гула созвал воеводский комитет, а мэр города Тадеуш Врона — городской. Вся эта триада работала в тесном взаимодействии, а координацию осуществлял из Ватикана Папский совет мира.

Работа предстояла гигантская, ведь в празднествах предполагалось участие от миллиона до полутора миллионов человек со всего мира, и каждого надо обеспечить ночлегом, а некоторых и питанием. И это при том, что население самой Ченстоховы на тот момент составляло 260 тысяч жителей, а мест в отелях, кемпингах и монастырях было всего 10 тысяч.

Как принять в такой ситуации полтора миллиона паломников? На первый взгляд — совершенно

Создается на все время пребывания в СССР или на границей. При утере не возобновляется.

Собщице поправленных сведений в таможенной декларации, а также сотруднику таможен влечет за собой ответственность, на основании законодательства Союза ССР.

ТАМОЖЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Фамилия, имя, отчество Мурадян Гаянэ Гегарговна

Гражданство советское

Из какой страны прибыла из СССР

В какую страну следует в Республику Польша

Цель поездки (деловая, туризм, личная и др.) личная

Мой багаж, включая ручную кладь, прошедший для таможенного контроля состоит из 2х мест.

При мне и в моем багаже имеются:

I. Оружие, взрывч. и боеприпасы не имеются

II. Наркотики и приспособления для их употребления не имеются

III. Предметы старины и искусства (картины, рисунки, иконы, скульптуры и др.) не имеются

IV. Советские рубли, облигации государственных займов СССР и билеты советских денег, а также чеки НДБ «Внешнеэкономбанк» и органы член Внешнеэкономбанка СССР в рублях серии «А» не имеются

V. Другая валюта (кроме советских рублей), (билеты, валютные билеты, монеты), валютные документы (чеки, вексели, индоссаменты и другие) фондовые ценные бумаги (акции, облигации и другие) и иностранная валюта, драгоценные металлы (золото, серебро, платина, металлы платиновой группы) и алмазы, жемчуг и изделия, природные драгоценные камни и камни в обработанном виде (алмазы, бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры, а также жемчуг), жемчужины и другие бытовые изделия из драгоценных металлов и драгоценных камней и из таких изделий, а также драгоценные украшения

Наименование	Количество		Отметки таможен
	прибыль	проезд	
Доллары США			
Фунты стерлингов			
Французские франки			
Марки ФРГ			
<u>серьезные сомнения</u>			

VI. Провозимые другими лицами советские рубли, другая валюта, валютные документы, ценности и любые предметы не имеются

Мне известно, что наряду с предметами, зарегистрированными в декларации, подлежат обязательному предъявлению для контроля: произведенная печать, рукописи, фотоаппараты, видео- и звукозаписи, пишущий и фотоаппараты, вычислительные материалы и т. п., равно как и предметы не для личного пользования.

Таким образом, что отныне от меня следует предъявлять мое багаж и наличность мест.

Подпись владельца ручной клади Мурадян Гаянэ

5 августа 1990

Таможенная декларация Гаянэ Мурадян, которую она заполняла при выезде из Советского Союза.

Источник: архив Гаянэ Мурадян

¹ Воевода — руководитель уровня губернатора. — Примеч. ред.

нереально. И тогда церковный комитет обратился с призывом «Открытые сердца — открытые двери» не только ко всем монастырям в Ченстохове и ближайших окрестностях, но и ко всем жителям региона.

Гражданские власти, в свою очередь, обратились ко всем организациям. И в результате совместными усилиями удалось сделать невероятное — организовать 1 360 000 спальных мест в самом городе и пригороде, плюс еще 350 000 — в остальной части Ченстоховского воеводства. Ночлеги готовились в школах, детских садах, офисных зданиях, спорткомплексах, в палаточных лагерях, в монастырях, приходах, а еще — в квартирах и частных домах, хозяева которых готовы были принять у себя паломников.

Город поделили на четыре зоны — синюю, желтую, красную и зеленую, чтобы иностранцам было проще ориентироваться, — и в каждой устроили свой справочный центр с информацией о размещении и питании, медпунктом и пр.

Странно, но действительно удалось договориться с Горбачевым, и премьер-министр СССР Валентин Павлов разрешил участникам встречи пересечь польскую границу на основании внутреннего паспорта и списка от церковного прихода. Это в буквальном смысле слова распахнуло границы настежь. Оргкомитет решил принять всех советских гостей бесплатно — обеспечить проживание, питание и проезд. Он заключил соглашение с Польскими железными дорогами и оплатил специальные поезда, встречавшие паломников из СССР на первой же пограничной станции. Их принимали в польских семьях, приходах и монастырях, а в одном из районов Ченстоховы польская армия специально для них разбила палаточный городок на 50 000 человек.

Но размещением и питанием дело не ограничивалось. При таком огромном стечении народа очень важно было обеспечить безопасность и порядок. Ведь такое событие бывает раз в жизни, и оказаться поближе к Папе хотел каждый из полутора миллионов, а это, увы, было невоз-

Молодежь по дороге в Ченстохову. Источник: архив Николая Харчева

Массовое участие молодежи из Советского Союза и стран Восточной Европы было особенно важным для Папы. Но как это организовать? Как преодолеть политические барьеры? А материальный аспект? Ведь в то время молодежь этих стран попросту не имела средств даже для самой неприятной паломнической поездки. Но Папе дей-

можно, тем более что пространство перед монастырем могло вместить лишь небольшую долю участников. Пропуска на вход напечатали тиражом 300 тысяч экземпляров. Казалось бы, их следовало разделить между группами из всех стран пропорционально количеству паломников, однако группы из Советского Союза и стран бывшего

Папская месса под стенами Ясногурского монастыря, Ченстохова, 15 августа 1991. Фото: Ян Морткек / Forum

Оргкомитет решил принять всех советских гостей бесплатно — обеспечить проживание, питание и проезд.

советского блока стали исключением — им приглашений досталось гораздо больше. И что самое интересное, никто из «обиженных» возражать не стал.

«Сейчас, спустя годы, проект “Молодежь с востока” может показаться безумием, и я не знаю, удалось ли бы его повторить сегодня... — писал много лет спустя глава церковного комитета о. Мариан Дуда. — Все это выглядело как прекрасный сон, но это действительно произошло... среди миллиона участников VI ВДМ — 100 тысяч юношей и девушек из республик СССР (который через четыре месяца станет историей)».

«Церковь в Европе может наконец свободно дышать обоими легкими», — сказал тогда, в 1991 году, Папа Римский.

Август 1991 года. Первые впечатления

Сразу после границы группы встречают польские организаторы — волонтеры, священники.

Машут, улыбаются, обсуждают что-то со старшими групп... А на платформе уже стоят бесплатные электрички-экспрессы. Последний отрезок пути — за окнами мелькают поля, леса, аккуратные стожки сена, чистые уютные домики — и вот наконец город. Краков, Варшава, Гданьск, Лодзь, Катовице, Скаржиско-Каменна... Паломников из Советского Союза ждут. Отводят пешком — или отвозят на автобусе — к костелу, кормят, поят и передают с рук на руки прихожанам, готовым принять их на ночлег. А там — после изматывающей дороги, границы, усталости, нервов — встречают как родных, долгожданных гостей. Уже готовы теплая ванна или душ, душистое мыло, свежие полотенца. Снова кормят, поят, расспрашивают с жадным любопытством — как оно там, в Советском Союзе. «Перестройка, Горбачев, у вас и у нас все теперь будет по-другому, все будет хорошо!» Рассказывают о себе, возят по городу, одаривают улыбками и теплом. А наутро, провожая в путь,

Дни молодежи в Ченстохове, 1991. Источник: архив Николая Харчева

суют в руки пакеты с «канапками» (бутербродами), фруктами, бутылками компота. Все обмениваются адресами, обещают писать друг другу. И верят, что непременно еще когда-нибудь встретятся... Все это воспринимается, с одной стороны, как нереальная, невозможно добрая сказка — а с другой, как нечто совершенно естественное: ведь ты сейчас не читатель сказки, ты — ее персонаж.

А дальше — дорога, паломничество. Наверное, лучший способ узнать страну — это пройти по ней пешком. Сельские пейзажи, придорожные часовенки, готические и барочные костелы в уютных маленьких городах. Сбитые ноги. Палящее солнце. Вода из колодца. Новые встречи, новые друзья.

«...Группам,двигающимся по шоссе, не было видно предела. Одну группу от другой отделяло примерно метров триста. Во главе каждой из них несли флаги, распятия, хоругви или просто отличительные знаки. Не мешкая, я расчехлил российский триколор, год назад сшитый мною собственноручно во время вожатства в пионерском лагере... трехцветный флаг многим еще был неизвестен².

Мало кто знал его и в Польше. Часто, когда мы проходили мимо деревень, местные жители подходили к нам и спрашивали, откуда мы родом. Получив ответ, они, как правило, сильно удивлялись и, что неожиданно, нередко всучивали в наши руки гостинцы в виде фруктов и сладостей. Было дело, какая-то добрая старушка одарила нас целым пакетом с бананами и апельсинами. Никаких признаков недоброжелательного отношения к выходцам из СССР не наблюдалось».

(Александр Карпов. «Записки пилигрима»)

А вот воспоминания другого участника паломничества, Валентина Серебрякова:

«Каждый день надо было проходить 32–35 км. С непривычки было трудно. Но тем, кому было нелегко, можно было добраться напутке. Основные вещи были загружены в автомобили, а с собой мы брали самое необходимое. В дороге были два привала с отдыхом и обедом... на привалах возникали митинги, на которых были и слова благодарности Польше и ее народу, и тем, кто шел с нами».

Авва, Отче!

«...в центре Ченстоховы мы окончательно окунулись в водоворот галдящей, смеющейся разномастной толпы. На улицах кипел карнавал.

2 Российский флаг в эпоху перестройки противопоставлялся советскому и был символом некоторого фрондерства среди молодежи и на митингах. — *Примеч. авторов.*

Из окон домов свисали флаги, от стен до стен стирались транспаранты. Отовсюду звучала музыка, и царило безудержное веселье... Город был переполнен гуляющим народом. В центре готовились к приезду Папы, уже с утра на газонах вдоль улиц занимали места, а на площадь перед монастырем трудно было пробраться».

(Александр Карпов. «Записки пилигрима»)

У каждой Всемирной встречи молодежи был свой гимн; в том году им стала песня «Авва, отче», написанная Яном Войцехом Гурой на музыку Яцека Сыкульского, — одна из любимых песен Иоанна Павла II. Пожалуй, ни один гимн за все годы не стал таким популярным, как этот. Его слова звучали и во время пеших переходов, и в Ченстохове... «Авва, Отче!.. Все мы — единое братство, дети Единого Бога... Авва, Отче! Авва, Отче!..» Наши подхватывали припев вместе с поляками и потом, вспоминая, называли эту песню хитом тех дней в Ченстохове. Это был своего рода саунд-трек той встречи, при звуках которого сразу оживают воспоминания...

Участники Дня молодежи заполнили не только площадь перед Ясногорским монастырем и прилегающий к ней парк, но и все улицы, ведущие к Ясной Гуре, и почти всю двухкилометровую Аллею Пресвятой Девы Марии. На всем этом пространстве была организована радиотрансляция, а в нескольких местах установили большие экраны, на которых было также и видео. Министерство связи предоставило организаторам специальные частоты в диапазоне FM — на них можно было слушать как трансляцию по-польски, так и синхронный перевод на несколько языков, включая, разумеется, русский.

14 августа днем Папа проехал по центральной улице Ченстоховы — Аллее Пресвятой Девы Марии, ведущей на Ясную Гору, к древнему монастырю, в котором хранится чудотворная икона Ченстоховской Богоматери. Вдоль дороги стояла более чем полуторамиллионная толпа молодежи со всего мира. Развевающиеся флаги, аплодисменты, приветственные крики...

И в тот же день — вечернее бдение: Апель Ясногорский (особая молитва к Божией Матери Ченстоховской) и литургия вечерни у стен монастыря. Опускаются сумерки. Представители групп из разных стран проносят к алтарю деревянный крест, пасхальную свечу, Библию и список Ясногорской иконы. А слова Апеля Ясногорского («Мария, Царица мира, Мария, Мать Церкви...») впервые прозвучали на двух языках — латинском и старославянском, — что символизировало две

европейские христианские традиции: западную и восточную..

«В тот вечер на поле перед монастырем царил совершенно невероятная атмосфера: сотни тысяч собравшихся там были уже не толпой, но словно бы неким единым организмом. Это было ощущение какой-то невероятной эйфории и столь же невероятной энергетики. И времени не существовало — не было ни прошлого, ни будущего, только «здесь и сейчас». Каждое мгновение — наполненное до предела, словно бы в ином измерении, уходящее в бесконечность времени и пространства. Чувствуешь себя полностью на месте, и все именно так, как и должно быть. Не думаешь о том, что было, не боишься будущего. Только в чистом виде радость, совершенно беспримесная, и сил много, и энергия через край... но все это осознаешь лишь потом, а тогда ты воспринимаешь это как абсолютно естественное состояние...»

(Из воспоминаний участника)

Потому, наверное, почти все, кто там присутствовал, вспоминают тот вечер как отдельные, необычайно яркие, выхваченные вспышкой стоп-кадры.

«Это как в другой реальности. Темнота наверху — огромная глубина, открытая в бесконечность, и яркие-яркие звезды, а внизу — свечи, Папа, башни монастыря... Но когда пели «Авва, Ойче» — время было, оно задавалось песней, и все раскачивались, держась за руки... А потом была карнавальная, ликующая, пьяная от радости Ченстохова...»

(Из воспоминаний участника)

На следующий день, 15 августа, Иоанн Павел II отслужил там же, у стен монастыря, торжественную мессу, в конце которой доверил всех участников Дня молодежи Пресвятой Деве и отправил их в мир. И быть может, если бы все, кто там присутствовал, сохранили и запомнили это состояние, мир стал бы совсем иным? А может, он и стал иным — ведь кто знает, что было бы, если бы...

«Последний день, когда можно было пересечь границу обратно, был 18 августа 1991 года. Так что в Москву очень многие приехали в аккурат утром 19 августа. Выходят с Белорусского вокзала — а там танки... Некоторые ребята из нашей группы сразу отправились к Белому дому на баррикады, где размахивали российским флагом, которым два дня назад махали в Ченстохове под звездным небом, когда Папа обращался к молодежи по-русски...»

(Из воспоминаний Анны Марченко)

Музыка ВА-БАНК

История известного польского композитора

Генрик Кузьняк

В моей жизни было много неприятностей, но я родился под счастливой звездой — наверное, благодаря этому и выжил. В 1942 году, когда мне было шесть лет, умер отец. Он был шахтером, мы жили в Силезии. Во время войны меня перевезли к тете в город Стопница. Помню, как в июле 1944 года там появилось семь советских танков, потом прилетели немецкие самолеты и начался ад. Мы прятались в монастыре, сидели на горах угля в подвалах, а над нашими головами сражались две армии. Потом нацисты захватили монастырь и выгнали нас оттуда. До сих пор, закрывая глаза, я могу увидеть сожженные дома, руины и услышать гробовую тишину, которая царила вокруг. Мы ходили по полям и выкапывали сахарную свеклу — она была нашим единственным лакомством. Мне тогда было восемь лет.

После войны мы с мамой переехали в мой родной город Челядзь. Меня записали во второй класс. В школе было сложно, ведь обезвреживать мины я умел лучше, чем писать. Кстати, четверо моих одноклассников стали потом профессорами.

Признаюсь, я не верил в себя, в собственные силы. Наверное, из-за военного детства у меня не было высоких целей: я не мечтал о славе, о должностях. Я просто занимался тем, что меня интересует, — музыкой. Она увлекала меня с детства.

Когда кто-то красиво играл, мне всегда хотелось плакать, так меня это трогало. В 12 лет мне в руки попал аккордеон, мой первый в жизни музыкальный инструмент.

В гимназические годы мы с друзьями создали оркестр. По вечерам девчонки приходили потанцевать, и мы играли для них. Чего не сделаешь ради девушек! Мы тогда не знали о джазе: играли танго, вальсы, какие-то польские или русские народные песни. В нашем оркестре были две трубы, кларнет, аккордеон, фортепиано... Свои первые произведения я написал именно тогда. Я создавал музыку не потому, что хотел стать композитором. Причина была прозаичной: у нас не было никаких нот, поэтому мы вынуждены были что-то придумывать.

Спустя годы, начиная писать музыку для фильма Юлиуша Махульского «Ва-банк», я использовал свой подростковый опыт. Состав музыкантов в фильме я сделал почти таким же, как в нашем любительском оркестре: две трубы, кларнет, фортепиано....

Время тогда было смутное. В Гданьске и Щецине проходили забастовки, Польша протестовала против власти, а мы готовились снимать фильм. Для меня работа над «Ва-банком» отличалась от того, как это обычно бывает. Чаще всего сперва режиссер снимает картину, и лишь потом композитор пишет к ней музыку. Здесь же в центре сюжета — музыканты, оркестр, который играет в кад-

ре, поэтому некоторые произведения надо было придумать еще до съемок. На запись произведений я специально приглашал исполнителя главной роли, Яна Махульского. Его герой, медвежатник Генрик Квинто, был прекрасным джазовым трубачом, а сам актер никогда в жизни не играл на трубе. Но Ян так внимательно подсмотрел работу музыкантов во время записи и так искусно ее воспроизвел, что все были убеждены, будто он виртуозно владеет инструментом. Фильм — это искусство обмана, и Махульский блестяще справился со своей задачей.

Для «Ва-банка» я специально расстраивал некоторые инструменты, чтобы они фальшивили. Я хотел передать звучание неидеального ресторанного оркестра — чтоб в фильме было как в жизни. Музыка из кино ведь должна соответствовать ситуации, героям, реалиям. Например, в картине звучит расстроенное фортепиано, и трубы тоже играют немного криво. Музыканты во время записи сначала удивлялись, не понимали, зачем я это делаю. Играя блюз, который звучит в сцене похорон Квинто, музыканты так сильно фальшивили по моей просьбе, что я потом и сам засомневался, не слишком ли сильно перегнул палку. Но, как показало время, все было сделано правильно.

Сегодня мне часто говорят, что я придумал для «Ва-банка» гениальные мелодии. Но тогда мало кто так считал. Премьера фильма состоялась

Генрик Кузьняк — польский композитор, профессор кафедры кинорежиссуры Лодзинской киношколы. Преподавал также в Европейской киноакадемии в Страсбурге и Университете Леонардо да Винчи в Париже. Сотрудничал с режиссерами Юлиушем Махульским, Феликсом Фальком, Анджеем Бараньским.

в 1981 году, во время военного положения. Картина зрителям понравилась, но музыку удачной не сочли: после премьеры всего один человек подошел ко мне, чтобы сказать несколько теплых слов. Я тогда подумал: «Видимо, музыка не удалась». В 1982 году «Ва-банк» показали на Кинофестивале в Гдыне, но в тот год жюри фестиваля не вручило награду за лучшую музыку вообще никому «из-за отсутствия достойных кандидатов». Лишь спустя несколько лет, когда мелодии из «Ва-банка» начали играть уличные музыканты, я понял, что члены жюри ошибались.

Однажды я был в городе Крыница. Шел по улице и не поверил собственным ушам, когда услышал джаз-бэнд, который играл мою музыку. Это оказались ребята из Украины; я подружился с ними, и позже мы вместе записали альбом. Я не перестаю удивляться: с момента премьеры «Ва-банка» прошло 40 лет, а в YouTube продолжают появляться новые и новые исполнители моей

Генрик Кузьняк (в центре) на торжественном открытии звезды
своего имени на Аллее славы в Лодзи, май 2012 года.

Фото: Михал Тулиньский / Fotum

музыки. Ее играют солисты, бэнды, симфонические или военные оркестры. Как правило, самые удачные исполнения — из России, Украины или Беларуси. Моя музыка живет своей жизнью, ее до сих пор транслируют радиостанции из разных стран мира.

В самом начале я признался вам, что в молодости не верил в себя. Почему это изменилось? Благодаря знакомству с талантливыми композиторами, музыкантами, режиссерами и их желанию мне помочь я потихоньку поверил, что тоже могу творить. Я позволил себе самовыражаться с помощью музыки. За долгие годы работы я написал композиции более чем к 300 художественным, документальным, короткометражным, анимацион-

ным фильмам и спектаклям, много лет преподавал в Лодзинской киношколе.

Я никогда не писал в стол. Не сидел и не ждал, когда придет вдохновение. Меня раздражают разговоры коллег о том, что им нужно почувствовать солнце Франции или холодный ветер Скандинавии, чтобы написать музыку к соответствующему фильму. Мне для работы не нужно вдохновение. Я просто композитор — человек, которого режиссеры нанимают на работу. Я читаю сценарий, общаюсь с создателями фильма, анализирую, сажусь писать. И так — уже более пятидесяти лет.

Перевод Евгения Климакина

РОБЕРТ ЛЕВАНДОВСКИЙ

Успех, которому тесно на стадионе

Антоний Цихий

Роберт Левандовский. Фото: Мориц Мюллер / Imago Sport

Легенда сборной Польши, мюнхенской «Баварии» и Бундеслиги. Идеальный партнер для спонсоров. Такое впечатление, что в карьере современного супергероя Роберта Левандовского абсолютно все тщательно продумано и, как говорят поляки, застегнуто на последнюю пуговицу.

Антоний Цихий — журналист, сотрудничает с порталом TVP Sport. Корреспондент на чемпионатах мира и Европы, а также теннисных турнирах Большого шлема.

Уже несколько лет он остается лучшим польским футболистом. В Африке, Азии, Соединенных Штатах — куда ни поедешь, везде знают и ценят Левандовского.

Неудивительно, что он занял четвертое место в списке самых дорогих футболистов старше тридцати лет (вслед за Месси, Криштиану Роналду и Пьером-Эмериком Обамеянгом). Недавно «Бавария» продлила с ним контракт до 2023 года. По неофициальным данным, он будет зарабатывать больше всех в немецкой лиге — 15 млн евро в год.

От подъема до отбоя

Левандовский занимался разными видами спорта, но футболом — с детства. Его карьера и биография — пример добросовестного стремления к поставленной цели; он настойчиво и неуклонно шел к вершине: гармонично и только вперед. Промехам и шагам назад в его карьере нет места.

«Дети принимали первое причастие, и нам пришлось попросить настоятеля сократить мессу, потому что Роберт спешил на матч. Из ко-

стюма в футбольную форму он переодевался уже в машине», — рассказывала его мама о дне, когда он забил за сборную первый гол.

Талисман сборной и клуба

Заканчивался матч Польши с Шотландией на стадионе «Хэмпден Парк» — предпоследний в отборочном турнире чемпионата Европы 2016 года. Последняя атака, суматоха в штрафной — и Левандовский проталкивает мяч в ворота. Несколько десятков часов спустя в Варшаве в матче с Ирландией при равном счете он буквально сложился пополам, выпрыгнул так, словно на ногах у него были пружины, и головой точно уложил мяч в сетку ворот. Для польского бомбардира это был первый столь успешный отборочный турнир. Его 13 мячей стали рекордом, а через два года он установил новый — 16 голов в европейском отборочном турнире чемпионата мира.

Левандовский возглавлял команду на двух мундиалах. Играя за сборную, он забил 57 мячей — это лучший результат в истории польского футбола. В матчах за мюнхенскую «Баварию», чьи цвета он защищает с 2014 года, — 198 голов. В Мюнхене Левандовский уже стал легендой: только Герд Мюллер и Карл-Хайнц Румменигге поражали ворота противника чаще. На его счету 247 голов в Бундеслиге (в том числе за дортмундскую «Боруссию»), он третий в рейтинге бомбардиров лиги всех времен.

Левандовский — звезда не только в Германии. В Африке молодежь мечтает о футболках с его номером, по всей Западной и Восточной Европе таксисты, едва услышав слово «Польша», отвечают: «Левандовский», а в самолетах ведущих авиалиний его вместе с другими игроками «Баварии» показывают в рекламе перед фильмами. Это спортсмен с такими невероятными результатами и такой популярностью в мире, каких в Польше было мало.

Идеальная пара

Роберт и его жена, Анна Левандовская (в девичестве Стахурская), — одна из тех пар, которые заметны на телевидении и в печати. Однако соединила их не слава, они шли к ней вместе: он — незаурядный футболист, она — бывшая спортсменка, ставшая фитнес-тренером.

В то время, когда они познакомились, более успешной была она — обладательница 38 медалей на чемпионатах Польши, Европы и мира по карате. Потом Анна получила второе образование, стала писать книги, выпускать диски с рекомендациями по здоровому образу жизни. Муж стал ее дисциплинированным подопечным: здоровое питание, режим дня, а также убежденность, что матч и тренировка начинаются сразу после пробуждения и заканчиваются, когда ты ложишься спать.

Такой сбалансированный и продуманный подход дает результаты. За шесть лет он не играл из-за травм всего в тринадцати матчах. Обычно футболисты пропускают столько после одной травмы: у них не выдерживают мышцы, сухожилия, кости. А Левандовский — как машина, которая не дает сбой.

Этот перфекционизм, ставший жизненным принципом, заметен и на стадионе — например, в том, как Левандовский в совершенстве овладел искусством выполнения штрафных.

Когда-то он не забивал голов со штрафных и начал над этим работать, будучи уверенным, что совершенства можно достичь в разных областях. Теперь у него есть свой способ: он не сразу бежит к мячу, но и не останавливается перед ударом — ведь это запрещено. Он меняет темп, запутывает вратаря, а сам ошибается редко.

Человек-бренд

Левандовский прекрасно справляется с ролью современного спортсмена — такого, который воздвигает себе памятник не только голами. Он работает на свой имидж и зарабатывает как на футбольном поле, так и за его пределами: его карьера охватывает мир спорта и бизнеса. Портфолио всемирно известных брендов, с которыми сотрудничает Левандовский, впечатляет.

Он заключает контракты с крупнейшими в мире рекламодателями, такими как Coca-cola, Gillette, Head & Shoulders или Huawei. В 2017 году, по подсчетам аналитиков, его стоимость превысила 250 млн долларов. Левандовский — человек-институт, но «работает в нем» не он один. Он вкладывает деньги в инвестиционные фонды и создал даже RL Media — агентство, отвечающее за маркетинговые кампании Роберта и Анны Леван-

довских. В общем, карьера профессиональная во всех отношениях.

У Левандовского миллионы фанатов. Число подписчиков его страниц в соцсетях действует на потенциальных спонсоров как магнит: 1,2 млн подписчиков в Twitter, более 9 млн в Facebook, 15,5 млн в Instagram. Рекламой он занимается в изысканной, ненавязчивой манере. Например, футболист ходит по Мюнхену и снимает свои прогулки телефоном определенной марки или мотивирует травмированного Якуба и неуверенную в себе Матильду с помощью фильмов, совмещенных с рекламой шампуня, а если уж он на фотографии что-то пьет, то это отнюдь не случайная минералка. В сотрудничестве с фирмой Oshee он выпустил на рынок собственный напиток RL9 Pro. Это очень известная марка, которая сама по себе стоит миллионы.

Перевод Владимира Окуня

Роберт Левандовский забивает гол за «Баварию»; на первом плане — вратарь Александр Шволов («Герта»). Бундеслига, сезон 2020/2021. Стадион «Альянц Арена», октябрь 2020. Фото: Франк Хорман / Sven Simon / Imago Sport / Forum

ЭВА ДЕМАРЧИК
Панна, Мадонна,
легенда тех лет

Александр Бондарев

Эва Демарчик в парижском концертном зале «Плейель», 1972. Фото: Владислав Славны / Forum

Черный ангел польской песни

Эва Демарчик родилась в музыкальной семье. У отца, скульптора, был абсолютный слух, он играл на многочисленных инструментах и пел. Пела и мать. Эва говорила впоследствии: *«Из меня с самого начала воспитывали гения. Может, потому, что я была некрасивая? Это иногда даже страшно, когда родители решают, что их дети должны быть талантливы».*

Когда она уже училась в театральной школе, ее кто-то привел на прослушивание в знаменитый краковский «Погребок под баранами» (Piwnica pod Baranami), который официально был лишь маленьким любительским театром. Эва обратила на себя внимание, постепенно вошла в жизнь труппы и в начале 1961 года в первый раз выступила на подмостках. Тогда ей было 20 лет. Через год она вышла на большую сцену Дома литераторов — и покорила искушенную краковскую публику.

Но подлинная слава пришла к ней в 1963 году, когда она получила вторую премию на Национальном фестивале польской песни в Ополе (первую вручили Анне Герман). А пригласили ее туда в качестве «уникального молодого таланта», исполняющего со сцены серьезные поэтические произведения.

Демарчик стала выезжать за границу, исполнять все новые песни, музыку для которых писал композитор Збигнев Конечный.

Знаменитый парижский импресарио Бруно Кокатрикс, работавший со всеми звездами французской эстрады, в 1964 году пригласил ее на шестинедельные гастролы, прошедшие с ошеломляющим успехом. Слова из завершающей песни Grande Valse Brillante соответствовали сценическому образу певицы: панна, Мадонна, легенда тех

лет. После одного концерта импресарио прямо на сцене встал перед ней на колени и сказал: *«Это будет моя вторая Эдит Пиаф».*

Кокатрикс был уверен, что перед ним — звезда мирового масштаба, величайшая певица со времен «парижского воробышка». Он предложил Демарчик контракт на два года; песни для нового репертуара должны были писать французские композиторы и поэты, сочинявшие для Пиаф.

Но Эва отказалась: *«Я еще не окончила театральную школу, и у меня есть планы на будущее. Я хотела бы, чтобы у меня были свои, польские поэты и композиторы».*

Последующие ее гастролы состоялись на лучших площадках почти во всех европейских странах, а также в Австралии, Бразилии, Мексике, Израиле... Во время гастролей в США в 1967 году газета New York Times писала: *«Черный ангел польской песни — одна из немногочисленных в мире*

Александр Бондарев — журналист, переводчик с польского, английского и французского языков, сценарист (сотрудничал с режиссером Ежи Кавалеровичем). Сотрудничает с «Новой Польшей» со дня основания.

певиц, обладающих удивительным голосом, театральными возможностями и музыкальной впечатлительностью, которые позволяют ей перейти языковой барьер. Она напоминает Эдит Пиаф, но в отличие от легендарного “парижского воробышка” Демарчик владеет голосом как профессиональная оперная певица».

В СССР Эва Демарчик стала известной еще до своего первого приезда с концертами. Дело в том, что в 1974 году фирма «Мелодия» выпустила ее альбом двухмиллионным тиражом, а общий тираж вместе с переизданиями составил 17 миллионов.

Не исключено, что здесь сыграл свою роль тот факт, что в альбоме были песни на слова Мандельштама и Цветаевой в переводе на польский. Кроме того, в него вошли несколько польских песен из репертуара певицы, исполненных на русском языке в переложении писателя и переводчика Бориса Носика.

С Носиком они познакомились почти случайно. А когда через какое-то время он приехал в Польшу (как автор сценария фильма про двух таджиков в оккупированной Варшаве, устроивших бунт по пути на расстрел), певица и переводчик встретились снова. Дружба быстро переросла в роман. Носик вспоминал: «Она говорила мне: “Ты в разводе, мы поженимся, и ты будешь писать пьесы для моего краковского театра”. В этот миг она была свободна, а вообще всегда была влюблена, всегда в романах».

Эва попросила своего нового друга перевести на русский несколько ее песен, и он, по его словам, сделал это за одну ночь. Во всяком случае, когда Эва приехала со своими первыми концертами в Москву в 1975 году, слава ее уже гремела по всей стране.

Тут нужно сказать, что тогда в СССР польская культура была для советских людей, живших за «железным занавесом», окном в Европу. Огромной популярностью пользовалось польское кино. Множество людей выписывали польские журналы, читали не только польских авторов (прежде всего Станислава Лема) на русском, но и переводы западной литературы на польский. Объяснение очень простое: из западной литературы в СССР издавали только «прогрессивных» авторов, а в Польше публиковались переводы лучших западных писателей. При этом книги, которые выходили в «странах народной демократии», были сравнительно доступны. Поэтому тогда и образовалось целое поколение советских людей (в том числе, Иосиф Бродский и многие другие, да и я сам), которые впервые прочли Фолкнера или Ионеско по-польски.

Первые концерты Эвы Демарчик в Москве прошли вовсе не на центральных площадках: в Центральном доме литераторов и в зале кинотеатра «Варшава» на Войковской. Я был на обоих, и это одно из самых сильных художественных впечатлений в моей жизни.

С первым концертом связана почти анекдотическая ситуация.

Дело в том, что у Демарчик были свои обязательные условия для выступлений. Во-первых,

Эва Демарчик. Источник: Википедия

черный пол сцены. Во-вторых, мягкое освещение. В-третьих, на сцене должны были стоять два одинаково настроенных черных рояля. Последнее было важно, потому что позволяло достигать необычных звуковых эффектов.

И вот с этими роялями во время ее первого концерта в Москве возникла проблема. В зале кинотеатра «Варшава» было два рояля, но один из них был забит гвоздями и у него была испорчена педаль. Эва сказала: «Если не будет второго рояля, не будет концерта». Тогда началась паника. Публика уже сидела в зале. Приехали представители консульства, Госконцерта и пытались убедить ее выступить с одним роялем. Это же не дуэт, говорили они. Эва отказалась. В итоге прямо в присутствии публики пришлось вытаскивать гвозди

из второго рояля и ставить на него новую педаль. Концерт начался с часовым или даже полутора часовым опозданием.

Да, характер у Эвы Демарчик был нелегкий. Она приходила в бешенство, когда кто-то над ней подшучивал. Еще в «Погребке под баранами», когда коллеги пели пародию на одну из ее песен, она расплакалась.

Она никогда ничего не исполняла на бис, хотя кланяться публике выходила по несколько раз. Но то, что она делала со слушателями, было невероятно: люди как зачарованные аплодировали ей стоя по 15–20 минут. Однако за все это певице приходилось платить высокую цену. Случалось, что после концерта, за кулисами, она падала в обморок.

В 1976 году она уходит из «Погребка под баранами». В 1986 году — получает государственную дотацию и открывает Государственный театр музыки и поэзии, который так и называется: Театр Эвы Демарчик. Зал в театре очень небольшой. Вместе со своей группой, уже с композитором Анджеем Зарыцким, она выступает по всей Польше.

После 1989 года в Польше проводилась реституция, и в 1991 году особняк, где размещался театр, вернули прежним, довоенным владельцам.

Начались скитания. Бывший кинотеатр «Висла», где театр четыре года проводил ремонт на собственные средства. Затем — Исторический музей, с залом, совершенно непригодным к концертам: теснота, плохая акустика. В 1995 году театр переезжает на Газовую улицу, но вскоре опять появляются наследники, начинается новая тяжба.

В 1999 году административная реформа в Польше меняет источники финансирования; прошение Эвы Демарчик о приеме театра под непосредственный патронат Министерства культуры отклонено. Театр выселяют из дома на Газовой, причем выселяют со скандалом — взламывают замки, выбрасывают дорогую аппаратуру прямо на улицу. Магистрат Кракова сообщает, что не располагает подходящим помещением, и Государственный театр музыки и поэзии закрывают.

Тогдашний мэр Кракова заявил, что его интересуют исключительно выступления в городе и что финансировать театр он будет только в этом случае. Эва спросила его, может ли он предложить ей зал для выступлений. Тот ответил: «Разумеется, как только я его построю».

Возникает ассоциация «Театр Эвы Демарчик», которая принимает предложение бургомистра Бохни — маленького городка неподалеку от Кракова. Там театру дали помещение старого детско-

го сада, куда Эва Демарчик и переехала со своим коллективом из 12 человек.

Певица писала тогда: *«Я все еще не примирилась с тем, что какой-то один чиновник сможет лишить меня контактов с публикой. Сможет отнять у меня мою публику, а у публики — Эву Демарчик. Мне сказали, что я должна радоваться, что мне дали целых два года, чтобы ликвидировать театр. Лично министр культуры сказала мне на бегу по телефону: “В чем дело? У вас до ликвидации еще целых два года”».*

В январе 2000 года власти Кракова отменяют дотацию театру и принимают решение объединить театр Эвы Демарчик с Театром Людовым в Кракове. Саму Демарчик увольняют с поста директора, сотрудники ее театра уходят.

Эва Демарчик не выдерживает. Последний ее концерт с группой состоялся 8 ноября 1999 года. Зал прощался с певицей стоя. Три месяца спустя она распустила весь состав своей труппы, выплатила им вперед зарплату за несколько месяцев и сказала: *«Мне очень жаль, что все так случилось. До свидания».*

Эва покинула родной город, в котором для нее не нашлось места. Она стала жить в своем маленьком домике с садом в Величке, недалеко от Кракова.

Начали поговаривать, что она пьет. Однако один из членов ее группы сказал: *«Я играл с ней 13 лет и никогда не видел ее пьяной. За эти годы я не видел, чтобы она взяла в руки хотя бы бокал шампанского».*

Другие говорили, что она была по-прежнему в прекрасной форме, но покинула сцену сознательно — так, как Грета Гарбо ушла из кино, чтобы все помнили ее как прекрасную молодую звезду и никто не видел ее в роли пожилой женщины.

После смерти знаменитой польской репортерки Тересы Тораньской в ее архиве обнаружили отрывки из интервью с Эвой Демарчик. Говоря о своей затворнической жизни в домике с садом, Эва сказала: *«Растения тебе никогда не изменят. А в людях я разочаровалась».*

Великая певица Эва Демарчик скончалась 14 августа 2020 года.

С нами остались ее песни. Борис Носик вспоминал, как пани Янина, мать Эвы, спросила у него: *«Знаете, почему вся Польша поет “Томашув” на стихи Тувима [из репертуара Эвы]? Потому что в жизни каждой женщины есть свой Томашув».*

*А может нам с тобой в Томашув
сбежать хоть на день, мой любимый,
там может в сумерках янтарных
все тишь сентябрьская стынет...*

ПОХВАЛА ЗДРАВОМЫСЛИЮ

Польша, Россия и Украина глазами идеалистического реалиста

Лукаш Адамский

Более сорока лет спустя после смерти одного из величайших польских политических мыслителей XX века, публициста эмигрантской «Культуры» Юлиуша Мерошевского, его пророчества и постулаты, касающиеся польской восточной политики, по-прежнему дают пищу для размышлений.

Юлиуш Мерошевский — главный политический публицист парижской «Культуры» и одновременно один из крупнейших польских политических мыслителей XX столетия — в памяти потомков остается в тени Ежи Гедройца. В 2016 году сороковая годовщина его смерти прошла на родине практически незаметно. Тем более он неизвестен на восток от Польши.

Так называемая линия «Культуры» — программа, которую по-разному интерпретируют, но обычно сводят к отказу от претензий на «кресы», восточные окраины довоенной Польши, и признанию независимой Украины, Литвы и Беларуси — ассоциируется с Гедройцем. Именно он стал символическим отцом-основателем политики Третьей Речи Посполитой по отношению к восточным соседям, и именно его фамилия со временем превратилась в своего рода снаряд, которым перебрасываются сторонники и противники такой политики.

Между тем вклад Мерошевского в популяризацию «Культурой» определенного рода польского мышления о политике, об отношениях с соседями и о самих себе был огромен. И свидетельствовал об этом прежде всего сам Гедройц. *«Моим ближайшим соратником, несомненно, был*

Юлиуш Меровшевский, 1938 или 1939. Источник: Национальный цифровой архив Польши

В рядах польской эмиграции Меровшевский был прежде всего одним из самых ярких глашатаев рационализма и врагом сентиментального мышления.

Меровшевский — человек, с которым мы были поразительно схожи. Он вел с нами — со мной и другими членами редакции, живущими в Париже, — неустанные споры и дискуссии. Впрочем, он слыл чудачком — и был, кажется, единственным человеком, который был так близко связан с “Культурой” и ни разу не приехал в Мезон-Лаффит. Он никогда не покидал своего района в Лондоне. Но несмотря на все это, мы порой писали друг другу по девять писем в неделю, как влюбленная пара. Контакт между нами был необычайно тесен. Если говорить о политике, то это был для меня самый близкий человек».

Сам же Меровшевский в 1975 году, уже болев тяжелой формой рака, в небольшой заметке для читателей «Культуры» признавался: «Гедройц — Мой Редактор и единственный друг».

Так в чем заключались взгляды Меровшевского? Какую роль в его размышлениях играли Рос-

сия и Украина? Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем наметить несколько тематических линий его публицистики.

В рядах польской эмиграции Меровшевский был прежде всего одним из самых ярких глашатаев рационализма и врагом сентиментального мышления.

Он считал, что любая политика должна опираться на трезвый анализ, основанный на фактах и прогнозах, и не идти на поводу у эмоций. В подобном случае диагнозы были бы неверными, а лекарства — вредоносными.

Он, конечно, понимал: «Нужно сражаться за то, чтобы компасом жизни народов служили логика и рационализм, однако нельзя забывать, что политика — это поле битвы, игра страстей и амбиций». Меровшевский считал, что в конечном счете выигрывает тот, кто может правильно

оценить положение, проанализировать ситуацию и принять соответствующие меры, а не тот, кто поддается влиянию импульсов и эмоций.

По его мнению, поляки — в отличие от англичан — не отличаются особым политическим здравомыслием, поэтому воспитание у народа подобного мышления он считал своей первостепенной задачей как публициста. *«Поляки по природе своей принципиальны, и каждый компромисс считают завуалированной капитуляцией»*, — иронизировал он в одном из своих текстов.

Убежденность в необходимости холодного, рационального подхода не только привела его к критике позиции польских эмигрантов, так и не смирившихся с пост-ялтинскими границами, но и подтолкнула к последовательному изложению на страницах «Культуры» постулатов о пользе — в долгосрочной перспективе — отказа от «кресовых» земель.

Она определяла общий взгляд публициста на политику и историю. Этот взгляд был трезвым и зорким. Зачастую увиденное помогало ему дать прогнозы, которые оправдались спустя многие годы после его смерти.

«XX век будет свидетелем Весны народов в Варшаве и в Киеве» — прогноз 1972 года, когда СССР был на пике своей мощи.

«Если вернуть все права, которые советским республикам гарантирует конституция, Советский Союз автоматически превратится в содружество независимых государств и народов», — писал Меровский за двадцать лет до перестройки. Похожим образом публицист предсказал события осени 1989 и 1990 годов: *«Новая ситуация, которая позволит Польше обрести независимость, автоматически позволит Германии объединить оба немецких государства»*.

Разве не был точным прогнозом развала СССР тезис, сформулированный сначала в 1966-м, а затем в 1972 году? *«До сих пор история не увековечила на своих страницах ни одну империю, которая устояла бы перед динамикой национализма. Невозможно повернуть вспять спонтанные исторические процессы — так же, как нельзя предотвратить грозу. Зато можно частично обезопасить себя от грозы. Если бы русские постепенно преобразовали Советский Союз в содружество независимых государств и народов — они в значи-*

Однако Меровский, будучи убежденным рационалистом, энергично боролся с позицией, которую обычно определяют как политический реализм, или Realpolitik.

Лукаш Адамский — доктор исторических наук, исследователь польско-российских и польско-украинских отношений, эксперт по польской внешней политике, заместитель директора Центра польско-российского диалога и согласия.

тельной степени сохранили бы свои позиции. Однако они этого не сделают, и в кризисный момент предложат покоренным народам слишком мало и слишком поздно».

Однако Меровский, будучи убежденным рационалистом, энергично боролся с позицией, которую обычно определяют как политический реализм, или Realpolitik. Он считал ее не столько реалистичной, сколько — прежде всего — недальновидной. По его мнению, этот подход часто является следствием политического оппортунизма и в перспективе деструктивен для международной системы; он подрывает фундаментальную веру в необходимость и возможность опоры на общепринятые принципы и ценности. Меровский не щадил сил в борьбе с подобными взглядами, которые не решают существующих конфликтов и порождают вражду между народами, провозглашая регулятором социальных конфлик-

тов нигилизм. Он также критиковал людей, способствующих распространению такого мышления.

Будучи рационалистом, Меровский был одновременно убежденным идеалистом. Он считал, что мир зиждется на идеях, что именно они определяют развитие истории, а не — как полагали марксисты — материальная база. При этом создается впечатление, что публицист сам себя относил к политикам, действующим нетрадиционным способом — через мысли и слова. *«Именно слово — главный инструмент политического акта, — писал Меровский, — поскольку в конечном счете “победить” означает не “покорить”, а “привлечь”. А “привлечь” означает “убедить”. К настоящему сотрудничеству можно кого-то привлечь, но не принудить»*. Одновременно он утверждал: обязанность эмигрантской интеллигенции состоит в борьбе за возвращение смысла словам, ибо именно язык определяет сознание, а семантическая инженерия способна на многое.

Вере в слово у Меровского сопутствовала вера в необходимость интеллектуальной свободы при создании и продвижении политических концепций, которые не могут быть обесценены обвинением в утопичности. Он был убежден (эта мысль появлялась в множестве его статей) — чтобы какую-либо концепцию, план или идею привести в жизнь, сначала следует ее сформулировать, а потом продвигать. *«Мечтания романтиков осуществляли реалисты. Не будь романтиков — реалистам было бы нечего осуществлять»*. С этой перспективы он критиковал «соглашателей и коллаборационистов всех времен», которые *«всегда провозглашали: желаемое, но в данных обстоятельствах невозможное, — нереально. Как известно, только нечто реальное может стать предметом политического анализа, а в дальнейшей перспективе — содержанием политической программы и действий»*.

Критически настроенный патриот, реалистичный идеалист, он был уверен: ключевой вопрос для Польши и поляков — отношения с восточными соседями. *«На Западе мы будем значить столько, сколько на Востоке, а не наоборот»*. А важнейшей страной для Меровского, вопреки распространенному мнению, была вовсе не Украина. Такой страной была Россия.

В Россию он верил. Считал, что рано или поздно ее ждет европейское будущее, а двигателем этого процесса станет русская интеллигенция. Подобно мантре во всех его текстах звучит Россия — ключ к польской суверенности, ключ к европейской безопасности и стабильности. Украина,

Литва, Беларусь — страны, обычно ассоциируемые с «доктриной “Культуры”», — конечно, тоже упоминаются в его публицистике, но, как правило, размышлениям о них сопутствуют размышления о России. Можно даже сказать, что политика Польши по отношению к Литве, Украине и Беларуси для Меровского была производной от ее политики по отношению к России и от российско-польских отношений.

Поэтому он писал, что укорененная в российском мировоззрении концепция легитимизма и сфер влияния обречена, будучи реликтом полтора-вековой давности. Россия применяет у себя политику террора и угнетения, поскольку ее социальное развитие запоздало на сто пятьдесят лет.

Меровский видел проблемы русских с функционированием в демократических государствах, которые, кстати говоря, актуальны и по сей день: *«Даже просвещенные русские, знающие Запад и иностранные языки, не понимают механизма либеральной демократии. (...) Популярная русская поговорка “[был бы человек, а] статья всегда найдется” отражает общую убежденность: правительство — будь то царское или советское — всемогуще по отношению к гражданам»*.

Он обращал внимание на огромные комплексы в отношениях с Европой, укорененные в российском обществе. *«Русские как в царские времена, так и сейчас китайской стеной отгораживаются от Европы, не только Западной, но и Восточной — потому что боятся Европы. Боятся Европы не в милитаристском и даже не в идеологическом, а в культурном смысле. Они опасаются, что настоящее сближение поставило бы под угрозу ценности, составляющие суть русскости. Советскость взращивает и лелеет давний и глубокий комплекс неполноценности по отношению к Западу. Можно даже не добавлять, что комплекс этот, хотя и объясним исторически, сегодня — только невроз, от которого русские должны излечиться. (...) Русские боятся, ибо в результате многовекового комплекса не доверяют собственному культурному потенциалу»*.

Знаменательно, что к царской России — государству, опиравшемуся на христианство, пусть и специфически интерпретируемое, но все же представлявшее идеологическую основу функционирования империи, — Меровский не испытывал эмоционального неприятия. Зато к СССР он относился определенно враждебно. Если царскую Россию он считал государством пусть отсталым и поэтому авторитарным, но в конечном счете имевшим аналогии в истории Европы, то к СССР питал абсолютное отвращение. Союз был для него

образованием омерзительным, имеющим природу очевидно неевропейскую и враждебную европейской цивилизации, то есть христианству. «Существует некоторый тип режимов, с которым ни один порядочный человек не может сотрудничать. Можно было идти на сотрудничество и вести переговоры с Австрией, можно было вести политику компромисса с царизмом. Но человек, сотрудничающий с Советским Союзом, сознательно взваливает на свои плечи груз моральной ответственности за все ГУЛАГи, за все психиатрические больницы, за все преступления против человечества, которые ежедневно совершают советские власти». Он писал без обиняков: человеком, вырвавшим Россию из европейского сообщества, был Ленин.

Стратегия Меровского предполагала, что «Россия не может оставаться архаичным образованием в современном мире. Можно сражаться против Китая или американцев, но нельзя сражаться с самим временем». В ответ на частые в среде польской эмиграции (впрочем, не только в ней) возражения, будто Россия никогда не изменится, он писал: «При нашей жизни произошли значительные перемены в британской, французской, голландской, бельгийской и португальской империях. Трудно было бы меня убедить, что это правило не касается Советского Союза, потому что в Москве открыли эликсир имперского бессмертия».

А какое это имеет отношение к польско-русским вопросам? В своих размышлениях Меровский исходил из того, что «Россия есть и останется нашим соседом», но, к сожалению, поляки не понимают этой страны. «Каждый второй поляк мнит себя знатоком России, тогда как на самом деле мы не умеем и никогда не умели поступать в отношениях с Россией рационально. Мы производим или ненавистников, пышущих злобой ко всему русскому, или коллаборационистов».

Между тем «лондонец» верил: в России будущего должен произойти процесс демократизации и деимпериализации, и его начало — лишь вопрос времени. Так появится конъюнктура для стабильного урегулирования польско-русских отношений.

Меровский имел в виду не столько западничество русских — для этого он не видел ни условий, ни причин, — сколько именно деимпериализацию. Речь шла о признании права других народов империи — и внешних, то есть государств-сателлитов, и внутренних — на фактическую независимость. Ход его мысли лучше всего выражает фраза: «Рассуждая логически, перед нами

есть только два решения. Или завоевать Россию, или с нею договориться. Поскольку мы не можем ее завоевать, нам придется с нею договориться. Но чтобы с нею договориться, для начала нам нужно ее изменить».

«Любая политика — это политика постулатов. Если мы пишем о польско-русском согласии, это не означает, будто это согласие сегодня возможно, и даже не означает, что это согласие когда-либо будет возможно. Это значит, что с нашей перспективы крепкое польско-русское согласие желательно и служит польским интересам».

Изменить — но как? Меровский исходил из предпосылки, что «для русских польский империализм — течение исторически вечно живое»: «русские, осознавая силу притяжения польской культуры, опасаются ее ягеллонского потенциала. Русские не доверяют нам, потому что до сих пор смотрят на нас как на потенциального соперника».

«Постулирование для Польши статуса равноправного партнера России в действительности представляет собой явление абсолютно новое в нашей восточной политике, и, следовательно, дискуссия по этому вопросу необходима», — писал он.

Поэтому Меровский считал в перспективе необходимым — помимо контактов с российской эмиграцией и интеллигенцией, чей политический вес и демократизм он явно преувеличивал, — отказ Польши и России от взаимных претензий (как юридических, так и фактических) на гегемонию над территорией, которую в своей, пожалуй, самой известной работе он назвал «территорией УЛБ». Ибо, по мнению Меровского, именно «территория УЛБ определяла форму польско-русских отношений, обрекая нас на империализм или статус страны-сателлита». Именно это аналитическое заключение сформировало отношение Меровского к восточным землям довоенной Польши: Литве, Украине и Беларуси. И больше всего (кроме России) он писал об Украине, на примере которой можно лучше всего понять взгляды мыслителя на тему восточных соседей Польши.

Прежде всего «лондонец» подчеркивал субъектность украинского народа, его отличие от русских и его право на самоопределение. При этом он осознавал: если в польско-украинских взаимоотношениях болевой точкой остается судьба восточных воеводств межвоенной Польши после наступления в будущем «весны народов» в Европе и падения империи, то в российско-украинских отношениях проблема гораздо глубже. «Даже

образованные и самые либеральные русские (...) в глубине души не считают украинцев отдельной нацией», — писал Мерошевский и призывал к тому, чтобы проверкой взглядов каждого нового российского эмигранта считалось его отношение к национальному вопросу.

И потому Мерошевский предлагал *«искать возможность контакта и понимания с теми русскими, которые готовы признать полное право на самоопределение украинцев, литовцев и белорусов; и, что не менее важно, мы сами должны раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и какой бы то ни было политики и планов, ведущих (при установлении благоприятной конъюнктуры) к нашему доминированию на востоке за счет этих народов. Поляки и русские должны понять — только неимпериалистическая Россия и неимпериалистическая Польша имели бы шанс стабилизировать и упорядочить взаимоотношения»*.

Убеждение в том, что украинцы — самостоятельная нация, стремящаяся как минимум к равным правам с русскими и даже к независимости, приводило публициста к постулату о необходимости устойчивых отношений с этим народом. Поль-

тике огромную роль. Никто не знает этого лучше, чем поляки. Если бы мы сегодня забрали Львов, сорок два миллиона украинцев пылали бы ненавистью к Польше и полякам. С политической точки зрения, лучше смириться с потерей одного города, чем обречь себя на ненависть 42-миллионного народа».

Будучи рационалистом, он видел, что границы могут меняться, а Москва в момент дезинтеграции империи или тогда, когда сочтет Украину опасной, может попробовать играть на исторических противоречиях. *«Отторжение от Польши Львова стало политической ошибкой с точки зрения советских интересов, поскольку польский Львов разделял бы эти братские народы — что было бы на руку Москве при любых условиях, а не только в период встрясок и кризисов. Сталин отобрал у нас Львов, договорившись с Гитлером, когда ни он, ни Гитлер не принимали в расчет возможность восстановления польского государства. Поэтому я бы не удивился, если бы русские в момент гораздо менее драматичного кризиса, чем война с Китаем, решили вернуть нам Львов, чтобы воскресить ненависть между поляками и украинцами»*.

Прежде всего «лондонец» подчеркивал субъектность украинского народа, его отличие от русских и его право на самоопределение.

скую эмиграцию, особенно лондонскую, с которой Мерошевский непосредственно общался, он упрекал не только в поддержке недальновидной стратегии несогласия с потерей восточных земель (или как минимум в непринятии нового положения вещей), но также в патерналистском подходе к ближайшим соседям. *«Мы ведем себя, как шляхтич, потерявший состояние. Немошная экономика, превратности судьбы, а прежде всего — злой сосед виноваты в том, что мы лишились „состояния“, которое принадлежало нам по закону божьему и человеческому. Однако мы утешаем себя: „историческая справедливость“ покарала украинцев, литовцев и белорусов, ибо на смену добрым польским панам пришли злые советские»*.

Он предостерегал от таких воззрений и вообще боролся с враждебным настроением по отношению к украинцам, призывая поляков согласиться и смириться с новой географической ситуацией: Польшей без Вильнюса и Львова, но с Вроцлавом, Гданьском и Щецином. *«Ненависть играет в поли-*

Что же может вынести на будущее читатель Мерошевского в 2019 году?

Первое, что приходит в голову, — это необходимость формулирования долгосрочной политической стратегии с четко представленной аргументацией, целями и способами их достижения. Такой стратегии, которая апеллировала бы к государственному благу, но одновременно не принимала в расчет указаний сильных мира сего и не подстраивалась под доминирующую конъюнктуру общественного мнения. Речь идет об интеллектуальном мужестве в публичной деятельности, в том числе в процессе политического консультирования. Именно люди с независимым мышлением способствуют расцвету политической мысли, в то время как клакеры — ее увяданию.

Мерошевский также учит критическому патриотизму и преодолению эмоций, поскольку они нарушают процесс политической диагностики и выработки правильной стратегии действий. Если исходить из того, что мерилом интеллектуальной

зрелости служит способность к логической аргументации и ясному изложению своих умозаключений, то Меровский, несомненно, мог бы стать выдающимся политическим стратегом, которому, однако, не суждено было участвовать в реальном процессе управления государством или хотя бы дипломатическим ведомством.

Работы «лондонца» — это также похвала ценностям и политике, опирающейся на ценности. Писатель не только верил в действенную силу слова и идеи, но и настаивал на необходимости соблюдения этих принципов политиками и государствами как лучшей долгосрочной гарантии безопасности. Он выступал против нигилистского подхода к интерпретации международного положения, а особенно — стратегии, называемой политическим реализмом, который для Меровского представлял собой не что иное, как псевдореализм.

Писатель в числе прочего призывал к соблюдению одинаковых принципов и применению единой шкалы оценок ко всем соседям, к принятию индетерминистических подходов к политике и к пониманию — что не тождественно при-

невозможно в обозримом будущем, поскольку подавляющее большинство российских эмигрантов не признавало существования украинской идентичности. Само же предположение, что отказ Польши от территориальных претензий и вообще каких-либо амбиций доминирования на «территории УЛБ» решит проблему польской безопасности, оказалось лишь наполовину верным. Да, оно помогло установить нормальные и по большей части дружеские отношения с независимой Литвой, Украиной и Беларусью, но уж точно не повлекло за собой — по крайней мере до сих пор — аналогичного шага со стороны России.

Вот что интереснее всего: понимал ли «лондонец», что для того, чтобы осуществить свои цели, даже дипломатии, искоренившей всяческие патриотические сентименты и эмоции, а также осознающей необходимость множества болезненных лишений, необходимо иметь дело с партнером, который мыслит подобным трезвым образом, анализирует ситуацию с опорой на те же предпосылки? Знаменательно, что при жизни Меровский так и не нашел российского партнера, который думал бы об Украине, Беларуси и Литве так же,

Писатель не только верил в действенную силу слова и идеи, но и настаивал на необходимости соблюдения этих принципов политиками и государствами как лучшей долгосрочной гарантии безопасности.

нятию! — точек зрения соседей. Меровский доказывал, что политика должна опираться на диалог хотя бы потому, что в таком случае она более эффективна.

Конечно, в чем-то Меровский ошибался. Особенно подвела его вера в действенную силу российской интеллигенции — сила эта оказалась иллюзорной. Он не замечал, что предлагаемое им польско-российское согласие, определяющее взаимный отказ от претензий на «территорию УЛБ»,

как он. Нашел бы он единомышленника в современной России?...

Перевод Полины Козеренко

Настоящая статья является переработанным вариантом эссе «Mieroszewski commemorandus», опубликованного в Polski Przegląd Dyplomatyczny, 1/2016. Там можно найти ссылки на источники цитат.

Соглашение Сталина с Гитлером

Почему Третий рейх и СССР заключили пакт Молотова–Риббентропа? Какие факторы повлияли на эти отношения? Что предопределило нападение Германии на СССР? Об этом — в интервью с автором книги «Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг.», историком Славомиром Дембским.

Бартломей Гайос

Заведующий юротделом МИД Германии Фридрих Гаусс, Иохим фон Риббентроп, Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов во время подписания пакта. Источник: Википедия

Бартломей Гайос: 23 августа 1939 года глава МИД Германии Иохим фон Риббентроп садится в самолет в аэропорту Берлин-Темпельхоф. После восьми часов полета — с короткой посадкой в Кёнигсберге — он приземляется в Москве. Для кого было важнее соглашение, вошедшее в историю под названием «пакт Молотова–Риббентропа»?

Славомир Дембский: Для Германии. Гитлер стремился к войне с Польшей и хотел, чтобы Сталин не мешал ему в реализации этого плана. Поэтому, встречаясь в Кремле со Сталиным и Молотовым, Риббентроп готов был предложить за доброджелательный нейтралитет Москвы гораздо больше

территорий, нежели СССР получил в результате пакта Молотова–Риббентропа и секретного протокола. В их число входили, например, Балканы, Босфор и Дарданеллы.

БГ: Откуда нам известно, что Гитлер дал своему министру иностранных дел такие директивы?

СД: Когда Советский Союз в июне 1940 года аннексировал Бессарабию и Северную Буковину, чем привел Гитлера в ярость, Риббентроп подготовил доклад, в котором подытожил взаимоотношения Берлина с Москвой. В нем содержится информация о том, как много он был готов предложить Сталину в августе 1939 года.

БГ: Как получилось, что в августе 1939 года два государства со столь различными идеологиями заключили соглашение?

СД: Ключом к пониманию ситуации в Европе в 1938–1939 годах и к тому, о чем думали в Берлине, Москве, Лондоне, Париже или Варшаве, служит Мюнхенская конференция. С сегодняшней точки зрения именно она повлияла на события 1939 года. Гитлера вынудили говорить в Мюнхене о восточных границах Германии. Лондон и Париж считали, что эта конференция — последняя попытка спасти версальские договоренности.

БГ: Чего хотели добиться руководители Франции и Великобритании, заключая в 1938 году соглашение с Гитлером?

СД: Великобритания и Франция рассматривали эту встречу как попытку спасти Версальскую систему, сформированную в результате Парижской мирной конференции, которая завершила Первую мировую войну.

БГ: Советский Союз не участвовал в Мюнхенской конференции. Почему?

СД: Представители большевистской России не были приглашены в Париж в 1919 году и не участвовали в разработке этой системы после Первой мировой войны. Поэтому лидеры западных стран решили, что политические проблемы, обсуждаемые на Мюнхенской конференции, должны решаться Францией, Германией и Великобританией.

БГ: Какие проблемы?

СД: Было признано, что Гитлер отчасти прав. В Версале принцип права народов на самоопределение не слишком учитывался, особенно в отношении

Бартломей Гайос — секретарь «Новой Польши», историк. Специалист по истории российских революций 1917 года и политике памяти.

Чехословакии. Там решили, что у Германии несправедливо отобрали Судетскую область — территорию, которая после 1919 года оказалась в границах Чехословакии. Таким образом, следовало предпринять попытку удовлетворить Германию и постараться сохранить равновесие Версальской системы, уже весьма неустойчивое после аншлюса Австрии Германией в марте 1938 года.

БГ: Как оценивались эти события в Советском Союзе?

СД: Народный комиссар по иностранным делам Максим Литвинов считал, что Советский Союз для подтверждения своего статуса великой державы должен войти в Версальскую систему и тем самым принимать участие в формировании существующего порядка. Мюнхенская конференция без СССР означала поражение его политической стратегии. Для Сталина этот статус державы был невероятно важным психологическим, а также политическим элементом, подтверждающим международную легитимацию большевиков как правителей России.

В 1937 году Георгий Димитров, генеральный секретарь Коминтерна, записал в своем дневнике, что Сталин на торжественном обеде по случаю двадцатой годовщины Октябрьской революции сказал в присутствии членов Политбюро, что большевики должны высоко ценить царей за одно хорошее дело: они сколотили огромное государство. Мюнхенская конференция стала сильным ударом по такой логике.

БГ: Видел ли Гитлер место Советскому Союзу на Мюнхенской конференции?

СД: В мышлении Гитлера вообще не было места Советскому Союзу. Гитлера заставили участвовать в Мюнхенской конференции. Приглашение СССР стало бы для него поводом не приехать. Он стремился не к какому-то мирному договору, он стремился развязать локальную войну с Чехословакией, в которой вермахт мог бы наконец испытать свою боеспособность. Поскольку Франция, Великобритания и Италия решили отдать Судетскую область, Германия не получила предлога для войны. Гитлер счел конференцию личным поражением.

БГ: Почему в октябре 1938 года Варшавой было принято решение занять Заолзье — часть территории Чехословакии?

СД: Юзеф Бек, министр иностранных дел Польши, хотел продемонстрировать, что Польша — великая держава. То есть может использовать аргумент силы и достигать своих целей, невзирая

ни на кого. Он хотел показать, что вопросы польских границ не могут решать другие государства. Так он выражал протест против конференции в Мюнхене.

Кроме того, это решение вытекало из исторического контекста. В январе 1919 года Чехословакия заняла Заользье без ведома западных держав. Этот вопрос стал предметом обсуждения на Версальской конференции, в результате было решено провести плебисцит среди жителей этих территорий. Но плебисцит так и не состоялся.

Но в результате Польша оказалась в изоляции, а захват территории Заользья ничего не дал.

БГ: Ситуация в Европе казалась стабильной вплоть до марта 1939 года, когда Гитлер нарушил положения Мюнхенского договора, оккупировав всю Чехословакию. Как на это отреагировали другие европейские страны?

СД: Прозвучало предложение провести конференцию с участием Советского Союза. А 31 марта 1939 года Великобритания предоставила Поль-

Славомир Дембский и Бартломей Гайос. Фото: Юрий Друг / Новая Польша

БГ: Захват Заользья повлиял на польско-германские отношения того времени?

СД: Операция по захвату Заользья не согласовывалась с немецкими властями. Лишь перед ее проведением из Варшавы направили в Берлин запрос о том, как поведет себя Германия в случае польско-чехословацкого конфликта. В ответе сообщалось, что Берлин мог бы проигнорировать такое развитие ситуации.

По моему мнению, все предприятие было очень серьезной ошибкой министра Бека, которому хотелось, чтобы Польша заняла более сильную позицию в переговорах о формировании новой системы. Ведь он считал, что на Мюнхенской конференции Версальский договор рухнул.

ше и Румынии гарантии, что в случае германской агрессии британцы придут этим странам на помощь. Впервые с 1919 года Великобритания искала союзников в Восточной Европе. Как следствие, Советский Союз становится важным игроком.

БГ: Как Кремль смотрел на развитие ситуации?

СД: Благодаря Рудольфу фон Шелиа, дипломату, который продал СССР немецко-польские секретные документы, Сталин весной 1939 года знал, что в плачевном состоянии находятся не только отношения западных стран с Германией, но начинают портиться и польско-германские отношения. В конце марта — начале апреля фон Шелиа передает Кремлю информацию о требованиях Берлина к Польше.

БГ: В чем они заключались?

СД: Они были сформулированы немцами еще в октябре 1938 года, но никто, помимо заинтересованных сторон, о них не знал. За формулировкой глобального урегулирования вопросов польско-германских отношений, использованной немецкими дипломатами, скрывалась экстерриториальная автострада через польское Поморье до немецкой Восточной Пруссии, присоединение к Рейху Вольного города Данцига, а также вступление Польши в антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза.

БГ: Почему Польша отвергла это предложение?

СД: Принять его означало бы подчинить внешнюю политику Речи Посполитой политическим интересам Рейха.

БГ: Как эта ситуация повлияла на отношения Германии и СССР?

СД: Сталин в речи от 10 марта 1939 года сказал, что СССР должен «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Этот фразеологизм перекликается с басней Жана де Лафонтена «Обезьяна и кот», в которой речь идет о вытащенных из огня каштанах. «Тот, кто готов таскать для западных держав каштаны из огня, обожжет себе пальцы», — послал сигнал Сталину Гитлер в выступлении 1 апреля 1939 года в Вильгельмсхафене.

БГ: Это было приглашение к переговорам?

СД: Гитлер не был уверен, что для разрешения политического кризиса в Европе нужно обращаться за помощью к Советскому Союзу. Многие указывают на то, что к этой мысли его подвели немецкие дипломаты. Из исследований британского ученого Джеффри Робертса и моих следует, что с этой целью они фальсифицировали донесения, которые ложились на стол Гитлеру. Свои собственные предложения они вкладывали в уста советских дипломатов — якобы это Кремль рвался заключить какой-то договор.

БГ: Какими аргументами они убеждали Гитлера?

СД: В документах германского МИДа мы находим заявления, что если Великобритания предлагает организовать конференцию на тему мира в Европе с участием Советского Союза — а такое предложение действительно было сформулировано британцами в марте 1939 года, — то нет более антагонистических государственных устройств, чем британская конституционная монархия и со-

ветское революционное правительство. И раз уж этим двум государствам идеология не мешает договариваться, то что препятствует политическому диалогу между гитлеровским Третьим рейхом и Советским Союзом?

БГ: Что окончательно убедило Сталина заключить соглашение с Гитлером?

СД: Гитлер хотел войны. Западные страны хотели сохранить статус-кво. Сталин и его стремление восстановить статус великой державы, которой, по его мнению, Россия была до 1917 года, означали пересмотр Версальско-Рижской системы, а это гарантировал канцлер Германии. Летом 1939 года произошел весьма характерный разговор между британским министром иностранных дел лордом Галифаксом и Иваном Майским, советским послом. Майский добивался от Галифакса, чтобы Великобритания признала за Советами свободу действий в прибалтийских странах. Галифакс ответил ему, что это суверенные государства, и британцы не могут выступать от их имени. На что Майский спросил: «А что в этом было бы плохого?» Галифакс: «Так было сто лет тому назад, мы живем в другое время».

БГ: Великобритания не была готова к каким-либо дальнейшим шагам в направлении пересмотра границ в Европе?

СД: Нет. Это было бы слишком высокой политической ценой для британского правительства. Они не могли этого сделать, так как после нарушения положений Мюнхенского договора и оккупации немцами Чехословакии правительство Чемберлена чуть было не пало. Кроме того, с марта 1939 года Лондон обязался защищать статус-кво в Восточной Европе, что стало символическим концом политики умиротворения, то есть удовлетворения территориальных требований агрессора на пути уступок ради сохранения мира.

БГ: Почему было решено следовать политике умиротворения?

СД: Британские и французские политики хотели избежать очередного конфликта, памятуя о гекатомбе Первой мировой войны, закончившейся всего двадцать лет назад. Они считали, что миллионы жертв конфликта 1914–1918 годов — настолько страшный урок, что ни один рационально мыслящий человек не захочет пожертвовать новыми миллионами во имя идей великой Германии или великой советской империи. Поэтому они верили, что все проблемы можно решить за столом переговоров.

БГ: Почему Гитлер в 1939 году нуждался в Сталине?

СД: Немецкий канцлер рассуждал следующим образом: его целью было развязать локальную войну с Польшей и изолировать Центральную Европу, а единственной реальной силой, которая могла бы ему в этом помешать, был возможный союз Великобритании и Франции с СССР. Чтобы достичь своей цели, он пытался вбить клин между Польшей и западными державами. Кроме того, он хотел ослабить решимость западных держав выполнять политические декларации от марта и апреля 1939 года о защите границ в Восточной Европе. И здесь ключевую роль играл Советский Союз.

В результате летом и осенью 1939 года Кремль стал предметом торга: кто предложит больше — Франция с Великобританией или Германия? С точки зрения Сталина, дело было ясным с самого начала: он считал, что стремление Гитлера к войне ему на руку.

БГ: В какой степени СССР нес ответственность за начало Второй мировой войны?

СД: Я считаю, что эта вина не распределяется равномерно между Третьим рейхом и Советским Союзом. Гитлер был полон решимости развязать войну, а Сталин считал, что мир ему невыгоден. Он решил не мешать Гитлеру.

БГ: Однако это мнимое бездействие Кремля имело свою цену?

СД: Соглашение между Германией и Советским Союзом в августе 1939 года я сравнил бы с обычной сделкой. Товаром, о котором просил Берлин, был договор о ненападении. Его заключение должно было ясно дать понять Европе, что Москва не станет связывать немцам руки, и отбить у западных стран желание защищать европейские границы. Однако за этот товар следовало заплатить, и такой платой был, с точки зрения Сталина, секретный протокол, разделявший сферы влияния в Восточной Европе.

БГ: Что означал секретный протокол в тогдашних международных реалиях?

СД: Он означал, что два государства стали союзниками в нарушение международного права. Прежде всего, принимать какие бы то ни было решения без участия заинтересованных сторон — незаконно. Советский Союз нарушал в секретном протоколе более десятка международных обязательств. От пограничных договоров и пакта Бриана–Келлога до конвенции 1933 года об

определении агрессора и прочих договоров, заключенных с отдельными государствами. И самое главное: секретный протокол был декларацией о желании пересмотра границ Эстонии, Финляндии, Литвы, Латвии, а также Польши. Пересмотра, который был произведен насильно и оплачен тысячами жертв.

Спустя 80 лет после заключения пакта Молотова–Риббентропа нам известно, что он не только помог Гитлеру развязать Вторую мировую войну: после капитуляции Третьего рейха в 1945 году Германия уклонялась от выплаты репараций странам, которые стали предметом договора между Берлином и Москвой.

БГ: 1 сентября Германия объявляет войну Польше. Советский Союз становится участником конфликта лишь 16 дней спустя. Почему с такой задержкой?

СД: Важно то, что произошло 3 сентября. Великобритания и Франция вопреки расчетам Гитлера объявляют Германии войну. Это означает крах политического плана, который привел к приезду Риббентропа в Москву. Ведь Советский Союз был нужен Берлину для того, чтобы Франция и Великобритания войну не объявили.

Беспокойство в Берлине вызвало уже подписание польско-британского союзнического договора 25 августа, в результате чего, кстати, Гитлер перенес дату нападения на Польшу на 1 сентября. Тем не менее никто в Германии не предполагал, что Лондон и Париж объявят войну Рейху. И потому Берлин начинает давить на Москву, чтобы Красная армия напала на Польшу, в опасении, что с Запада вскоре ударят британские и французские войска.

БГ: Кремль, однако, не спешил?

СД: Сталин испытывал очень похожие опасения в отношении Гитлера. Объявление войны Великобританией и Францией тоже застало его врасплох, и он решил понаблюдать, как будет развиваться ситуация. Он не хотел втягивать Советский Союз в конфликт с Лондоном и Парижем. Еще и поэтому в Берлине царил большой переполох из-за пассивности Москвы, разрабатывались альтернативные сценарии развития ситуации. Риббентроп думал о создании марионеточного польского государства.

Появляются концепции, согласно которым Вильно мог отойти к Литве, а юго-восточные области Польши — к Румынии.

Однако до этого не доходит, поскольку Сталин, видя, что наступление на западе не началось,

и желая получить свое от договора с Гитлером, во вторую неделю сентября принимает окончательное решение о вторжении на территорию Польши. Конечно, об этом проинформировали Берлин.

БГ: Как объяснялся этот шаг?

СД: 14 сентября в «Правде» вышла статья Андрея Жданова, члена Политбюро ЦК ВКП(б), в которой прозвучал аргумент о защите белорусского и украинского национальных меньшинств на территории Польши и о необходимости вмешательства. Советский Союз делает все, чтобы создать в публичном пространстве впечатление, будто его действия никоим образом не согласованы с Германией. После статьи Жданова немецкие дипломаты высказывают претензии Москве: ведь в соответствии с логикой защиты населения угрозу представлял собой Третий рейх.

БГ: 17 сентября Красная армия вторгается на территорию Польши. Как можно охарактеризовать взаимоотношения между Польшей и Советским Союзом после этой даты?

СД: Война. Польша и СССР оказались в состоянии войны. Для этого не обязательна декларация о ее объявлении. Ведь Гитлер 1 сентября 1939 года тоже не объявил миру, что возникло состояние войны между Польшей и Германией. Оно существует де-факто в связи с применением силы и прямым нападением, пересечением границы войсками агрессора, то есть нарушением пограничного договора без согласия государства, с которым у другого государства имеется договоренность, регулирующая проведение границ.

Необходима, однако, политическая реакция, сообщающая о том, как государство оценивает такой поступок, в данном случае — нарушение границы. И у нас есть такая реакция: в речи президента Игнация Мосцицкого от 17 сентября 1939 года, в которой он сообщил о «нашествии» нашего восточного соседа. В ноте протеста премьера Фелициана Славоя-Складковского, врученной советскому правительству, говорится о вторжении на польскую территорию. Послы Польши в Париже и Лондоне уведомили своих союзников о состоянии войны между Польшей и Советским Союзом. С 17 сентября 1939 года СССР становится участником мирового конфликта.

БГ: Что в этой ситуации означал приказ верховного главнокомандующего генерала Эдварда Рыдза-Смиглы «с Советами не сражаться»?

СД: Это был оперативный приказ, а не политическое заявление. Польские войска должны были отступать в направлении границы с Румынией и в случае попыток разоружения со стороны Красной армии оказывать ей сопротивление. С нынешней точки зрения его, конечно, можно было бы сформулировать более однозначно.

БГ: Войска Красной армии и вермахта сотрудничают во время вторжения в Польшу?

СД: Перед нападением Красной армии на Польшу командование люфтваффе добивалось от Советского Союза помощи в области навигации. Речь шла о передаче радиосигналов, которые помогли бы немецкой авиации в обнаружении целей. Кремль соглашается, сигналы генерирует радиостанция в Минске, помогая люфтваффе в бомбардировках. Это уже не доброжелательный нейтралитет, а содействие государству-агрессору.

БГ: А после агрессии 17 сентября?

СД: Мы можем говорить о прямом сотрудничестве. Советские войска стремятся установить связь с немецкой стороной и координируют с немцами свои действия на территории Польши. Хороший пример здесь — капитуляция польского гарнизона, оборонявшего Львов. Немецкие войска, которые раньше подошли к городу, отступили, передав свои позиции Красной армии. В результате польские солдаты капитулировали перед советскими, что для офицеров закончилось трагически. Многие из них погибли в Катыни.

Наконец, 22 сентября в Бресте проходит совместный парад советских и немецких войск.

БГ: 28 сентября Риббентроп во второй раз приехал в Москву. Почему так скоро было решено заключить пакт о дружбе и границах?

СД: Таким образом были подведены итоги совместных действий, имевших место на территории Польши. Кроме того, требовалось уточнить решения от 23 августа. В обмен на Люблинское воеводство, которое Советский Союз отдал немцам, СССР получил Литву. Мы по-прежнему не уверены, чем руководствовался Сталин, попросив об этой поправке, но я считаю, что очень интересный тезис представил профессор Влодзимеж Бородзей.

Он обратил внимание, что после того как Франция и Великобритания объявили Гитлеру войну, то есть после того как часть планов не осуществилась, Сталин хотел создать ситуацию, в которой Советский Союз извлечет из пакта Молотова–Риббентропа как можно больше выгод даже в случае поражения Германии. Возможность получить

эти выгоды связывалась с переносом советско-германской границы на линию Керзона, проведенную в 1920 году, то есть укладывалась в определенную схему мышления британской стороны. После 3 сентября война могла закончиться только мирным соглашением при участии Франции и Великобритании, Сталин хотел иметь уверенность в том, что Лондон и Париж признают западные границы СССР — те, которые ему дал Гитлер.

БГ: Как бы вы определили взаимоотношения Германии и Советского Союза в 1939–1941 годах?

СД: Советско-германские отношения мы можем назвать странным союзом по аналогии с тем, как иногда называют «войну» 1939 года между Германией, Великобританией и Францией. Он никогда не был формализован, но до лета 1940 года Советский Союз ведет себя, как союзник Третьего рейха. Так же, как Италия, симпатизировавшая военным усилиям Германии. В свою очередь, Германия в ходе агрессии Советского Союза против Финляндии с сочувствием относилась к военным целям Красной армии.

БГ: Когда и почему начинает распадаться этот странный союз?

СД: Советско-германские отношения начинают портиться летом 1940 года. Сталин был поражен скоростью, с какой немцы одержали победу над Францией. Он рассчитывал, что война, вспыхнувшая между Францией, Великобританией и Германией в сентябре 1939 года, будет долгой и разрушительной, как конфликт 1914–1918 годов. Если бы такое произошло, Советский Союз, оставаясь вне этой войны, как США в ходе Первой мировой, стал бы решающим игроком, который возвратил Европе мир на советских условиях. Так рассуждал Сталин, но его план в июне 1940 года терпит крах.

Поэтому Сталин торопится аннексировать территории, которые обещал ему Гитлер согласно договору от августа 1939 года. И совершает ошибку.

БГ: Какую?

СД: В июне 1940 года Советский Союз аннексирует не только Бессарабию, подпадавшую под секретный протокол от августа 1939 года, но и Северную Буковину, которой этот документ не касался. Парадокс ситуации заключался в том, что если бы Сталин в августе 1939 года попросил у Гитлера эти территории, тот бы подарил их ему. Но он этого не сделал, а в реалиях 1940 года немецкий канцлер воспринял это как большой афронт и нарушение прошлогоднего договора. Тем более что тогда —

после победы над Францией — Гитлер считал, что только он может принимать решения об изменениях в европейском порядке.

Сыграло свою роль и происхождение Гитлера, который все же по рождению был австрийцем и, помня о границе Австро-Венгрии, прекрасно отдавал себе отчет в том, что Буковина никогда не принадлежала России. В июле 1940 года немцы начинают планировать наступление на СССР.

БГ: В Москве тоже думали о наступлении на Германию?

СД: Советский Союз, определенно, не готовился в 1940–1941 годах к оборонительной войне. Обе стороны надвигавшегося конфликта мыслили похожими категориями: приближается война, и тот, кто опередит противника, окажется в более сильной позиции.

БГ: В таком случае, насколько, если исходить из известных вам документов, немцы могли опередить Советский Союз?

СД: Многое указывает на то, что дату 12 июня 1941 года, появляющуюся в записках генерала Николая Ватутина с припиской «наступление начать», следует рассматривать как ориентировочную. С моей точки зрения, это дата, к которой советские войска должны были находиться в полной готовности к нападению.

Однако в мае планирование возможного наступления на короткий период приостанавливается, в планы вносятся изменения. По моему мнению, тогда ориентировочное время начала советского наступления, по-видимому, было перенесено. На когда? Мне трудно сказать. Интуиция подсказывает, что его перенесли на какой-то конкретный период времени, поскольку войска Красной армии к июню 1941 года готовы не будут. Возможно, на месяц. Причем у нас нет никаких оснований утверждать, что даже по достижении готовности Сталин отдал бы приказ о наступлении на Германию. В то же время у меня нет сомнений, что Советский Союз стремился к тому, чтобы в июне 1941 года быть готовым перехватить стратегическую инициативу, то есть нанести первый удар.

БГ: Европейский парламент объявил 23 августа днем памяти жертв нацизма и сталинизма. Какое значение имеет сегодня напоминание об этом?

СД: Во-первых, опыт 1938–1939 годов — важный урок, демонстрирующий, что политика умиротворения, политика уступок странам, использующим

во внешней политике силу, — ошибка. Более того, такие уступки могут поощрять к эскалации и могут привести весь мир к катастрофе.

Во-вторых, получив опыт Второй мировой войны, страны договорились о том, чтобы не применять силу и не оказывать давление в решении споров во внешней политике. Кроме того, решено, что границы, установленные в Европе после 1945 года, считаются окончательными. Иначе говоря, если мы захотим их изменить, то должны делать это, основываясь на консенсусе.

Я также считаю, что 1939 год — важный для всего мира урок о том, что недостаточно добрых намерений, чтобы сдержать войну. С позиции сегодняшнего дня очевидно: Франция и Великобритания наивно полагали, что каждый здравомыслящий человек после Первой мировой войны захочет избежать нового глобального конфликта. Кто будет готов принести в жертву миллионы жизней? Это было рационально. Проблема заключалась в том, что Гитлер и Сталин, правив-

шие тоталитарными государствами, иначе понимали рациональность. Принести в жертву миллионы ради образа великой Германии или великой советской империи не составляло для них проблемы, поскольку им не приходилось беспокоиться о том, что избиратели лишат их власти.

БГ: Война началась 80 лет назад. Лидеры разных стран регулярно встречаются в Польше 1 сентября, чтобы почтить память жертв этого конфликта. В нынешнем году Россия в лице президента Путина не получила приглашения на Вестерплатте. Почему?

СД: Годовщина начала войны — хороший повод повторить тезис, что мы больше не хотим агрессии в международных отношениях и намерены этого не допустить. Россия же в своей внешней политике вновь обращается к войне как политическому инструменту. Чтобы помешать Грузии и Украине в стремлении к европейской политике, Кремль применил силу. Он напал на эти страны с целью блокировать возможность реализации их политических устремлений. Он считает войну отличным инструментом для достижения международных целей. Провозгласил Владимир Путин на Вестерплатте лозунг «войны больше не будет никогда», разве кто-то ему поверил бы?

Книга «Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг.» историка Славомира Дембского. Источник: пресс-материалы

ДЕНЬ ПОБЕДЫ **Почему Польша** **не празднует 9 мая**

Магдалена Семчишин

Мальборк. Военное кладбище советских солдат.

Фото: Титус Жмиевский / Forum

В Польше не отрицают, что советские солдаты помогли избавиться от несомненных ужасов нацистской оккупации, но вместе с тем не считают их освободителями. Почему?

Московское время

Еще до недавнего времени в Польше, как и в остальных странах бывшего Восточного блока, день окончания Второй мировой войны праздновался 9 мая. До 1989 года шумные торжества по случаю Национального праздника победы и свободы были сосредоточены в Варшаве, где проходили военные парады с участием высших представителей государственной власти и делегаций из стран так называемой народной демократии. По московскому времени именно 9 мая 1945 года в 01:01 в берлинской штаб-квартире заместителя главнокомандующего Вооруженными Силами СССР маршала Георгия Жукова была подписана безоговорочная капитуляция Третьего рейха. Однако в то же самое время стрелки часов на западе Европы показывали 23:01, а страница календаря — дату 8 мая.

Так два часовых пояса и политические амбиции победителей разделили одно событие, хотя тогда — на руинах Европы — это, конечно, не имело большого значения: главным было то, что закончился кошмар самой страшной войны в мировой истории, гекатомбы, унесшей жизни не менее

Магдалена Семчишин — кандидат исторических наук, сотрудница Щецинского отделения Института национальной памяти.

60 млн человек (из них 35–40 млн европейцев), в том числе 24 млн солдат. Победа принадлежала союзникам, включая СССР, чья армия, переломив в 1943 году наступление вермахта на восток, внесла основной вклад в освобождение от немецкой оккупации значительной части континента и в конце концов добилась разгрома Гитлера. Эта победа была результатом огромного самопожертвования русских, украинцев, белорусов и других народов Советского Союза, а ее ценой стали многие миллионы жертв среди мирного населения и миллионы погибших солдат.

Этот неоспоримый факт до сих пор представляет собой ось исторического нарратива Кремля, однако все чаще он становится и средством шантажа российской дипломатии по отношению ко всем, кто добавляет, что у победы был и горький привкус: она принесла с собой негативные последствия для стран Центрально-Восточной Европы.

После окончания войны они оказались в сфере доминирования СССР, а их жителям пришлось на сорок с лишним лет «перевести свои часы на московское время». Ведь самопожертвование «простого советского солдата» служило конкретным политическим планам Сталина, а те не предусматривали настоящей свободы для освобожденных.

Война за свободу и мир

До 1989 года в управляемой коммунистами Польше господствовал культ советских освободителей. Официальный нарратив гласил, что воины Красной армии принесли полякам мир и свободу в виде правительств «народной демократии». Частью этого мифа было и «польско-российское братство по оружию». В этом тщательно обработанном цензорскими ножницами рассказе не было места для оттенков серого. Таким образом формировалась история, полная умолчаний и оборванных сюжетов, однако стереть личный опыт многих людей, годами создававших «подпольный» массив коллективной памяти, альтернативный официальной версии, не удалось. А это был опыт, касавшийся не только окончания Второй мировой войны, но и ее начала.

В сентябре 1939 года, на основании пакта Молотова–Риббентропа, Красная армия заняла восточные земли Польской республики под лозунгами «освобождения братских народов Украины и Белоруссии из-под власти польских эксплуататоров». По оценкам историков, в период так называемой первой советской оккупации (1939–1941) репрессиям подверглись около полумиллиона

польских граждан. Эта цифра включает в себя арестованных, сосланных на восток СССР в ходе четырех депортаций, а также военнопленных и гражданских лиц, представителей польской элиты, которые весной 1940 года на основании решения советского Политбюро были уничтожены НКВД в Катыни, Смоленске, Харькове, Твери, Минске и Киеве. В последующие полвека руководство СССР отрицало это преступление. И в Польше, находившейся под властью коммунистов, семьи более чем 20 тысяч жертв Катынского преступления вынуждены были беречь память о них тайно.

Сохранившиеся в коллективной памяти картины, связанные с вступлением «освободительной» армии на польские территории, также не соответствовали официальному посланию. Ведь в нем говорилось лишь о благодарности и радости жителей, которые с цветами встречали входившие советские танки, но поляки — помимо неподдельной радости от освобождения — запомнили кое-что еще: изнасилования, убийства, грабежи и репрессии, сопровождавшие западный поход Красной армии. Многие солдаты (которых действительно из благодарности засыпали цветами) не только жестоко мстили немецкому гражданскому населению, рассматривая женщин как военную добычу, но не щадили и местных жителей в Польше, Венгрии, Румынии и Словакии. По осторожным оценкам историка Марцина Зарембы, в Польше было изнасиловано около 50 тысяч женщин.

Еще один миф, связанный с праздником 9 мая 1945 года, относится к мнимой самостоятельности и независимости коммунистических элит в странах, которые в результате победы оказались в сфере советского господства. Правительства «народной демократии» не выдвигались в Польше снизу. В 1944–1945 годах у коммунистов на Висле не было общественной легитимации, чтобы претендовать на власть. В соответствии с законодательством, единственным законно действовавшим и до 5 июля 1945 года признаваемым на международной арене польским правительством были власти Польской Республики в изгнании, в Лондоне. Именно им во время войны подчинялся весь аппарат Подпольного польского государства — тайные структуры гражданской и военной администрации, в том числе Армия Крайова, насчитывавшая в конце периода оккупации более 300 тысяч солдат. Судьба представителей законных органов власти польского государства красноречиво свидетельствует о том, что в вопросах, касающихся собственного государства, поляки не играли роли субъекта. С каждым месяцем победоносного марша Красной армии на Бер-

лин уменьшались шансы на возвращение в страну эмигрантского правительства. Летом 1944 года Сталин инспирировал созыв в Москве Польского комитета национального освобождения (ПКНО) — марионеточного органа, осуществлявшего власть на занимаемых советскими войсками территориях. Полгода спустя правитель СССР предпринял следующий шаг: вместо ПКНО было создано самопровозглашенное Временное правительство РП — соперничавший с лондонским правительством орган исполнительной власти, полностью подчинявшийся решениям Кремля. Теперь оставалось лишь получить для этого марионеточного института признание на международной арене.

В тени Ялты

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Д. Рузвельт окончательно капитулировали в вопросе будущей формы государственного устройства Польши. Они согласились на действия, которые должны были придать видимость демократического характера послевоенным переменам в стране. К ним относилось, в частности, проведение *«свободных, беспрепятственных выборов на основе всеобщего голосования»*. Выборы действительно состоялись в январе 1947 года, однако они были сфальсифицированы под диктовку представителей органов безопасности СССР.

На той же конференции была легализована прежняя политика «свершившихся фактов», проводимая Сталиным. Во-первых, лидеры мировых держав договорились урезать довоенную территорию Польши почти наполовину (оставив Советскому Союзу занятые им чуть меньше года назад восточные воеводства страны, которые были включены в состав Литовской, Белорусской и Украинской ССР) и возместить эти потери за счет отторжения германских земель. Во-вторых, они решили и судьбу польского правительства в Лондоне, согласившись на очередную мнимую «демократизацию», то есть расширение состава Временного правительства страны путем включения в него представителей различных политических течений.

Эта лицемерная игра продолжалась два года. Началась она с формирования в июне 1945 года очередного правительства, в состав которого — наряду с коммунистами — вошли также представители социалистов и сторонников крестьянской партии, сосредоточенных вокруг бывшего премьера правительства в изгнании Станислава Миколайчика. Кроме того, в это время действовала так называемая легальная оппозиция

в виде нескольких партий. В июне 1946 года прошел сфальсифицированный референдум, на котором коммунисты хотели прощупать свое влияние в польском обществе, а вскоре наступил кульминационный момент: упоминавшиеся уже выборы в Сейм в 1947 году. Они проходили в атмосфере террора, а их истинные, неприемлемые для коммунистов результаты, сообщаемые секретными телеграммами в Москву, фактически уже не имели никакого значения. Так что свобода и демократия в послевоенной Польше, с учетом расположившихся на территории страны гарнизонов советской армии, выглядели примерно как в анекдоте, ходившем по стране в сталинскую эпоху:

- Зачем в Польше так много русских?
- Чтобы защищать нашу страну.
- А от чего защищать?
- Чтобы поляки власть не захватили.

«Подробностями ведал Берия»

Захват власти польскими коммунистами происходил при явной поддержке советских органов без-

и руководителем Представительства правительства на Родине были приглашены якобы на переговоры — в частности, о сотрудничестве в рамках будущего правительства. После прибытия в условленное место они были арестованы НКВД и вывезены самолетами в Москву, на Лубянку.

В июне 1945 года в столице СССР начался показательный процесс, на котором представителей законных польских властей обвинили в «совершении диверсий в тылу Красной армии» и сотрудничестве с немцами во время войны.

Суд, вошедший в историю под названием «процесс шестнадцати», прошел с нарушением всех международных принципов и договоров и стал символом беспощадной политики, проводимой Сталиным.

Его метко охарактеризовал писатель Джордж Оруэлл: *«Поляки обвинялись в том, что они пытались сохранить независимость своего государства, одновременно противостоя навязанному их стране марионеточному правительству, а также в том, что остались верны правительству в Лондоне, которое в то время было признано всем миром, за исключением СССР»*. Добавим

Суд, вошедший в историю под названием «процесс шестнадцати», прошел с нарушением всех международных принципов и договоров и стал символом беспощадной политики, проводимой Сталиным.

опасности и военной силы. Бард польской антикоммунистической оппозиции восьмидесятых годов Яцек Качмарский иронически упоминал об этом в песне «Ялта»:

*И хоть рядились три империи,
границы проводя на карте –
подробностями ведал Берия,
вот так мы понимаем Ялту.*

Не прошло и двух месяцев после Ялтинской конференции, как главный советник НКВД в Польше генерал Иван Серов разработал план избавления от лидеров эмигрантского правительства. Руководители Польского подпольного государства во главе с главным комендантом АК генералом Леопольдом Окулицким, членами Совета министров

лишь, что именно начиная с Ялтинской конференции, где существование польского правительства в изгнании было обойдено молчанием, оно перестало иметь какое-либо значение, в том числе и для западных держав.

Историки подчеркивают, что приход к власти коммунистической Польской рабочей партии (ПРП) был бы невозможен без поддержки иностранных войск. До 1946 года основная тяжесть борьбы с вооруженным польским антикоммунистическим подпольем (возникшим, в частности, на основе распущенных структур Армии Крайовой) была возложена на Красную армию и внутренние войска НКВД. Затем, по мере постепенного усиления влияния коммунистов и угасания надежд оппозиции, эту роль взял на себя «отечественный» аппарат безопасности, созданный по образцу со-

ветских структур и под присмотром советских консультантов.

Деятельность вооруженного подполья, ведущего борьбу с коммунистами и СССР в первые несколько лет после войны, — это основная тема, вокруг которой построен нарратив, противостоящий истории об освобождении страны Красной армией. То же самое происходит в Украине (Украинская повстанческая армия) или в Латвии, Эстонии и Литве («лесные братья») — то есть там, где имело место антикоммунистическое сопротивление, когда-то названное историками войной после войны. После многолетней коммунистической цензуры и отношения к партизанам как к «бандитам» маятник качнулся в другую сторону.

Сегодня в Польше участники вооруженного подполья, а также деятели гражданского сопротивления (всех их называют Проклятыми солдатами) выступают в роли символа борьбы против порабощения. Ведь вместо освобождения Красная армия — как гласит основной тезис польской исторической политики, касающейся этой темы, — «принесла новое порабощение и новую оккупацию». Те же, кто пытался ей противостоять (нередко заплатив за это самую высокую цену: получив смертные приговоры на инсценированных процессах либо проведя долгие годы в тюрьмах), стали иконами борьбы за независимость страны. С 2011 года в Польше есть новый государственный праздник — Национальный день памяти Проклятых солдат (1 марта). Он, кажется, имеет даже больший общественный резонанс, чем День победы (который начиная с 2015 года отмечается 8 мая).

Рискну утверждать, что после 1989 года мы имеем дело с постепенным переносом общественного внимания с темы польского подполья времен немецкой оккупации на попытки организации после войны менее массового подполья антикоммунистического. Кроме того, история его деятельности часто представляется не критически. Несомненно, причиной этого, кроме изменений на политической сцене, стала и низовая, назрев-

шая в обществе потребность, реакция на цензуру и несправедливость времен ПНР.

Спасение и порабощение

Противники «насильственного» польского нарратива о последствиях 1945 года, направленного лишь на изображение зла и репрессий, видят в нем, однако, некую недоговоренность — ведь миллионам людей, выживших в чудовищной войне и чувствующих свое бессилие перед лицом «большой политики», хотелось прежде всего начать новую жизнь, разобрать руины, вырастить детей в мире. Порой в общественной дискуссии возникают риторические вопросы: разве слово «освобождение» не адекватно по отношению к узникам концентрационных лагерей, ворота которых открыли советские войска, к евреям, прятавшимся в укрытиях и землянках, к гражданским лицам разных национальностей, которые, быть может, со страхом, но и с благодарностью выпали в 1944 и 1945 годах на улицы восточноевропейских городов? Если мы сосредоточимся лишь на том факте, что СССР вместе с остальными союзниками одержал победу над Третьим рейхом и тем самым спас жителей Европы от террора и преступлений Гитлера, то ответ будет очевиден.

Возможно, выходом из тупика является слово «спасение», предложенное когда-то писателем Ежи Помяновским. *«Поляки были спасены, но не освобождены»*, — писал он: они были избавлены от одного зла, но это имело свои негативные последствия.

Слово «освобождение» означает возвращение свободы и независимости. Нельзя сказать, что в 1945 году Польша была освобождена: Красная армия не принесла ей суверенности. С 9 мая 1945 года радость от окончания войны и желание как-то устроить свою повседневную жизнь уживались для поляков с реальностью нового рода порабощения. Это создавало неразрывную двойственность, которая так и сохранялась почти в течение полувека.

Перевод Владимира Окуня

Черный год польской внешней политики

В 1938 году Польша, воспользовавшись Мюнхенским соглашением, присоединилась к разделу Чехословакии. В 2009 году президент Польши Лех Качиньский назвал этот шаг политической ошибкой и грехом. Стоит разобраться, в какой ситуации и почему было принято роковое решение.

Станислав Жерко

Политика Польши в период Судетского кризиса 1938 года до сих пор вызывает споры.

Наиболее дискуссионным моментом остается выдвинутый варшавским правительством ультиматум, в котором оно потребовало у Праги незамедлительно передать Польше территорию Заользья — часть Тешинской Силезии, находившуюся в границах Чехословакии, но населенную преимущественно поляками. Это случилось сразу же после того, как на позорной Мюнхенской конференции Адольф Гитлер и Бенито Муссолини вместе с премьер-министрами Великобритании и Франции Невиллом Чемберленом и Эдуардом Даладье вынудили Чехословакию передать Третьему рейху территорию Судет.

Часть польских историков считает решение Речи Посполитой обоснованным, напоминая, в частности, об обстоятельствах, при которых Чехословакия заняла Заользье в 1919–1920 годах.

Однако другие подчеркивают, что, независимо от этого, польский ультиматум был предъявлен в самый неподходящий момент, в компрометирующих Польшу условиях. На эту тему высказался и президент Лех Качиньский, причем его слова были более чем однозначны. В своей речи 1 сентября 2009 года на Вестерплатте он сказал: *«Присоединение Польши к разделу или по меньшей мере к территориальному ограничению тогдашней Чехословакии было не только ошибкой, но и грехом. И мы можем признаться в этом грехе и не искать ему оправданий. Не искать оправданий, даже если есть такая возможность».*

Несомненно, 1938 год можно назвать черным годом польской внешней политики — и не только из-за позиции Польши в период чехословацкого кризиса. Однако, с другой стороны, следует подчеркнуть сложность ситуации и историческую обусловленность решений. С учетом всего этого вопрос оказывается невероятно запутанным.

Польская армия в Заользье, 1938.

Источник: Национальный цифровой архив Польши

Вернемся в 1933–1934 годы, когда Гитлер пришел к власти. Тогда крупным успехом Юзефа Пилсудского и министра иностранных дел Юзефа Бека стало ослабление напряженности между Варшавой и Берлином, что нашло отражение в польско-германской Декларации о неприменении силы от 26 января 1934 года. Вопрос пересмотра западной границы Польши, который поднимали сменявшие друг друга правительства Веймарской республики (находя при этом все больше понимания на Западе), внезапно был снят с повестки дня. С польской точки зрения, это было большое облегчение.

Гитлер добивался нормализации отношений с Польшей из тактических соображений — в то время он создавал себе имидж миролюбивого политика. Однако вскоре он пришел к выводу, что, быть может, ему удастся сделать Польшу младшим союзником в будущей войне с СССР. Тридцатые годы — это период усилий Германии по вовлечению Польши в союз. Особенно специализировался в этом Герман Геринг, часто гостивший в Варшаве под предлогом охоты в Беловежской пуще. Не было недостатка и в других высокопоставленных гостях из Германии — от Йозефа Геббельса в 1934 году до Генриха Гиммлера в 1939-м. Среди них был и будущий генерал-губернатор Ганс Франк, который в начале 1936 года в Варшаве уверял, что *«вместе Польша и Германия — сила, которой в Европе смогут противостоять немногие, блок, охватывающий 100 миллионов компактно проживающего населения»*.

Станислав Жерко — профессор Западного института в Познани и Военно-морской академии в Гдыне, автор монографии «Польско-германские отношения в 1938–1939 годах» и составитель четырехтомника польских дипломатических документов 1930-х годов.

Однако у Польши не было ни малейшего желания вступать в союз с Германией против СССР, как не намеревалась она, впрочем, и участвовать в антигерманском блоке на стороне Советского Союза. При этом союзника в лице СССР Польша опасалась едва ли не больше, чем врага в лице Германии. Как выяснилось после 1939 года, это было разумно: когда советские войска приходили под видом союзников, обычно они оставались в качестве оккупантов.

Сближение Польши с Германией было лишь видимостью. Варшава отвечала на немецкие любезности либо уклончиво, либо вежливым отказом, в то же время стараясь делать все, чтобы отношения с Берлином были как можно более корректными. Союз с Францией, заключенный еще в 1921 году, должен был оставаться основой польской стратегии безопасности, хотя политика Парижа уже давно была для поляков источником разочарований. Кроме того, в середине 30-х французы хотели склонить Польшу к более тесным связям с СССР в рамках коллективной безопасности (так называемый Восточный пакт), что для Варшавы было неприемлемо. Позднее французское правительство подчинилось британской политике умиротворения Третьего рейха, удовлетворяя ту часть его требований, которая казалась Западу обоснованной.

В этой ситуации Польше оставалось лишь лавировать и балансировать между французским союзником и немецким соседом. Раздражение французов в связи с «ростом самостоятельности» польской внешней политики привело к тому, что отношения между Парижем и Варшавой испортились. С каждым годом ухудшались и польско-советские отношения. Москва злилась на Польшу за то, что та блокирует активность СССР на европейской арене, а также опасалась польско-германского соглашения. Можно предположить, что именно советские интриги стали причиной распространения ложных слухов о том, будто бы к польско-германскому договору от 26 января 1934 года прилагался направленный против СССР секретный протокол. Впрочем, в Варшаве считали, что эти слухи распространяет Чехословакия, также все менее дружественная Польша.

Польско-чехословацкие отношения к этому моменту были уже откровенно враждебными по нескольким причинам. Прежде всего, Прага была одним из главных сторонников сотрудничества с Советским Союзом. Конфликты случались и на почве положения польского населения в Заолзье. Кроме того, Варшава полагала, что чехословацкое государство — искусственное образование,

обреченное на распад. Польская сторона сочувствовала сепаратистским тенденциям среди словаков, а поляки пользовались в Словакии большой популярностью.

В 1938 году Рейх информировал Польшу о своих намерениях. Во время визита Бека в Берлин в январе 1938 года немцы сообщили ему, что в ближайшее время намереваются «решить» проблему Австрии. Бек дал понять, что в случае аншлюса Польша не будет чинить препятствий. Вскоре после этого, в ходе своего пятого визита в Польшу (в феврале 1938 года), Герман Геринг в беседе с Беком не только представил планы Германии, касавшиеся Австрии, но и предупредил об операции Рейха против Чехословакии. Стороны пришли к заключению, что по этому вопросу потребуются координация действий Берлина и Варшавы. Бек уже тогда подчеркнул, что Польша заинтересована в приобретении «определенного региона Чехословакии», то есть Заользья.

В следующие месяцы Варшава избегала любых шагов, которые могли бы восприниматься как возражение против агрессивного курса Германии, особенно в отношении Чехословакии. Сам Бек считал, что чехословацкое государство должно распасться в результате отделения Словакии. Руководитель польского внешнеполитического ведомства с самого начала был уверен (и не ошибаясь), что Франция и Великобритания не станут вести активных действий в защиту Праги, и в связи с этим также не собирался подвергать риску дружественные отношения Польши с Германией. Весной 1938 года заместитель Бека объяснял польскому послу в Бухаресте, что Польша стремится к «разгрому Чехословакии».

В своем отчете, написанном в сентябре 1938 года, посол Рейха в Варшаве Ганс-Адольф фон Мольтке без обиняков утверждал, что по вопросу Чехословакии практически имеет место польско-германское сотрудничество. Позиция Польши была на руку Берлину, и германская сторона несколько раз выражала полякам благодарность. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы Польша выступила против Германии в защиту Чехословакии. В период господства политики умиротворения польские лидеры были бы безумцами, если бы поддержали Чехословакию, которую отрицательно воспринимали в Польше и которая вдобавок сама была настроена по отношению к ней враждебно.

Однако активное участие в операции против Чехословакии — это уже нечто совершенно иное. С 22 марта 1938 года Польша направляла пражско-

му правительству агрессивные ноты, активизировала польские организации в Заользье, углубила сотрудничество со словацкими политиками. При этом Варшава игнорировала попытки Франции и Великобритании повлиять на смягчение ее античешской позиции — хотя одновременно давала понять, что если бы Париж и Лондон решили воевать с Германией, то Польша выступила бы на стороне западных держав (правда, возможно, это был лишь тактический маневр).

Незадолго до полуночи 30 сентября, то есть буквально день в день с подписанием Мюнхенского соглашения, Варшава предъявила Праге ультиматум с требованием передать Польшу Заользье и угрозой вооруженного нападения в случае его невыполнения. Этот легкомысленный шаг был воспринят мировым общественным мнением как копирование Польшей германских методов. Польше грозила изоляция — и это сознавали немецкие дипломаты. Осенью 1938 года, уже после завершения чехословацкого кризиса, они пытались убедить Гитлера выступить против Варшавы. Как сообщали из Рейха польские консулы, немецкое общественное мнение было уверено, что теперь «настанет черед Польши», которая будет лишена Великопольши, Гданьского Поморья и Верхней Силезии.

Однако на тот момент фюрер пришел к выводу, что «польскую проблему» следует урегулировать иначе: 24 октября 1938 года Берлин предложил Варшаве союз и «глобальное решение» спорных вопросов: постройку экстерриториальной автострады через польское Поморье до немецкой Восточной Пруссии, присоединение к Рейху Вольного города Данцига, а также вступление Польши в антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза. Польша отвергла это предложение.

Министр Юзеф Бек не понимал, в каком трудном положении оказалась Польша: он недооценивал масштабы изоляции и не осознавал, что Германия не остановится на разделе Чехословакии. Еще 4 ноября 1938 года в узком кругу ближайших соратников он говорил, что ситуация великолепна, а у чехов можно было отобрать значительно больше. Политик, обычно столь трезво мыслящий, упивался своим мнимым успехом и не отдавал себе отчета в том, каково реальное положение Речи Посполитой. Прошло менее года, и Польша была захвачена Третьим рейхом совместно с Советским Союзом.

Перевод Никиты Кузнецова

«Жертвы Катынского преступления — не анонимы»

Интервью с Александром Гурьяновым

Евгений Приходько

Стена с именами убитых польских граждан в мемориальном комплексе «Катынь». Фото: Василий Федосенко / Reuters

Александр Гурьянов в Катынском музее, Варшава. Фото: Евгений Приходько / Новая Польша

В 1940 году сотрудники НКВД по приказу Сталина расстреляли более 21 тысячи польских граждан — 14,5 тысяч военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, и 7,3 тысяч арестованных, содержащихся в тюрьмах западных областей УССР и БССР. Это преступление вошло в историю как Катынский расстрел.

Почему Россия отказывается реабилитировать поляков, что известно о Катыни сегодня и кому мешает правда о массовых расстрелах, рассказывает историк, глава Польской программы общества «Мемориал» в Москве Александр Гурьянов.

Евгений Приходько: В 1990 году СССР признал свою ответственность за Катынский расстрел, вскоре Россия обнародовала соответствующие документы. «Мемориал» сразу занялся этой темой?

Александр Гурьянов: Еще до сообщения ТАСС от 13 апреля 1990 года о признании ответственности «Берии, Меркулова и их подручных» Общество

«Мемориал» подготовило первую в СССР выставку о Катынском преступлении. Ее открытие в московском Киноцентре практически совпало с официальным советским признанием. Но дальше, в течение 1990-х и в начале 2000-х годов, мы занимались другими группами репрессированных польских граждан — в частности, теми, кто был депортирован вглубь СССР в 1940–1941 годах. Речь идет о людях, которые оказались в восточной части довоенного польского государства и были захвачены Советским Союзом после вторжения Красной армии 17 сентября 1939 года, — это и местное население, и те, кто бежал от немецкой оккупации.

СССР сразу принял меры по включению этих территорий в свой состав с помощью плебисцитов и приступил к быстрой советизации. Начались

массовые репрессии в отношении тех, кто мог этому препятствовать. Было четыре операции по высылке больших групп населения. Большинство депортированных в ходе второй операции, то есть в апреле 1940 года, были членами семей тех самых польских военнопленных, которых в это же время расстреливали (в Катыни, Смоленске, Калинин и Харькове) по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Мы занимались и другими группами репрессированных польских граждан, в частности, интернированными — то есть людьми, которых арестовали в 1944–1945 годах на территориях, освобожденных от германской оккупации, и бросили без какого-либо приговора в лагеря военнопленных НКВД в глубине СССР. Еще одна категория репрессированных — арестованные после 17 сентября 1939 года и осужденные военными трибуналами, судами или Особым совещанием НКВД к различным срокам лишения свободы, отправленные в так называемые исправительно-трудовые лагеря НКВД.

Что касается собственно Катыни, то в 1990-е годы мы считали, что нет необходимости «Мемориалу» включаться в эту тему.

ЕП: В чем причина такого решения?

АГ: Сначала советская, а потом российская Главная военная прокуратура (ГВП) вела расследование Катынского преступления. И, несмотря на сопротивление со стороны Федеральной службы контрразведки (с 1995 года — ФСБ), оно шло эффективно, по крайней мере до 1994 года.

В первый период работы следователи добились очень важных результатов. В процессуальном порядке удалось установить места расстрелов и захоронений польских пленных из

Осташковского и Старобельского лагерей, а также найти и допросить свидетелей и даже некоторых участников расстрельной операции 1940 года, а также операции 1943 года по фальсификации улик и свидетельств о расстреле польских офицеров в Катынском лесу. В марте 1991 года был допрошен бывший начальник управления НКВД по Калининской области Дмитрий Токарев. Несмотря на стремление убедить следствие, что он лично не участвовал в расстрелах, он дал обширные и содержательные показания, хотя мог этого не делать.

ЕП: А на самом деле он был причастен к расстрелам?

АГ: Формально — да. Есть документы с его подписью, это донесения «об исполнении» этапов, что означало расстрел заключенных. Его подчиненные, которые расстреливали польских пленников из Осташковского лагеря под руководством и при личном участии высокопоставленных московских чекистов, специально командированных в Калинин, не могли бы этим заниматься без распоряжения своего прямого начальника. На допросе Токарев говорил, что ему это все было не по душе. Когда начались расстрелы, он, пользуясь тем, что одновременно был еще и членом бюро обкома партии, оформлял себе по партийной линии командировки в подшефные районы Калининской области и старался задержаться там как можно дольше. Потом, возвращаясь, видел, что расстрелы продолжаются, и снова брал командировку.

ЕП: Вы верите в эту версию?

АГ: Скорее да. Токарев имел полную возможность этого не рассказывать или вообще отказаться давать показания. Он мог не открывать следователям двери, мог сказать: «Я старый человек, мне скоро 90 лет, я ничего не помню и ничего не знаю». Но он дал подробные показания и объяснил многое из того, что было неясно.

ЕП: Что удалось выяснить следователям прокуратуры?

АГ: Кроме установления, как проходили расстрелы пленников из Осташковского лагеря и где захоронили их останки, Главная военная прокуратура подробно расследовала, как была подготовлена советская фальсификация расстрела в Катынском лесу.

После освобождения Смоленска и его окрестностей в сентябре 1943 года НКВД и НКГБ отправили туда своих сотрудников. Чекисты должны были

Евгений Приходько — журналист
«Новой Польши». Писал для
«Европейской правды»,
BBC Ukrainian, Лиги.Net.

«обработать» свидетелей, которые ранее дали показания немцам, а также «подготовить» вторичные братские могилы, оставленные после немецкой эксгумации в Катынском лесу весной 1943 года.

В карманы убитых польских офицеров, перезахороненных в этих могилах, были подложены бумаги, которые затем должны были быть обнаружены комиссией под руководством Николая Бурденко, официально образованной лишь в январе 1944 года.

Когда под руководством комиссии проводилась эксгумация могил, были найдены два документа, датированные ноябрем 1940 года, и семь документов с датами 1941 года. По мысли фальсификаторов, это якобы доказывало, что пленных убили не советские органы весной 1940 года, как утверждали немцы, а осенью 1941 года, когда эта территория была оккупирована германскими войсками.

В 1990-е годы прокуратура также нашла свидетелей, которые сперва в 1943 году дали показания немцам, а затем (после «обработки») — чекистам и комиссии Бурденко. Некоторые из этих людей рассказали следователям ГВП, под каким давлением и угрозами они поменяли свои изначальные показания, данные немцам.

ЕП: Когда «Мемориал» начал активно заниматься Катынским делом?

АГ: Это случилось в 2005 году. Тогда вдруг было объявлено, что расследование прокуратуры прекращено за смертью виновных. Статья, по которой они обвинялись, — превышение власти высшим командным составом Рабоче-крестьянской Красной армии (ст. 193-17 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, действовавшего в 1940 году). При этом виновных прокуратура не назвала, ссылаясь на секретность постановления о прекращении дела. Квалификация по этой статье означала, что из-под обвинения выведены Сталин и члены Политбюро, принявшие решение о расстреле польских военнопленных и арестованных. Из шести человек, проголосовавших за расстрел — собственноручно расписавшихся Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна, а также проголосовавших заочно Калинина и Кагановича, — на тот момент только Ворошилов был военным служащим и, соответственно, мог обвиняться по этой статье. Остальные — Сталин, Молотов, Микоян, Каганович и Калинин — не могли подпадать под понятие «высший состав РККА». Позже ГВП объяснила, что виновными считаются только отдельные лица из руководящего состава НКВД.

ЕП: То есть кто именно?

АГ: Благодаря утечке из ГВП информации о том, что обвиняемых четверо, стало очевидно, что речь идет о Меркулове, Кобулове, Баштакове и Берии: последний направил Сталину письмо с предложением о расстреле, а остальных Политбюро назначило в «тройку», которой было поручено оформлять персональные постановления о применении расстрела. Это значит, что всех членов Политбюро, которые приняли решение расстрелять польских военнопленных и являются главными виновниками, ГВП вывела из-под ответственности за Катынское дело. Тогда мы и спохватились.

ЕП: В 2010 году Владимир Путин заявил, что приказ советского вождя расстрелять поляков был мстью за смерть красноармейцев, оказавшихся в польском плену в 1919–1920 годах. Каково Ваше мнение, в чем на самом деле причина решения Сталина?

АГ: В записке Берии Сталину прямо сказано, что перечисленные категории военнопленных и арестованных необходимо расстрелять, «исходя из того, что все они закоренелые, неисправимые враги советской власти». Слова Путина — это бездоказательная попытка хотя бы отчасти оправдать, уравновесить чудовищное решение о расстреле военнопленных совсем другой трагедией, переключить внимание: дескать, да, мы расстреляли поляков, но ведь и поляки наших погубили. Путинскому объяснению нет никакого документального подтверждения. Нет каких-либо данных, что чекисты пытались среди военнопленных найти людей, причастных к советско-польской войне 1919–1920 годов и к содержанию красноармейцев в польском плену.

ЕП: В России существует круг отрицателей Катынского преступления. Кто эти люди?

АГ: Этим занимаются сталинисты и националисты, тоскующие по советской империи. Для них важно отрицать тот факт, что наша страна совершала чудовищные преступления. Эти люди пользуются снисходительным отношением или даже негласной поддержкой властей, которые допускают их выступления вопреки официальной позиции России, признающей совершение Катынского преступления Советским Союзом. Отрицатели Катынского преступления, по моему убеждению, — совершенно хладнокровные и сознательные фальсификаторы. Покойный Сергей Стыгин (лучше остальных отрицателей вникавший в детали Катынского дела) однажды мне откровенно признался, что для него самое главное — это реабилитировать Сталина.

ЕП: Какие основные месседжи сегодняшних отрицателей?

АГ: Их главный посыл — что официальное заключение комиссии Бурденко о совершении расстрела польских военнопленных немцами, бывшее вплоть до начала 1990 года основой той советской позиции, которую сейчас принято называть Катынской ложью, является достоверным и правдивым.

Поэтому, между прочим, отрицатели не могут смириться с тем, что советской Главной военной прокуратурой в 1991 году и затем польскими специалистами в 1995 году установлены захоронения нескольких тысяч расстрелянных польских пленников из Осташковского лагеря близ Медного. Ведь в этом расстреле уж совсем невозможно обвинить немцев: они находились в Медном всего три дня в октябре 1941 года в условиях тяжелейших боев, после чего были выбиты оттуда Красной армией. Поэтому отрицатели пытаются внушить людям, что на Польском военном кладбище в составе Государственного Мемориального комплекса «Медное» захоронены вовсе не польские военнопленные, а красноармейцы, погибшие в боях с немцами в 1941 году или умершие от ран в эвакогоспиталях, позднее расположенных в том районе.

ЕП: Кто прислушивается к отрицателям?

АГ: То, что они говорят, находит отклик среди россиян, несведущих в истории Катынского преступления, — а их, к сожалению, подавляющее большинство. Люди прислушиваются к отрицателям, потому что это их естественное стремление к душевному комфорту. Осознание и признание факта, что твоя страна совершала злодеяния, требует усилий над собой и создает морально-нравственные неудобства. Жить с мыслью, что в истории твоей родины были только славные свершения и победы, куда приятней.

ЕП: Что сегодня знает о Катыни среднестатистический россиянин?

АГ: В 2010 году эта тема была на слуху. Тогда перед встречей в Мемориальном комплексе «Катынь» премьер-министров Путина и Туска по российскому телевидению показали фильм «Катынь» Анджея Вайды. Потом снова его показали после авиакатастрофы в Смоленске и гибели польского президента Леха Качиньского вместе со всей польской делегацией, направлявшейся на траурную церемонию в Катынском лесу. Несколько месяцев спустя Госдума приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», где призна-

валась ответственность СССР как тоталитарного государства.

Принципиально важные документы — упомянутая выше записка Берии Сталину, решение Политбюро от 5 марта 1940 года, записка председателя КГБ Шелепина первому секретарю ЦК КПСС от 3 марта 1959 года с кратким изложением всех фактов — все они тогда были выложены на официальном интернет-сайте Федерального архивного агентства. То есть люди легко могли получить достоверную информацию о Катынском деле.

И несмотря на это, как показал проведенный тогда опрос, о расстреле поляков что-то слышали меньше половины опрошенных, а среди тех, кто слышал, большинство считали, что это дело рук немцев.

ЕП: А какая тенденция сейчас?

АГ: Незнание и невежество усугубились. Если говорить о большинстве рядовых граждан, которые не вникают в суть Катынского дела, их незнание — это не следствие их личной злой воли. В основе всего — абсолютное невежество в том, что касается фактографии в целом.

ЕП: Можно ли сказать, что Катынь мешает современной России строить миф о стране, встающей с колен?

АГ: Мешает не только Катынское дело, мешает вся правда о массовых репрессиях, о Большом терроре 1937–1938 годов, о коллективизации и Голодоморе. Это стараются замалчивать. Официальные органы и чиновники лишены формальной возможности отрицать все это, но они стараются сделать так, чтобы об этом меньше говорилось. Власти не могут заявить, что польских военнопленных расстреливали немцы, но они могут «задвинуть» эту тему, уравновесить намеками в духе «а вот поляки убивали пленных красноармейцев».

ЕП: Недавно вышла трехтомная книга памяти «Убиты в Калинин, захоронены в Медном» с краткими биографическими справками.

В чем цель этих книг?

АГ: Есть признание как советской, так и российской власти в расстрелах поляков, но как только речь заходит о реабилитации конкретного человека, то прокуратура отказывается приступать к процедуре реабилитации и даже просто признать сам факт гибели этого человека. С одной стороны, Россия признает убийство советскими органами многих тысяч польских граждан, с другой — отказывается нести ответственность за смерть конкретного человека. Расстрелянных

поляков стараются сохранить в статусе анонимной массы жертв.

ЕП: Почему?

АГ: Формально прокуратура объясняет, что не сохранились документы, которые могут в случае каждого конкретного человека подтвердить, что он вообще был расстрелян в результате этой операции. Но я думаю, что есть более глубокие мотивы.

ЕП: Что вы имеете в виду?

АГ: Если жертвы безымянны, то само преступление становится отвлеченным и абстрактным. Тогда легче его вытеснить из общественной памяти и сознания. Отказ от реабилитации направлен против памяти о советских преступлениях и терроре. Наша книга — это попытка дать возможность российским читателям понять, что жертвы Катынского преступления — не анонимы, а конкретные люди с фамилией, именем, отчеством.

В первых двух томах помещены биографические справки расстрелянных польских военнопленных с указанием архивных источников, достаточных для реабилитации, а в третьем томе приведены документальные материалы, благодаря которым мы в первую очередь знаем, как в Калинин проходили расстрелы польских военнопленных, где и как они захоронены. Это впер-

вые опубликованные в полном объеме на русском языке показания Токарева, а также никогда ранее не публиковавшиеся материалы двух эксгумаций близ Медного: одна была проведена в 1991 году советской ГВП при участии польских экспертов, вторая — в 1995 году польскими специалистами по согласованию с российской стороной и при ее технической поддержке. Электронные версии всех трех томов нашей книги можно найти на сайте общества «Мемориал».

ЕП: Эта книга издана на частные пожертвования. В чем причина такого решения?

АГ: Нам было важно дать нашим землякам возможность поучаствовать в этом деле, и очень многие откликнулись. На издание книги «Убиты в Калинин, захоронены в Медном» перевели деньги около тысячи человек.

ЕП: Почему Катынь важна для России и россиян?

АГ: Важно дать правовую оценку, юридическую квалификацию преступлений советской власти. Катынское дело — это прежде всего наша внутри-российская проблема: если мы не признаем советский режим преступным, а Сталина — преступником, какое будущее ждет нашу страну? Это не вопрос российско-польских отношений. В этом заинтересована прежде всего сама Россия.

Эксгумация жертв Катынского преступления, Смоленская область, 1943. Фото: Август Шерль / Sueddeutsche Zeitung Photo / Forum

Десять имен польской литературы

Польские писатели, чьи книги
обязательно стоит прочесть.

Дмитрий Быков

Российский поэт и публицист, литературный
критик, радио- и телеведущий, преподаватель
литературы, общественный деятель.

Выбрать десять главных польских писателей не так-то просто — и конкуренция серьезна, и взаимное влияние Польши и России в литературе гораздо сильнее, чем любые их взаимные претензии и предрассудки. Проблема, вероятно, в том, что и русская, и польская литература часто имеет дело с эстетизацией и даже героизацией поражения, а это близость, которая превышает любых различий.

Выбор мой, как всякий выбор, субъективен, но думаю, что мимо перечисленных здесь авторов не может пройти ни один читатель.

■

**Адам Мицкевич,
«Дяды», в особенности «Часть 3.
Отрывок», включающая «Олешкевича»
и «Памятник Петру Великому»**

Эти элегии имеют первостепенное значение уже потому, что ключевой текст русской литературы — «Медный всадник» Пушкина — представляется развернутым ответом на них, прямой полемикой с Мицкевичем и уточнением некоторых его догадок. Это могло бы стать темой отдельного долгого разговора — и, собственно, не раз становилось. Лучше других проблему понял Брюсов в статье 1909 года, при этом он ссылается на статьи варшавского исследователя Йозефа Третьяка.

Но даже если бы третья часть «Дядюшек», поэмы величественной по замыслу и новаторской по композиции, не оказала никакого влияния на Пушкина, русские элегии Мицкевича и сами по себе были бы выдающимся художественным явлением, гениальным прозрением и блистательным диагнозом. Я не говорю уж о послании к друзьям-москалям, которое в полной мере сохраняет, увы, свою актуальность. Пятёрка величайших поэтов Европы первой половины XIX столетия — Байрон, Пушкин, Мицкевич, Гейне и Гёте — немыслима без напряженного диалога, чаще всего, увы, заочного. Но там, где они сейчас, им, несомненно, есть о чем поговорить, и в нашем воображении их разговор не прерывается.

■

**Тадеуш Боровский,
«Прощание с Марией»**

Сборник малой прозы Тадеуша Боровского, появившийся по-русски в самом начале перестройки, стал сенсацией. Нов был не материал — о нацистских концлагерях, да и о сталинских лагерях читатель, в особенности знакомый с самиздатом, имел представление, а старшее поколение многое знало на личном опыте. Нов был подход: все выжившие виноваты. Боровский покончил с собой именно потому, что жить с таким ощущением нельзя, и война догнала его шесть лет спустя.

Первое знакомство читателя и зрителя с феноменом Боровского — «Пейзаж после битвы» Вайды (вероятно, лучшая его картина), но издания по-русски книги дождались лишь в 1989 году. Трудно представить себе россиянина, который чувствовал бы столь острую и болезненную ответственность просто за то, что он жив, а другие мертвы. В случае Боровского, вероятно, депрессия его усугублялась тем, что он служил в похоронной команде. Из всех свидетельств о мировой войне кни-

га Боровского с наибольшей определенностью свидетельствует о том, что проект «Человек» не выдержал последнего испытания и, вероятно, перестал интересовать своего создателя.

■

**Агнешка Осецкая,
лирика и пьесы**

Понимаю, сколь эпатазирующим покажется такое высказывание, но Агнешку Осецкую я считаю лучшим польским поэтом второй половины XX века. Это мнение подкрепляется чтением многих ее стихов в оригинале: это была первая книга, которую я купил в Польше. В высокой их оценке у меня есть столь могущественный союзник, как Окуджава, который перевел пять ее песен из «Вкуса черешни» и сделал «Пане-панове» гениальной русской балладой. Невозможно без замиранья сердца слышать: «Гаснут, гаснут костры, спит картошка в золе, будет долгая ночь на холодной земле». Что самое ужасное, она действительно будет, мы внутри нее живем. В такие времена песенки Осецкой кажутся бесконечно далекими, но они были, и жизнь, породившая их, возможна. Песня из «Ножа в воде», «Вагонная баллада», «Не отдыхаю» — все это гимны лучшего поколения в польской истории. Польский шансон — совершенно особый поэтический жанр, и не зря заметил Асар Эппель, блестящий переводчик с польского и знаток польской культуры, что для русского поэта сочинение эстрадной песенки было чаще всего халтурой, а для польского — высокой честью: ведь это гарантированно уходит в народ! Не зря же...

■

Ежи Фицовский

...Не зря же Ежи Фицовский, великий поэт, переводчик и филолог, написал «Jadą wozy kolorowe», одну из глубочайших и трагических баллад XX века, и тот же Асар Эппель назвал его песни значительнейшим вкладом в польскую поэзию. Не зря написал он и «Балладу о земле и небе», которую спела Анна Герман. А «Цыганская баллада» в исполнении Славы Пшибыльской? Когда-нибудь я переведу ее. Нельзя забывать и о великом его вкладе в филологию: своей книгой «Регионы великой ереси» он, по сути, открыл миру...

■

Бруно Шульца

...который по праву может считаться главным открытием русского читателя польской прозы за последние 20 лет. «Коричневые лавки» Шульца ставят его в ряд лучших новеллистов XX века, рядом

с Бабелем. Гибель его романа «Мессия», так и не найденного, сопоставима с исчезновением неоконченного романа Бабея или его книги о коллективизации «Великая криница».

Проза Шульца наполнена такой бесконечной печалью, таким отчаянием, о чем бы ни шла речь, — что лучшего летописца гибели Европы (или уж по крайней мере последних лет Австро-Венгрии) не найти. Сравнивают его и с Кафкой, и не без оснований. Две сохранившиеся книги Шульца намекают на огромные возможности и заставляют вечно надеяться на то, что где-то, когда-то, в каком-то хранилище... впрочем, точно так же вечно надеются на то, что Лорка избежал расстрела, или что бомба, попавшая в люблинскую парикмахерскую 9 сентября 1939 года, не убила...

Юзефа Чеховича

...несравненного лирика, музыкальнейшего из авангардистов. Его переводят на русский язык довольно скупой, и он почти непереволим, но и того, что есть, достаточно, чтобы представить масштаб. Польский Дилан Томас (а может, польский Каммингс), любитель и знаток готической поэзии, мифологизатор собственной биографии, он вполне может претендовать на роль символа польского характера. Польский поэт — это человек, который, добравшись до родного города из оккупированной Варшавы, первым делом идет бриться. И гибнет от бомбы, потому что не хочет плохо выглядеть.

Станислав Лем

— имя, без которого мировая фантастика, да и мировая проза вообще, непредставима. Не буду уж называть общеизвестный «Солярис», но «Фиаско», «Расследование», «Насморк» — это проза, написанная по принципиально новым законам. Лем — воющая тоска сверхчеловека или выродка, бесконечно одинокого среди людей и глядящего на мир с нечеловеческой точки зрения. Не было больше нигде такого писателя и не будет, и самое удивительное, что духовная его родина — безусловно, католичество, на что он и сослался, написав «Сумму технологии».

Чеслав Милош

— главный польский мыслитель конца XX века, чрезвычайно масштабный поэт и утешительный пример последовательного гуманизма среди всеобщего расчеловечивания. Милош удивительно спокоен и насмешлив. У него можно читать все: поэзию, прозу, интервью, — и все это служит для современного читателя бесценной оздоровительной процедурой.

Лешек Колаковский

— философ, каких мало, создатель собственной этики, главное в которой — адогматизм, самостоятельность мышления, неверие ни в какие готовые образцы. Гениально у него все, сейчас его много переводят на русский, и если есть сегодня мыслитель, готовящий читателя к метафизическому скачку и истинной вере, — то вот он. Впрочем, ему ничем не уступает и...

Кароль Войтыла, Иоанн Павел II

...чья проповедь, услышанная в Киеве в 2001 году, произвела на меня впечатление исключительное. Не только его труд «Личность и поступок», не только энциклики, но и философская пьеса «Брат нашего Бога», новаторская по композиции, глубокая и оригинальная по мысли, — это выдающийся вклад в философию, богословие и литературу XX века. Да и просто слушать его было счастьем.

Я не упомянул Галчинского, Тувима, Норвида — поэтов, без которых я немислим; и о Прусе, и о Сенкевиче ничего не сказал... Но перечислять всех моих любимых поляков не хватит целого журнала, а уж говорить о польском кинематографе я мог бы сутки напролет. Так что здесь скажу только, что самое сильное впечатление в детстве произвел на меня фильм Януша Маевского «Дело Горгоновой», лучший детектив без разгадки, к тому же документальный; но о кино меня, к счастью, не спрашивают.

P.S. А еще я Шопена люблю!

Боже, что я несу?! Венец славы

Некоторые фразы польского афориста Станислава Ежи Леца так прочно вошли в нашу жизнь, что стали почти поговорками. Но многое из того, что он писал, публиковалось только в газетах и на десятилетия оказалось практически утеряно.

Станислав Ежи Лец

Польский поэт и сатирик, наиболее известен как автор сборника афоризмов «Непричесанные мысли».

Несколько десятков афоризмов, которые впервые увидели свет на русском языке только в 2018 году, в проекте писателя Виктора Шендеровича «Лец. XX век».

Ключ изобрел
гений, замочную
скважину —
любопытный.

Недомыслие,
пожалуй, дар
Божий, но бывает
и его заменой.

Боже, что я несу?!
Венец славы.

На заезженных
фразах можно
ездить очень долго.
Но по кругу.

Когда тиран
засыпает вечным
сном, глаза
открываются
у людей.

Как мелок рядовой
каннибализм
на фоне наших
достижений
в области
массового
смертоубийства!

Каждый великий
писатель
показывает своему
народу язык.

Шерлок Холмс вычислял
преступников методом
дедукции, отец Браун
Честертона — методом
индукции, а некоторые
следственные
органы открывают
преступников методом
продукции.

Я пригляделся
к точке над «i»:
это был след от пули.

Когда пустые слова
падают в пустые
головы, они заполняют
их без остатка.

Легче всего сбежать
через провалы
в памяти.

У всего есть свой
конец, который,
впрочем, может
длиться вечно.

К счастью, со времен
Вавилонской башни
одни люди не понимают,
что хотят сказать
другие, — только
поэтому человечество
и уцелело.

Сколько бы у тебя
ни было перьев,
приходится выбирать:
или крылья, или
павлиний хвост!

Я часто краснел,
когда другие
бледнели.

Люди часто несли
крест. Но еще чаще —
себя на нем.

Люди, получавшие
только поджопники,
завидуют тяжести
ударов, которые
наносит мне судьба.

Волков в овечьей
шкуре тоже иногда
стригут.

Я знал людей
конструктивных и
деструктивных: первые
строили концлагеря,
а вторые их разрушали.

Станислав Ежи Лец.
Фото: Отто Брейча / Imagno

Своими тридцатью
сребрениками Иуда
обрушил рынок.

Не стоит доверять
всем детям
свободы: ее так
часто насиловали...

Некоторые видят
в искривлении
позвоночника
спираль развития
человечества.

Звонари гложут
первыми.

Учебник истории
следовало бы
печатать шрифтом
Брайля. Для слепых.

Отставшие
от поезда еще
и настаивают
на особом пути!

Время от времени
из Содома посылают
эmissаров для
вербовки праведников.

Между прочим,
блохи сидят в
клетке со львом —
добровольно.

Помни,
что есть буквы
и за пределами
алфавита.

Если твоя тень упала
на говно — умойся
на всякий случай.

А может,
у зла не корни,
а фундамент?

У лжи короткие
ноги, но подножки
она подставляет
прекрасно.

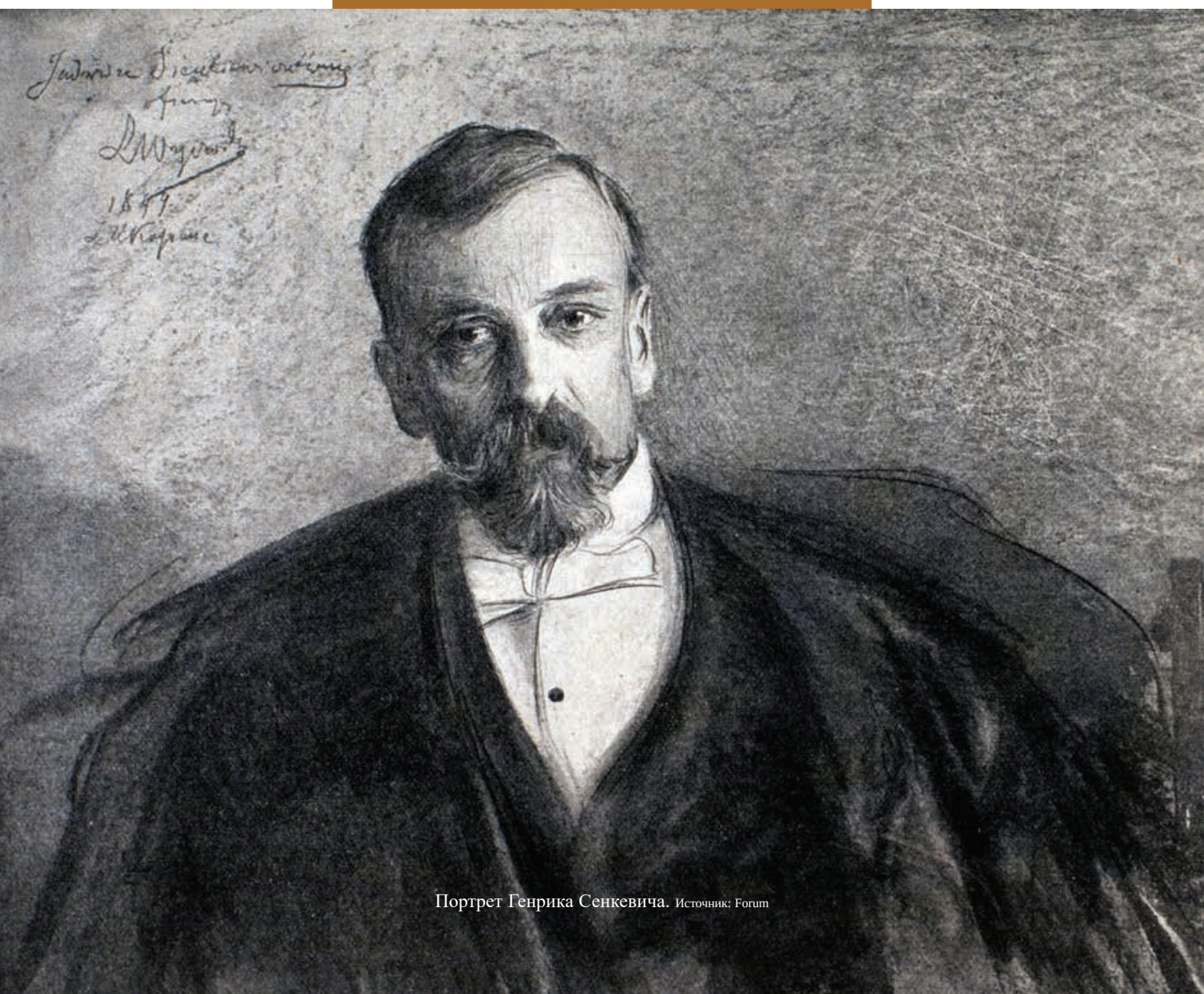
Последовательность
времен — иллюзия:
люди порой боятся
прошлого, которое
может наступить.

В схватке с жизнью
держишься за нее
обеими руками.

*Перевод Валентины Чубаровой
и Виктора Шендеровича*

Когда поляки переходят на язык Сенкевича

Катажина Пилярская

Портрет Генрика Сенкевича. Источник: Fotum

Он как никто умел передать язык времени.
Благодаря ему нам кажется, что мы знаем, как звучала
старопольская речь в XIV веке, а когда говорим о польской
шляхте в XVII столетии, вспоминаем язык «Трилогии».
Генрик Сенкевич, а речь идет о нем, признан
одним из важнейших писателей в истории
польской литературы.

За создание миров «Трилогии» (роман об истории польской шляхты, состоящий из трех частей: «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыёвский»), за историю борьбы с Тевтонским орденом («Крестоносцы») и за изображение мира Древнего Рима времен первых христиан в романе «Камо грядеши» Сенкевич был удостоен Нобелевской премии. В обосновании говорилось о выдающихся достижениях в жанре эпоса. Писатель, принимая премию во времена, когда Польша еще оставалась разделенной, сказал: *«Оказанная мне честь имеет огромное значение для любого, но для сына Польши она бесценна!... О Польше говорили, что она мертва, но вот одно из тысяч доказательств того, что она жива!... О Польше говорили, что она поработана, но вот еще одно доказательство того, что она умеет побеждать!»* Именно желание поднять дух соотечественников руководило писателем, когда он создавал «Трилогию». Часто говорят, что он писал «для укрепления сердец», помогая людям поверить в то, что Польша однажды вновь будет свободной.

Его истории сегодня кажутся сказками, по стилю они скорее напоминают легенду, передаваемую из поколения в поколение, чем роман. Хотя они не имели стихотворной формы, в них слышна некая поэтическая мелодия. Язык, заимствованный из старинных мемуаров, которые Сенкевич читал, работая в библиотеках, либо созданный им путем архаизирования, стилизации фразы, считается одной из важнейших особенностей его прозы. Вторая причина, по которой он остается важным для нас автором, — настолько реалистичные повествования о нашей истории, что мы убеждены, будто именно так все и было на самом деле. Он не писал исторических книг в фактографическом понимании, но переплетал приключения

Катажина Пилярская — более девяти лет была корреспонденткой и ведущей на Polskie Radio. Сейчас в Театральном институте им. Збигнева Рашиньского занимается конкурсом «Живая классика» и выступлениями словацких театров в Польше.

своих героев с подлинной судьбой страны, рассказывая о Собеском, Вишневецком или Тугай-бее, жизнь вымышленных им персонажей происходила на фоне событий реальной истории Польши. И хотя его литературное наследие много богаче, именно «Трилогия» имеет для нас первостепенное значение. Не последнюю роль в этом сыграли и фильмы, которые на протяжении многих лет не сходят с телеэкранов.

Лучшее доказательство того, что мы помним произведения, — их цитирование. Мы говорим словами Сенкевича, даже того не осознавая. Употребляем фразы, известные по книгам и фильмам, которые уже сливаются в одно целое и составляют основу культуры, в которой мы росли. Конечно, отсюда возникают некоторые неточности: случается, что цитаты из романов отличаются от цитат из фильмов. Больше всего споров ведется вокруг выражения из «Крестоносцев» — в романе написано: «Он мой!» («Mój ci jest»), в экранизации звучит: «Теперь он мой!» («Mój ci on»). Но смысл в таких случаях понятен всем.

Поединок Михала Володыёвского с Богуном. Иллюстрация Юлиуша Коссака к книге Генрика Сенкевича, 1884. Источник: Fotopim

Историю, известную как «Трилогия», открывает роман «Огнем и мечом» — в первой части мы переносимся во времена восстания Хмельницкого, когда Речь Посполитая сражалась против запорожских казаков и татар. Больше всего поговорок, которые мы помним, звучит из уст Заглобы — пожилого почтенного шляхтича, любящего выпить и рассказывать невероятные истории. Вторая часть эпопеи, «Потоп», описывает события времен Шведского потопа. Именно отсюда пошли такие известные цитаты, как «Кончай, не срами!» или «Отец, лупить?». «Пан Володыёвский», последняя часть «Трилогии», — это история «маленького рыцаря», считавшегося «лучшей саблей Речи Посполитой», который возглавил войска при обороне Каменец-Подольского во время нападения турок. На фоне военных событий в каждой из частей мы следим и за любовными приключениями героев. Что из этих историй вошло в нашу повседневную жизнь? Вот список!

«Что за времена! Холопы такой мед пьют! Господи, и ты на это взираешь и не гневаешься?» (Co za czasy! Chamy taki miód piją! Boże, Ty to widzisz i nie grzmisz?) — последнюю фразу мы до сих пор произносим в ситуациях, когда что-то происходит не так, как должно. Так мы выражаем удивление и возмущение, сталкиваясь с явлениями, выхо-

дящими за рамки общественных норм. Когда нам что-то очень не нравится или мы не можем поверить в то, что кто-то ведет себя не так, как положено. Когда нам хочется воздеть руки к небу и возмолиться о возмездии.

«Слухать гадко» (Słuchać hadko) — стыдно слушать, уши вянут.

«Правда оно, что незванный гость хуже татарина» (Prawda, że gość nie w porę gorszy od Tatarzyna) — необходимо помнить, что татары в те времена были грозным врагом, и цитата подчеркивает, насколько это плохо, когда кто-то неожиданный является в неподходящий момент.

«Как мы Богуна искромсали» (Ale żeśmy Bohuna usiekli) — эти слова произносит Заглоба, приписывая себе часть успеха в победе над врагом, которого в действительности одолел в поединке пан Володыёвский. Иногда мы используем эту фразу, желая показать, что знаем: кто-то приписывает себе чужие заслуги, либо, иронизируя в собственный адрес, говорим «мы», зная, что это неправда.

«Не проливай, сударь, вина!» (Nie wylewaj waćpan wina!) — все еще актуальный совет!

«**Кончай!.. Не срами!..**» (Kończ... waść!... wstydu... oszczędź!) — так мы говорим, когда хотим дать понять, что кто-то говорит глупости и что для всех будет лучше, если он перестанет. Однако употребление этой цитаты в таком значении ошибочно! В эпизоде, описанном Сенкевичем в «Потопе», смысл был иным. Кмициц, вступив в поединок с Володиёвским, проигрывал бой. Но слова эти произнес не тот, кто побеждал, а как раз Кмициц, прося, чтобы Володиёвский больше не «забавлялся», не подчеркивал недостатки своего противника, но победил бы его, то есть убил и закончил поединок. Так что эти слова следовало бы говорить в значении: «Кончай!.. Не срами (меня)».

«**Отец, лупить?»** (Ociec, prać?) — перед каждой атакой Косьма и Дамиан Кремличи спрашивали отца, можно ли уже им атаковать. А отец отвечал: «Лупить!» Лупить — в смысле всыпать кому-то по первое число, избить, разгромить. Однако эти слова, к сожалению, больше известны благодаря

рекламе стирального порошка, которая демонстрировалась на польском телевидении в 90-е годы (ведь в прямом смысле prać — это «стирать»). Во всяком случае, сегодня их можно использовать в качестве вопросов: «Действуем? Идем? Или ждем?»

«**Зови меня дядей**» (Mów mi wuj) — сказал Заглоба Роху Ковальскому, убедив того, что они родня. Это, конечно, не соответствовало действительности, потому сегодня мы можем сказать «зови меня дядей» с иронией тому, кто пытается нас обмануть, либо шутливо, если нам хотелось бы приходиться кому-то родней и что-то от этого выиграть, но все знают, что мы не родня.

«**На тебе, песик, колбаски! Смотри не подавись**» (Naści, piesku, kielbasy! Tylko się nią nie udław) — бери, раз иначе нельзя, но берегись, ведь краденое может застрять в горле. Это тоже слова Заглобы, наблюдающего, как шведы захватывают польские земли.

Збигнев Замаховский на съемках фильма «Огнем и мечом» в постановке Ежи Гофмана.
Музей мазовецкой деревни под Серпцем. Фото: Даниэль Пах / Forum

«Напялил черт ризу и хвостом в колокол звонит» (Diabeł się w ornat ubrał i ogonem na mszę dzwoni) — этими словами можно прокомментировать ситуацию, когда мы знаем, что кто-то обманывает, притворяется нашим другом, но в действительности им не является.

«Казак татарина схватил, да сам в неволю угодил!» (Złapał Kozak Tatarzyna, a Tatarzyn za łeb trzyma) — тебе кажется, что ты победил, но на самом деле в выигрыше не ты. На мгновение может показаться, будто ты одержал победу, однако в действительности перевес все еще на стороне противника.

«На то у шляхты и кровь, чтоб проливать ее» (Po to i ma szlachta krew, aby ją przelewała) — нужно бороться, для этого мы и созданы!

«Неказист ты уродился, коли не станут люди тебя бояться, так будут над тобою смеяться!» (Dał ci Bóg mizerną postać, jeżeli ludzie nie będą się ciebie bali, to się będą z ciebie śmiali!) — так представляется своей будущей жене пан Михал Володыёвский. А мы доныне говорим, что либо нас будут бояться, либо над нами смеяться.

«Не выношу вида пустой посуды» (Nie lubię pustych naczyń) — говорит Заглоба, когда у него заканчивается выпивка.

«В брюхе пусто — в башке горох-капуста» (Kiedy w brzuchu pusto, w głowie groch z kapustą) — на голодный желудок мы ничего не придумаем, не до взвешенных рассуждений, когда голоден.

«Погоди! Дай остыну немного!» (Czekaj, zaraz cholera mnie minie) — сейчас успокоюсь.

«Чтоб я сдох, как шелудивый пес» (A niech zginę ja i pchły moje) — выражение, означающее что-то вроде «Невероятно!» или «Не может быть!».

«В грустных местах медом дух подкрепляя» (Najlepszy sposób smutek miodem zalać) — добрый совет: есть проблема — выпей.

«Любовь — тяжкое бремя: свободного она делает рабом» (Kochanie to niedola ciężka, bo przez nie człek wolny niewolnikiem się staje) — так Кетлинг отвечает на вопрос, что такое, по его мнению, любовь. Многие согласны с ним и до сих пор повторяют эти слова.

«Я тем утешусь, что не проклянете вы меня, а добром помянете» (Wolę, żebyście mnie błogosławili, niż żebyście mieli mnie przeklinać) — говорит пан Володыёвский, позволяя своей невесте связать судьбу с другим, тем, кого она любит больше.

«Глупая Кшися! Да я бы... и на десять Кетлингов пана Михала не променяла!» (Głupia Krzysia! ja bym wolała jednego pana Michała niż dziesięciu Ketlingów!) — видя, как пан Михал отпускает свою невесту, Барбара заливается слезами и признается этими словами Володыёвскому в любви. И сегодня не одна из нас предпочла бы кого-то желанного десяти другим.

«Это ничего!» (Nic to!) — такими печальными словами Володыёвский прощается с женой перед смертью. Он убеждает ее, что она должна сказать себе: «Это ничего», — и счастливо жить дальше, потому что погибнуть — долг солдата.

«Мне уже не увидеть свободной Польши» (Nie zobaczę już wolnej Polski) — а такими словами попрощался перед смертью сам Генрик Сенкевич. Он не увидел ее, но многое для нее сделал.

В статье использованы цитаты из произведений Генрика Сенкевича: «Крестоносцы», Москва, «Художественная литература», 1985, пер. Е. Егоровой; «Огнем и мечом», Москва, «Художественная литература», 1983, пер. А. Эппеля и К. Старосельской; «Потоп», Москва, «Художественная литература», 1984, пер. Е. Егоровой и И. Матецкой; «Пан Володыёвский», Москва, «Художественная литература», 1984, пер. Г. Языковой и С. Тонконоговой.

Перевод Владимира Окуня

Любовь к Польше — неизбежность для русского интеллекта

Давид Самойлов

Один из величайших российских поэтов XX века.
Переводил стихи с албанского, венгерского,
литовского, польского, чешского и эстонского языков.

Давид Самойлов, воевавший
в рядах Красной армии
с 1943 года, в первые месяцы
1945-го проходил через
Польшу в составе
1-го Белорусского фронта.
В начале 1970-х в своих
воспоминаниях он написал
о том, какой увидел Польшу
в последние месяцы войны,
и поделился размышлениями
о польском народе и его
значении для России.

21 января [1945 года]. 19.00. При-
были в Жерардув. Местность от
Равы Русской становится более
веселой. Сёла чаще. Леса свет-
лей. По дороге редкой верени-
цей движутся беженцы. Это вар-
шавяне. Они идут по двое, по
трое, реже — более многолюдными компаниями;
волочат узелки со скарбом, толкают детские ко-
ляски с барахлом, приветствуя, протягивают руки
к проходящим машинам. У всех усталые, отощав-
шие лица, рано постаревшие, еще более жалкие —
у женщин с их пудрой и губной помадой. Город
увешан польскими флагами, обмотан бело-крас-
ными лентами, даже маленькие дети носят поль-
ские флажки на тонких палочках...

23 января. Ночью проехал по развалинам
Варшавы.

Варшава была не место сражения, а нечто
иное. Все ее дома и костелы как-то сползли набок.
Они были по большей части не пробиты артил-
лерией, а подорваны и сожжены. Эти наклонные
с черной копотью вокруг окон здания странно
и страшно гляделись на фоне неба, почему-то ли-
ловатого. Улица без единого огонька тоже сполза-
ла к реке, где виднелись ребра взорванного моста.

Давид Самойлов во время Второй мировой войны.

Источник: архив семьи Самойловых

Не знаю до сего дня, кто виноват в гибели Варшавы и трехсот тысяч ее граждан¹. Может быть, лондонские поляки и Бур-Комаровский², начавший восстание раньше благоприятного срока, может быть, Сталин, не пожелавший оказать помощь повстанцам.

Варшава погибла не в результате битвы, а в результате избиения — политикой.

Дрянная погода, талый снег на дороге. За Конинском плоский пейзаж. Бурые поля с неожиданно яркими платками озими. Однообразные городки и местечки.

Русское разнообразие предвисленского края сменилось немецким однообразием и чопорностью. Деревни редки. Часты хутора и фольварки. Край чужой и глядящий исподлобья. Здесь где-то уже начинается Германия.

Гнезно — красивый городок, еще не прибранный, но уже праздничный, украшенный польскими флагами. Наши ребята живут как победители —

1 По современным оценкам историков, общее число жертв Варшавского восстания меньше, около 200 тысяч человек. — *Примеч. ред.*

2 Тадеуш Коморовский (Комаровский), военный псевдоним — Бур. Генерал, в 1943–44 годах — командующий Армией Крайовой, крупнейшей польской подпольной организацией в период Второй мировой войны. — *Примеч. ред.*

жарят мясо, едят немецкий эрзац-мед и пьют трофейную водку.

(...)

С конца февраля мы стояли в городе Мендзыхуде, недалеко от Познани. Этот польско-немецкий городок был похож на все соседние городки черепичной архитектурой своих крыш и базарной площадью — Марктпляц — в центре, когда-то называвшейся площадью Пилсудского, потом — Адольф-Гитлер-пляц, а при нас наскоро переименованной в площадь Победы или Войска Польского.

К востоку от Мендзыхуда сражалась несдавшаяся Познанская цитадель, с севера от приморья нависала мощная группировка немецких войск. Только благодаря военной уверенности Жукова штаб фронта был выдвинут так далеко на запад, в мешок, который мог быть отрезан контрнаступлением немцев.

У войск, вышедших к Одеру, иссякли боеприпасы и горючее. Однако война была уже в той стадии уверенности и организации, когда смелые решения были самыми правильными. Рокоссовский бил северную группировку, а мы готовились к окончательной победе.

В Мендзыхуде, на улице Болеслава Храброго, 2, прожил я беззаботные дни перед операцией Одер–Берлин. Я жил в доме пана Радлика, скромного чиновника речного порта на Варте. В этой семье было двое сыновей — Витек и Стасик, а также дочь Зофья, Зося, школьная учительница и моя первая учительница польского языка.

В ту пору я был легкомыслен и влюбчив и, конечно, влюблен был в пани Зосю Радликувну, впрочем, также и в сестру местного ксендза-пробосца³ Каспшака, и в племянницу пекаря Ванду Геничувну.

Эти факты, ни для кого не имеющие никакого значения, тем не менее дороги мне и потому упомянуты на страницах «Памятных записок», где не обойтись без простого сюжета моей жизни.

Здесь же расскажу, что в Польшу вернулся через 19 лет после войны.

Репортер газеты эфемерной партии Stronnictwo Demokratyczne⁴ задал мне вопрос о поляках, с которыми я подружился и которых запомнил с военной поры. Конечно, на первом месте я назвал семейство Радликов.

Вскоре я получил письмо на адрес Министрства науки и культуры, благополучно дошедшее до меня. Пани Зофья Каминская, урожденная Радликувна, уведомила шановного пана, что она,

3 Proboszcz — настоятель. — *Примеч. ред.*

4 Демократическая партия (пол.).

родители и братья читали мое интервью и даже видели меня по телевидению. Еще через год я приехал в Познань, чтобы повидаться с Зосей и Витеком...

Но вернусь к весенним месяцам 45-го года. Трудно писать о Польше, столь разгромленной и всеми преданной, что духовная ее жизнь, казалось, прервалась.

Трагедия Варшавы исчерпала на время силы польского национального духа, как будто и закаленного многовековыми испытаниями и неудобством своего промежуточного положения между мощной Россией и сильной Германией.

Удивительна все же резкая самостоятельность польского самосознания и твердость польской исторической концепции.

Чехи, к примеру, всегда капитулировали, спасаясь от гибели. Восстания — польский способ самовыявления. Поляков никогда не удерживало явное несоответствие их военных сил рядом с силами противника, будь то Россия или Германия. Обреченные на поражения, они умели сохранить нутро национальной гордости и, притихнув и даже почти утратив существование, вдруг снова

Россия была подготовлена к реформам Петра, и они могли бы произойти менее конфликтным способом, к сожалению не свойственным нашему государственному мышлению. В подготовке русского европеизма огромная роль принадлежит Польше.

Приняв «переходный» польский вариант европеизации, Россия избежала бы многих драматических конфликтов, в частности, донныне живого конфликта почвенников и западников, отражающего неизгладимую травму петровского и послепетровского западничества, нанесенную русскому сознанию Гольштейн-Готторпской династией.

Тут же оговорюсь, что нелепо давать ретроспективные советы истории. И конечно, драматически порывистый способ исторического продвижения глубоко свойствен России и является одной из черт ее своеобразия. Однако сама возможность иного варианта позволяет трезвее и спокойнее рассмотреть духовные конфликты прежнего и нашего времени. Соотнесение русской истории с историей Польши очень помогает в этом. «Промежуточность» Польши и тесная связь ее судьбы

В подготовке русского европеизма огромная роль принадлежит Польше.

отдышаться и собраться в нацию с сильной и самостоятельной культурой.

Поляки никогда не думали о своей относительной малочисленности и всегда ощущали себя великой нацией, пусть самой малой из великих.

Это ощущение является привлекательной чертой польского характера, во многом неприятного и чуждого. Именно эта черта — причина моей любви к Польше, любви, позже ставшей как бы частью мирозерцания и не угасающей, несмотря на поступки польского общества, порой трудно приемлемые.

Любовь к Польше — неизбежность для русского интеллигента.

Русская нация во многом может быть благодарна польской. В бурные времена яркие исторические деятели России, которые как бы составляют костяк истории, чаще всего рассматриваемой как драматическое действо, — в бурные времена исторические деятели России тянули ее к татарщине, азиатскими методами решая насущные вопросы времени. В «тихие» же времена Михаила и Алексея Польша была ближайшей станцией европейской цивилизации.

с нашей позволяют нам легче усваивать существенные стороны мирового уклада жизни, столь отличного от нашего и неприемлемого без опосредования в быту близкой, понятной и контактной нации.

...Первого апреля было «свенто»⁵ — польская Пасха. Я посетил трех моих приятельниц и сейчас, почти тридцать лет спустя, с грустным удовольствием читаю полустертые записи в растрепанной книжке о том, как гулял по кладбищу с панной Эрисей, как практичная и простодушная Ванда говорила, что станет моей женой, только если я приму католичество, и возмущалась с самоуверенностью польской панны:

— Не хочешь быть католиком ради меня?!

И как с горделивым бешенством встретила меня милая Зося.

Я теперь понимаю, почему упомянуты эти имена на страницах моих записок.

Благодарим Галину Медведеву за возможность публикации фрагмента из книги «Перебирая наши даты» (Москва, «Вагриус», 2000)

5 Święto — праздник. — Примеч. ред.

ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ

С колотушкой против мафии

Елена Барзова
Гаянэ Мурадян

Иоанна Хмелевская.
Варшава, 1992.

Фото: Александр Ялосиньский / Forum

Популярность Хмелевской в Советском Союзе была огромной и вспыхнула мгновенно, после первой же публикации. С тех пор прошло почти 40 лет, но ее книги по-прежнему покупают, читают и перечитывают, их общий тираж на русском языке превысил 8 млн экземпляров.

«А вообще я считаю, что за увеселение нашего общества и пропаганду мира и согласия мне причитается Нобелевская премия. Когда люди смеются, им не до драки».

Иоанна Хмелевская (Из интервью в журнале «Здесь и сейчас»)

Как прохладный ветерок в перетопленной бане

В 1982 году Варшавское издательство Krajowa Agencja Wydawnicza выпустило составленную Верой Селивановой антологию «Современный польский детектив». Тираж 400 000 экземпляров, в бумажной обложке. В СССР книгу просто смели с прилавков, и в 1983 году ее переиздала — уже в более солидном, твердом переплете, на хорошей бумаге — московская «Радуга». Тираж 100 000 экземпляров (стандартный практически для всех советских изданий) разошелся за считанные дни. Впрочем, по тем временам, в условиях книжного дефицита — дело вполне обычное: полки книжных магазинов ломились от книг, которые никто не покупал, а если появлялось вдруг что-то интересное, выстраивались длинные многочасовые очереди.

Необычным было другое: огромная, мгновенно вспыхнувшая популярность никому прежде в Советском Союзе не известной Иоанны Хмелевской. Сборник переиздавался несколько раз в обоих издательствах, роман «Что сказал покойник» стал, как бы сейчас сказали, абсолютным хитом: в 1989 году он вышел уже отдельной книгой — в том же издательстве «Радуга», но в более демократичной мягкой обложке и тиражом поменьше, всего лишь 70 000 экземпляров.

«„Что сказал покойник?“ Иоанны Хмелевской, изданный в сборнике „Польский детектив“, действовал на нас, студентов, как прохладный вете-

Елена Барзова, Гаянэ Мурадян
— работают в соавторстве.
Редакторы, переводчики
с польского и английского
языков, члены гильдии «Мастера
литературного перевода».

рок в перетопленной бане. В доперестроечные времена детективы „братских социалистических“ авторов были братьями-близнецами идеологически выдержанных советских детективов: суровые, преданные делу стражи порядка безупречной нравственности vs морально разложившиеся уроды (кровопийцы, бандиты, воры), подрывающие устои народного государства. А тут вдруг азартная самоироничная дамочка против мафиози, опу-

тавших своей сетью весь мир, бега, подпольное казино, похищение, Бразилия, побег через океан, снова похищение, заточение в подземелье замка... Мы передавали друг другу эту книжку, как сокровище, — на пару дней, под честное слово, что не потеряем, вернем в целостности и сохранности. А те, у кого не было терпения ждать своей очереди, набивались в гости к счастливчику, раздобывшему экземпляр, и упрасивали его почитать пани Иоанну вслух. Феерическое было зрелище: в тесной комнатке общежития Главного здания МГУ, на стульях, кушетках, полу, подоконнике — всхлипывая, подвывая, раскачиваясь и катаясь от хохота — внимает заплаканному чтецу будущее советской науки», — рассказывает Варвара Ключева, российская писательница, последовательница Хмелевской в ее своеобразном жанре.

Кстати, именно в СССР жанр этот получил название «иронический детектив» — сама же пани Иоанна по праву названа его основоположницей.

Писательница как-то сказала: *«Забавность окружающего мира проникает в мою прозу. Это не сатира, а презентация происходящего вокруг нас идиотизма».*

Следующим на русском появилось «Все красное» — сначала сокращенный вариант в журнале «Смена» в переводе Марии Кронгауз, а в 1991 году — уже без сокращений, отдельной книгой в издательстве «Планета» в переводе Веры Селивановой — и сразу тиражом 200 000. Ценители до сих пор спорят, кому из переводчиц лучше удалось передать по-русски речения господина Мультгорда — и кстати, Мультгорд он (как у Селивановой) или Мультгор (как в первом переводе)?

В том же 1990 году вышел третий роман Хмелевской на русском языке — «Проклятое наследство» в переводе Веры Селивановой и Ирины Колташевой. И тоже сначала в сборнике издательства «Радуга», тиражом 500 000 экземпляров, под одной обложкой с королевой английского детектива Агатой Кристи. Стоит ли говорить, что и эту книгу мгновенно смели с прилавков? Точнее — смели то, что дошло до прилавков после всех сотрудников магазинов, а также их родственников, друзей, знакомых и прочих полезных контактов. Ну и, разумеется, немалая часть тиража — как и со всеми предыдущими изданиями — ушла на «черный рынок».

Кроме того, до распада Союза Хмелевскую успели издать в Алма-Ате — «Что сказал покойник» в антологии «Дама в очках и с ружьем в автомобиле» в 1990 году (тираж — 150 000 экземпляров в твердом переплете и не менее двух тиражей по 100 000 экземпляров в мягкой обложке), во Фрунзе (ныне Бишкек) — «Все красное» в антологии «За-

рубежный бестселлер» в 1991 году (тираж первого издания — 100 000 экземпляров) и в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1991 году — уже авторский сборник «Проклятое наследство. Что сказал покойник» (тираж — 200 000 экземпляров).

А вот взгляд с другой стороны — автора: *«В Советском Союзе выходили мои книги, мне платили исправно, но говорили, что нельзя деньги везти через границу и что я должна их потратить в СССР. Я ответила, что столько не пью. Ведь купить у вас было нечего»* (из интервью «Московскому комсомольцу», 2002 год).

Чем же объяснить такую популярность Иоанны Хмелевской в советское время? Знакомые проблемы: ничего не достать, очереди... все родное, привычная реальность. И совершенно невероятная главная героиня, которая — в этой реальности! — ни на минуту не теряя чувства юмора, с легкостью преодолевает все препоны и преграды в борьбе за справедливость и выходит победительницей из всех передышек... Впрочем, если в 80-е можно было предложить и еще одно объяснение — популярность на фоне острого книжного дефицита, то в постсоветский период это объяснение уже никуда не годилось.

В начале 90-х как-то внезапно стало издаваться огромное количество книг. Поначалу изголодавшийся читатель скупал абсолютно всё, но через какое-то время, утолив многолетний голод, сделался разборчивее. А ставшие коммерческими издательства не могли позволить себе публиковать автора, который неинтересен публике. Однако Хмелевскую издавать не просто продолжили: в 1993 году издательство «Фантом-пресс» начало свою деятельность именно с ее книг — с серии «Иронический детектив», для которой перевело и выпустило все ее произведения! Но что самое интересное — оно даже возникло именно благодаря все той же книге «Что сказал покойник».

«В жизни каждого человека случается хотя бы один момент, когда тебе не просто везет, но ты получаешь какие-то неожиданные подарки свыше, — рассказывала в интервью «Афише-Дейли» владелица и директор издательства «Фантом-пресс» Алла Штейнман. — Если бы меня спросили, почему я стала издавать книги, я бы сказала — от полной безнадежности. Это был 1991 год, когда все рухнуло и в моей личной жизни, и в стране, и у всех везде. В какой-то отчаянно тухлый день подруга с терапевтической целью подсунула мне книгу „Что сказал покойник“, которая выходила в сборнике польских детективов в 1983 году. Но я была в таком отчаянии, что, само собой, не поверила, что чтение может

помочь что-то изменить. И вот я читаю „Что сказал покойник“ и за два дня не просто прихожу в себя — у меня появляется совершенно бешеный драйв и вполне отчетливая мысль: если мне это так быстро помогло, то такие книжки могут помочь кому угодно. Наверное, наивно. Но таких отчаявшихся, как я, в это время было полстраны, и не забудьте, что я была еще юная и доверчивая. Я нашла переводчицу, которая занималась Хмелевской, и задала ей вопрос: сколько у нее книг? Их оказалось множество, а издано было всего три. Вот оно, решила я, и в голове уже созрел план».

И тиражи расходились так же, как и раньше. Чем же теперь привлекала такое количество читателей пани Иоанна? Наверное, в первую очередь — самоиронией, блестящим чувством юмора, легкостью, обаянием всех своих персонажей... и опять-таки: при всех различиях России и Польши, схожестью проблем. Ее детективы читали и — что совсем уж немыслимо для такого жанра! — перечитывали, уже зная сюжет, только ради удовольствия еще раз оказаться в созданном ею мире и снова встретиться с ее героями, а прежде всего — героинями.

Кабы не чувство юмора, я бы давно утопилась

Наверное, мало кто знает, что Иоанна Хмелевская — это псевдоним. Настоящее имя писательницы — Ирена Барбара Иоанна Беккер, а родилась она в Варшаве 2 апреля 1932 года. Для литературного псевдонима Ирена взяла фамилию своей прабабушки: как говорили в семье, та сбежала с мелкопоместным шляхтичем, но семейная жизнь в поместье ее разочаровала, и она наотрез отказалась вести домашнее хозяйство. Писательница частенько ее вспоминала, когда говорила о своей безалаберности, наследственной нелюбви к домашним делам и всяческой рутине. Впрочем, экстравагантностью и безалаберностью отличалась вообще вся семья, включая двух теток, обожавших маленькую Ирену. Их самих, а также семейное поместье, где проходило ее счастливое довоенное детство, пани Иоанна изобразила в книгах «Колодцы предков» и «Проселочные дороги».

Первые ее литературные опыты относятся к довольно раннему возрасту: сначала сказки, затем попытка написать роман. В семье любили путешествовать, увлекались новомодными веяниями. И писательница всю жизнь любила путешествовать — объехала чуть ли не весь мир. В молодости она гоняла на мотоцикле, с удовольствием

водила машину. Вот только самолеты не любила и всячески избегала, особенно с тех пор как там запретили курить. Прекрасно играла в карты, предпочитая бридж, и обожала азартные игры (в «Автобиографии» она написала, что научилась играть в карты раньше, чем говорить). Делала ставки на бегах, не обошла вниманием казино во многих европейских городах. Коллекционировала марки, собирала на балтийских пляжах янтарь, любила делать бусы из ракушек, гадать на картах и составлять композиции из сухих трав. Умела стрелять, вышивала. Обожала кошек и собак.

Не читала газет, редко смотрела телевизор. Не пользовалась Интернетом — смеясь, говорила: «Ну что вы, я же довоенная», и вообще, мол, в этот компьютер кто угодно может «заглянуть», а Интернет только отвлекает от работы над книгой.

Конечно же, в беседах часто обсуждалось чувство юмора — в книгах и в жизни. В интервью для еженедельника «Аргументы и факты» в 1996 году на вопрос: «А ваше чувство юмора помогает вам только в ваших романах или и в реальной жизни тоже?» — пани Иоанна ответила: «Колоссально! Кабы не оно, я бы давно утопилась!» А дальше рассказала вот что: «У всей моей семьи всегда было огромное чувство юмора. С его помощью семья выходила из разных, подчас трагических ситуаций через полчаса, ну через час. Это характер такой, Божий дар. Легкой жизни у меня никогда не было. Ну ладно, в довоенной Польше я была ребенком, закормленным бананами. Правда-правда, до войны я была чертовски толстая... Если бы померла, то уж не от голода... Потом война — ну это вещь невозместимая... А после войны мне удалось сделать все сразу: школу закончить, выйти замуж и родить детей — и все до кучи! Выдержать-то я выдержала, но мне было трудновато. Всяко бывало, а помог мне семейный характер. Ей-богу, он помог мне перенести все!»

В тяжелые военные годы семья писательницы оставалась в оккупированной Варшаве, и, как она вспоминала, во время бомбежек все прятались «в подвале на мешках с картошкой». В послевоенное время, уже в последних классах школы, Ирене приходилось подрабатывать репетитором. Окончив школу, она поступила на архитектурное отделение Варшавского политехнического института, поскольку еще с детства весьма неплохо рисовала.

После института Ирена работала в обычной проектной конторе, знакомой читателям по роману «Лесь». Она продолжала пробы пера, но первую свою книгу — «Клин» (в русском переводе «Клин клином») — написала только после развода с мужем. Роман был опубликован в 1964 году и имел бешеный успех.

ный успех. Вся Польша хохотала над книгой неизвестного молодого автора, на страницах которой влюбленная, покинутая и рассерженная героиня оставляет в дураках весь польский КГБ. С тех пор началась жизнь пани Иоанны, эксцентричной героини Хмелевской, от лица которой ведется повествование во многих книгах.

Романная пани Иоанна — архитектор и писательница, наделена многими чертами автора. Комизм возникает из необычности ситуаций, в которые попадают главная героиня и ее подруги. Интересно, что и многие персонажи, и жизненные коллизии взяты напрямую из реальной жизни автора. К примеру, Хмелевская и сама некоторое время работала в архитектурном бюро в Дании и позже рассказывала, как занималась «контрабандой», то есть попросту говоря, пересылала домой дефицитные в Польше товары — в расчете, что ее родители сумеют их выгодно продать. Впрочем, бизнес себя не оправдал, поскольку родители ничего продавать не умели.

Лекарство от депрессии

Книги Иоанны Хмелевской переводились на иностранные языки 107 раз. Кроме русского — на чешский, словацкий и шведский. С переводами на другие языки порой возникали проблемы — возможно, из-за разницы в менталитете и понимании польских реалий тех лет. Да и юмор, зачастую основанный на этих реалиях, — «вечное доставание всего, будь то килограмм ветчины или пара кирпичей», и комические ситуации с этим связанные, — понятен далеко не во всех странах, хоть и не скажешь, что там совсем нет своих житейских проблем. Есть, конечно, и много... Видимо, дело в том, что смешно и почему смешно, то есть в том самом «менталитете».

К примеру, в «Автобиографии» пани Иоанна вспоминает: *«За перевод [книги «Что сказал покойник»] брался также и бразилец, у него тоже ничего не получилось [как ранее у итальянцев и немцев]. Какое-то время мы переписывались, из чего я уразумела: для бразильского читателя героиня стара, да и красотой не вышла. Я ответила: мне, мол, без разницы, пусть ей будет хоть шестнад-*

цать лет, а красотой она затмит мисс Вселенную. Позже, однако, и польские реалии оказались не ко двору, а не освященная браком связь героев своей аморальностью вообще могла отпугнуть бразильских читателей. Я уступила, согласилась на брак. Но и это не помогло, и перевод пошел псу под хвост».

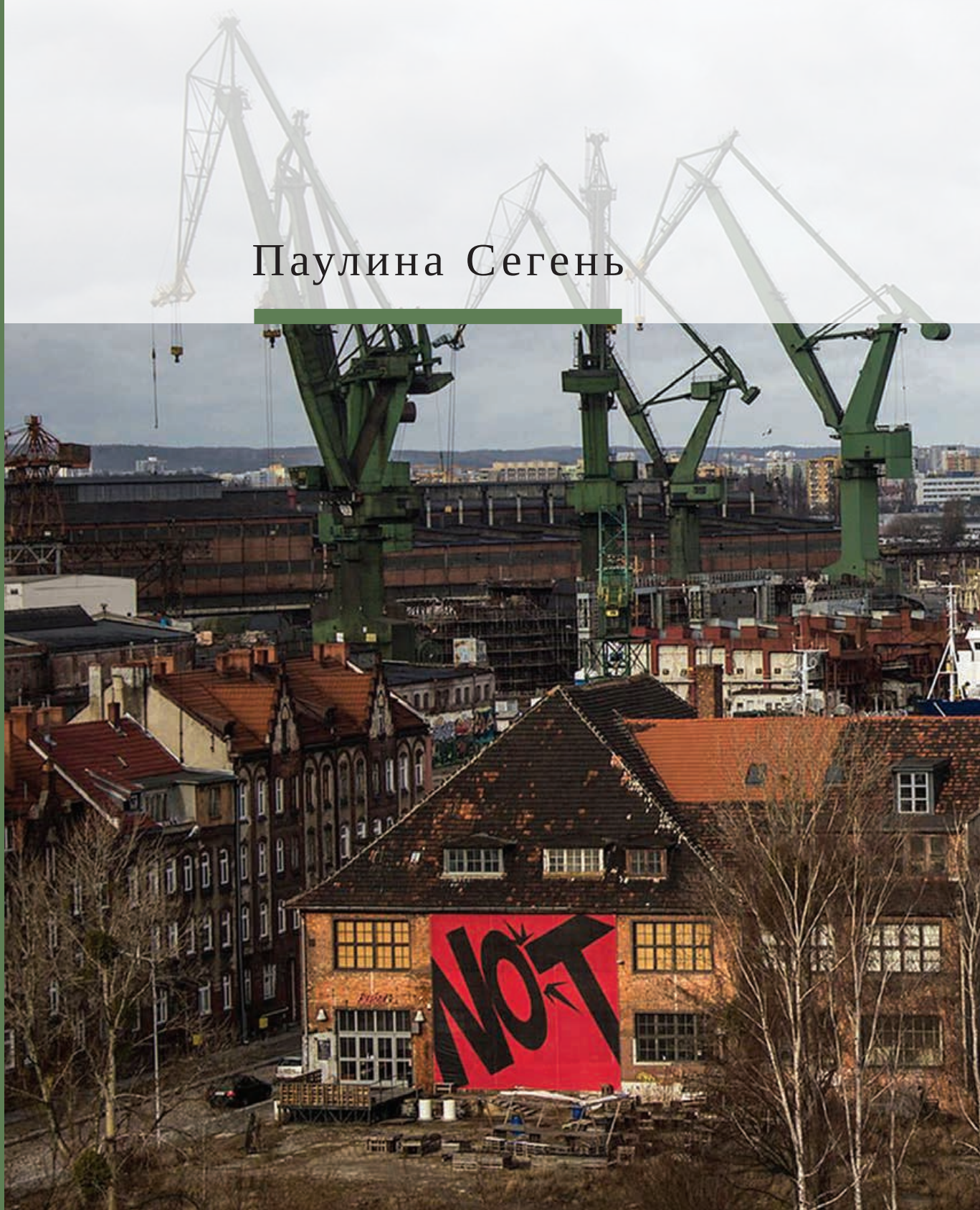
В России книги Хмелевской издавались и переиздавались постоянно. Всего на данный момент на русском языке выпущено уже более 400 различных изданий общим тиражом свыше 8 млн экземпляров.

Но самые первые романы, вышедшие еще в СССР, так и остались здесь, пожалуй, самыми популярными. Именно по ним были сняты телесериалы: «Что сказал покойник» в 1999 году (в ролях — польская актриса Марта Клубович, Олег Табаков, Олег Басилашвили, Александр Домогаров) и «Пан или пропал» в 2004 году по мотивам романа «Все красное» с Еленой Сафоновой в роли Иоанны и Ларисой Удовиченко в роли ее подруги Алиции. К экранизациям своих произведений Хмелевская относилась довольно критически, но считала, что ближе всего к оригиналу оказался российский «Что сказал покойник». Впрочем, и к нему у нее были претензии: главная героиня одевается совсем не стильно, а персонажа, которого играет красавец Домогаров, убили в самом начале...

Те, кому еще в 1980-х довелось познакомиться с книгами Хмелевской и ее героиней — прикольной пани с вязальным крючком, мотком акрила, атласом мира и авоськой денег, успешно отбивающейся от мафиози колотушкой (ведь, как известно, «предмет кухонной утвари в руках женщины — страшное оружие») — те, кто полюбил книги Хмелевской в глухие советские годы, помнят их до сих пор. Эти романы — лучшее лекарство от депрессии — вошли в «список культурного наследия» того поколения. Но и сейчас, через семь лет после смерти пани Иоанны, у нее по-прежнему нет недостатка в читателях, почитателях и последователях жанра иронического детектива, который все так же помогает смотреть с юмором на непростые реалии нашей сегодняшней жизни.

Судоверфь, которой нет

Паулина Сегень

В разные периоды Гданьская судостроительница находилась на территории Пруссии или Вольного города Гданьска, была собственностью Польши или украинского олигарха. Рассказываем историю колыбели легендарной «Солидарности».

Говорят, жителей Парижа выводят из себя туристы, которые регулярно спрашивают, где находится Бастилия. Те, кто хорошо учил историю, знают, что в революционном угаре крепость-тюрьму разрушили полностью — осталось лишь название площади. Места, которое у миллионов людей ассоциируется с Французской революцией, нет уже больше двух столетий.

Не в столь далеком прошлом, 30 лет назад, в Польше тоже произошла революция. Она совсем не была похожа на французскую, и тем более на большевистскую в России — в Польше жертв было не так много, а смена власти произошла в результате переговоров. Историческому дню 4 июня 1989 года, когда в стране прошли первые частично свободные выборы, а по телевизору объявили о конце власти коммунистов, предшествовала

многолетняя борьба. Одним из драматичных эпизодов стали события декабря 1970 года в Гданьске, Гдыне, Эльблонге и Щецине. Акции протеста жестоко подавили милиция и армия, погиб 41 человек.

Когда летом 1980 года Гданьск накрыла новая протестная волна, рабочие судовой верфи требовали среди прочего разрешения построить памятник погибшим в декабре 1970-го. Они также настаивали на возвращении на работу уволенных лидеров: Анны Валентинович и Леха Валенсы, повышении зарплаты и компенсациях в связи с подорожанием продуктов. Экономические требования соседствовали с политическими. Забастовку рабочих Гданьской судовой верфи поддерживали другие заводы — не только в Поморье, но и по всей стране. Это заставило коммунистическое правительство начать переговоры с протестующими.

В результате были заключены Августовские соглашения, главным достижением которых стало разрешение создать независимые от государства профсоюзы. Тогда была официально зарегистрирована знаменитая на весь мир «Солидарность», что стало началом конца коммунистического режима в Польше.

Колыбель революции

Гданьская судовой верфь, где разыгрывались ключевые события новейшей польской истории, сильно изменилась за прошедшие три десятилетия. Говорят, что революция пожирает своих детей. И хотя судовой верфь им. Ленина была для польской трансформации скорее матерью, чем ребенком, она тем не менее тоже оказалась обречена.

История предприятия восходит к XIX веку. В эпоху индустриализации в портовом Гданьске, входившем тогда в состав Пруссии, активно развивалось судостроение. Заводы продолжали рабо-

тать и в межвоенный период, когда Гданьск имел статус вольного города, а в годы оккупации они обслуживали немецкую армию. Когда Гданьск после 150-летнего перерыва вернулся в состав польского государства (теперь подконтрольной СССР «народной республики»), коммунистическое правительство объединило несколько существовавших раньше в городе заводов в судовой верфь. Она стала одним из крупнейших предприятий в стране: в лучшие времена там трудились около 20 тысяч рабочих.

Реинкарнации судовой верфи

Когда в 1989 году в Польше сменился политический строй, Гданьская судовой верфь была преобразована из государственного предприятия в акционерное общество, но функционировать в условиях рыночной экономики не смогла. Крах социалистических систем в других странах и распад СССР, откуда приходили основные заказы, усугубили ситуацию.

В 1996 году АО «Судовой верфь Гданьск» объявило о банкротстве. Это стало потрясением для жителей города, да и для всех поляков. Начался даже сбор средств для спасения предприятия. Тот факт, что место, где зародилась надежда на лучшую жизнь, стало жертвой порожденных его работниками перемен, многих заставил задуматься о цене, которую приходится платить за экономические реформы.

После объявления о банкротстве государство пыталось спасти верфь, то беря ее под свой контроль, то продавая новым владельцам — какое-то время им был даже украинский олигарх Сергей Тарута. Летом 2018 года акции «Судовой верфи Гданьск» снова стали собственностью польского государства.

Упадок или новая жизнь?

Несмотря на банкротство, с конца прошлого века на территории судовой верфи работают частные судостроительные компании. Сейчас здесь около 20 крупных предприятий, а также многочисленные малые и средние фирмы, занимающиеся строительством и ремонтом судов и яхт. Они до сих пор пользуются инфраструктурой судовой верфи.

В южной части бывшей верфи, которая непосредственно прилегает к центру Гданьска, планируется построить новый район с историческим названием Молодой город (Młode miasto). Реализация этой идеи обсуждается уже несколько лет, но окончательного решения так и нет — до модного постиндустриального района по-прежнему далеко. Зато подготовка к строительству успела кардинально поменять облик этой части города

Паулина Сегень — журналистка и переводчица из Трехградья.

Европейский центр солидарности. Фото: Лукаш Дейнарович / Fotom

и привела к разрушению многих зданий судовой верфи. Гданьский фотограф Михал Шляга стал свидетелем этого печального процесса, который многие называют исторической обреченностью. Фотографии из его альбома *Stocznia Szlaga* помогают оценить масштабы изменений в пространстве бывшей Гданьской судовой верфи. В течение нескольких лет он документировал распад района — то, как рушатся здания, стирается внутренняя сеть улиц и переулков завода. Жители Гданьска сильно возмутились, когда собственник территории заговорил о сносе высоких финских кранов — они хорошо видны из центра и вписаны в культурный ландшафт города. Благодаря активной позиции горожан гигантские машины удалось спасти, они вошли в список объектов культурного наследия, находящихся под охраной государства.

Несмотря на то, что официальное строительство Молодого города идет вяло, заводские здания наполнены жизнью. На территории судовой верфи постоянно работает несколько музыкальных клубов, а летом реализуются также временные проекты, например 100cznia. Это небольшой квар-

тал кафе и баров, расположенных в контейнерах. Таким образом Гданьская судовой верфь приобретает облик типичного европейского постиндустриального пространства.

Подойдя ко входу на верфь, туристы могут увидеть монументальные, устремленные в небо три креста — памятник погибшим в декабре 1970 года — и исторические ворота номер два, куда в 1980 году приходили поддержать бастующих их семьи и где Лех Валенса объявлял о конце забастовки. Через ворота можно пройти на бывшую территорию судовой верфи. Впереди будет виден кирпичный флигель — там находится зал, где были подписаны Августовские соглашения, положившие начало профсоюзу «Солидарность». Слева стоит громоздкое коричневое здание, фасад которого выполнен будто из ржавого металла, — Европейский центр солидарности. Там расположен музей, посвященный истории свержения коммунистического режима в Польше. После осмотра экспозиции можно подняться на террасу и оттуда увидеть Гданьскую судовой верфь — то место, где она была, и все, что осталось от нее сейчас.

ПЕТР ЦИВИНСКИЙ: Аушвиц должен пробуждать в нас моральное беспокойство

Интервью с директором Государственного
музея Аушвиц-Биркенау.

Евгений Климакин

Петр Цивиньский. Фото: Павел Савицкий / Музей Аушвиц-Биркенау

Евгений Климакин: Когда вы впервые попали в музей Аушвиц-Биркенау?

Петр Цивиньский: Довольно-таки поздно. Дело в том, что в подростковом возрасте я жил за границей. Мой отец — ученый. Когда власти ПНР ввели в 1981 году военное положение, он читал лекции в одном из итальянских университетов, там и остался. Нам с мамой позже разрешили переехать к нему. Впервые я приехал в Аушвиц в 90-х годах, когда был уже взрослым человеком, но так в него и не попал.

ЕК: Почему?

ПЦ: Впал в такой ступор, что не смог зайти на территорию Аушвица. Нашел в себе силы это сделать в 1998-м.

ЕК: Как вы считаете, начиная с какого возраста стоит приезжать в музей?

ПЦ: Это очень индивидуальный вопрос. Хорошо, если у человека, который собирается приехать, уже сформирована система ценностей. Как правило, это происходит в 16–19 лет. В этом возрасте мы разрываем пуповину связи с родителями, становимся самостоятельными. Аушвиц важно увидеть также тогда, когда мы создаем семью, когда у нас появляются дети. В такой момент некоторые

экспонаты музея (детская одежда, обувь, игрушки маленьких жертв) очень сильно и болезненно воздействуют на человека, заставляют задуматься.

ЕК: Я слышал, что больше всего шокирует посетителей экспозиция с тоннами волос жертв концлагеря.

ПЦ: По моим наблюдениям, людей больше всего шокируют не волосы, а тысячи пар обуви и горы

Евгений Климакин — заместитель главного редактора «Новой Польши». Работал на culture.pl, Polskie Radio, телеканалах TVN и 1+1, писал для National Geographic и сайта «Эхо Москвы».

Вход в бывший нацистский лагерь Аушвиц I. Фото: Евгений Приходько / Новая Польша

чемоданов. Эти два элемента ударяют крепче всего. Сильное впечатление производит также Биркенау — это огромное пространство с бараками, руинами, фундаментом от бараков показывает масштаб преступлений нацистов.

ЕК: Как выглядело освобождение концлагеря 27 января 1945 года?

ПЦ: Здесь оставалось около 7 тысяч узников, в том числе около 700 детей. После последнего Марша смерти, 18 января, лагерь больше не функционировал, как раньше. Заключенные перестали получать еду. Больные, обессиленные, умирающие... Кто-то лежал, те, у кого еще остались силы, ходили и искали что-то съедобное. Была зима, мороз. Как вспоминали потом узники, снег скрипел под ногами. Находившиеся в лагере не очень понимали, что вокруг происходит. Когда 27 января Красная армия освободила лагерь, многие узники даже боялись показываться. Люди были настолько обессилены, что некоторые просто не могли встать. Сотни человек умерли уже после освобождения. Они были так истощены, что не выжили. Красная армия сразу организовала здесь полевой госпиталь.

ЕК: Это правда, что некоторые узники потом вернулись в лагерь?

ПЦ: Да. Они хотели сохранить доказательства преступлений нацистов. После войны, в 1945 и 1946 годах, велась дискуссия о том, что делать с лагерем. Мнения были очень разные. Были и те, кто считал, что объект надо ликвидировать. Некоторые узники говорили, что тот, кто этого не пережил, ничего не поймет. Поэтому лучше стереть все с лица земли и, например, построить в этом месте университет или детский дом. Идей было много, тем не менее подавляющее большинство бывших заключенных хотели видеть на этом месте музей.

ЕК: Вы здесь работаете с 2006 года. Каково это — проводить столько времени в месте массовых убийств?

ПЦ: К тому, что находишься там, где убили более миллиона человек, невозможно привыкнуть. Здесь не получается отключить чувства и начать просто честно выполнять свои обязанности. Тем не менее одно дело, когда ты приехал просто посмотреть, а другое — когда здесь работаешь. Ты делаешь что-то важное для других. Это цель, которая больше нас. Не хочу, чтоб прозвучало пафосно, но мы это делаем для мира, для окружающих, для лучшего понимания истории, памяти. Именно осознание миссии позволяет все упорядочить и справиться с эмоциями.

ЕК: Расскажите, пожалуйста, о работе реставраторов.

ПЦ: В отделе реставрации — более ста человек, у них работа особенная. Люди, которые по 5-6 лет учились, готовились реставрировать произведения искусства, антикварные вещи, сидят и реставрируют обувь жертв, чемоданы, зубные щетки, протезы. Они реставрируют все, кроме волос. Это очень непросто. Во-первых, у реставраторов нет готовых решений для объектов, экспонатов первой половины XX века. Античное искусство, Средневековье, другие периоды, включая XIX век, — с этим нет проблем. Большинство материалов из этих эпох многократно исследовали, восстанавливали. XX же век, грубо говоря, еще не освоен. Пластик, другие синтетические материалы — ученые еще не знают, как эти материалы реставрировать. Во-вторых — кто в нашем мире реставрирует чемоданы или старую обувь, зубные щетки? Этого не делают. Кто реставрирует бетонный пол? Если он испортился, люди заливают новый.

Обувь узников концлагеря Аушвиц-Биркенау.

Фото: Евгений Приходько / Новая Польша

ЕК: В СМИ много писали о том, что музей якобы не пригласил на 75-ю годовщину освобождения лагеря президента России. Это правда?

ПЦ: Мы приглашаем только бывших узников. Что касается глав государств, процедура выглядит иначе. Мы информируем посольства разных стран о торжествах и просим сообщить нам, делегация какого уровня приедет. Государства сами решают, кто их будет представлять. Ни один президент не получил от нас официального приглашения. Поэтому все разговоры о том, что Путин не был приглашен в Аушвиц-Биркенау, — полная ерунда.

ЕК: Как вы восприняли обвинения Путина в том, что Польша якобы находилась в сговоре с Гитлером?

ПЦ: Такие слова не должны были прозвучать. Мне особенно неприятно то, что это все происходило накануне годовщины освобождения концлагеря. Я понимаю, что Кремлю надо было готовить свои политические торжества в Иерусалиме, дискредитировать нас. Тем не менее я считаю глубоко аморальной попытку какой бы то ни было политической борьбы накануне Международного дня памяти жертв Холокоста. Я бы хотел, чтобы в этот день не проходили политические выяснения отношений.

ЕК: Я слышал об очень эффективной модели финансирования музея.

ПЦ: Двенадцать лет назад я понял, что затраты музея будут с каждым годом расти. На территории площадью порядка 200 гектаров у нас находится 155 зданий и сооружений, около 300 руин, сотни тысяч экспонатов. Содержать все это из средств Министерства культуры нереально. Есть международные фонды, но мы же не можем постоянно обращаться к ним с просьбой выделить средства на реставрацию какого-то барака или вышки, фундамента или экспонатов. Это все стоит огромных денег.

ЕК: Какое решение вы нашли?

ПЦ: Мы создали специальный фонд, который распоряжается средствами 38 государств-жертвователей. Основной капитал этого фонда мы не тратим. Средства, которые нам перечисляют, фонд инвестирует в облигации с очень низким уровнем риска.

ЕК: Вы можете назвать суммы?

ПЦ: Основной капитал на данный момент составляет около 120 млн евро. В течение ближайших двух лет сумма достигнет 180 млн. Проценты, кото-

рые зарабатывает этот капитал (около 2 млн евро), фонд отправляет в музей, мы инвестируем их в реставрацию.

ЕК: Главную экспозицию создавали в 50–70-х годах прошлого века. Хотите ли вы ее как-то изменить?

ПЦ: Да, в ближайшие годы. Мы не будем менять характер музея, он не станет исторически-повествовательным, хотя сейчас это очень модно. В последнее время делают музеи, посещение которых напоминает прочтение книги. У нас же все останется по-прежнему. Главным будет место, объекты, экспонаты. Выставка, как и сейчас, будет состоять из части, посвященной Холокосту, и части, показывающей, как выглядела жизнь в лагере. Появится еще одна часть, в которой мы покажем, что концлагерь — это хорошо продуманный проект, который был связан с разными фирмами, банком Третьего рейха. Аушвиц-Биркенау ведь не появился из ниоткуда. Все здесь было детально продумано, хорошо организовано. Иногда люди говорят, что это нечеловеческое место, что эсэсовцы — нелюди. Нет, это все — дело рук человеческих. Организаторы должны были приложить немало усилий, чтобы все устроить, создать инфраструктуру, продумать логистику. Страшно звучит, но нацисты очень профессионально подошли к вопросу. Это не та ситуация, когда одно племя набрасывается на другое и все друг друга убивают. Аушвиц — результат цивилизационных процессов, которые нацисты направили не на благо, а ради абсолютного зла.

ЕК: Как заинтересовать молодежь Аушвицем?

Для них же это довольно-таки абстрактная тема.

ПЦ: Искать понятный им язык. Молодежь живет в эпоху невероятных цивилизационных изменений. Меняется все: духовность, коммуникации, системы семейных отношений, связь человека с обществом, территорией, на которой он живет. Я даже не говорю о технологическом прогрессе. Школа не поспевает за этими изменениями. Молодежь смеется над несчастными учителями информатики, которые рассказывают им о программе Word в то время, когда они монтируют фильмы и делают в приложениях клипы. Мы должны владеть языком тех, кто к нам приезжает. Если бы в Аушвиц приехала группа из страны, языка которой мы не знаем, мы бы искали для них переводчика. Такая же ситуация с молодыми людьми.

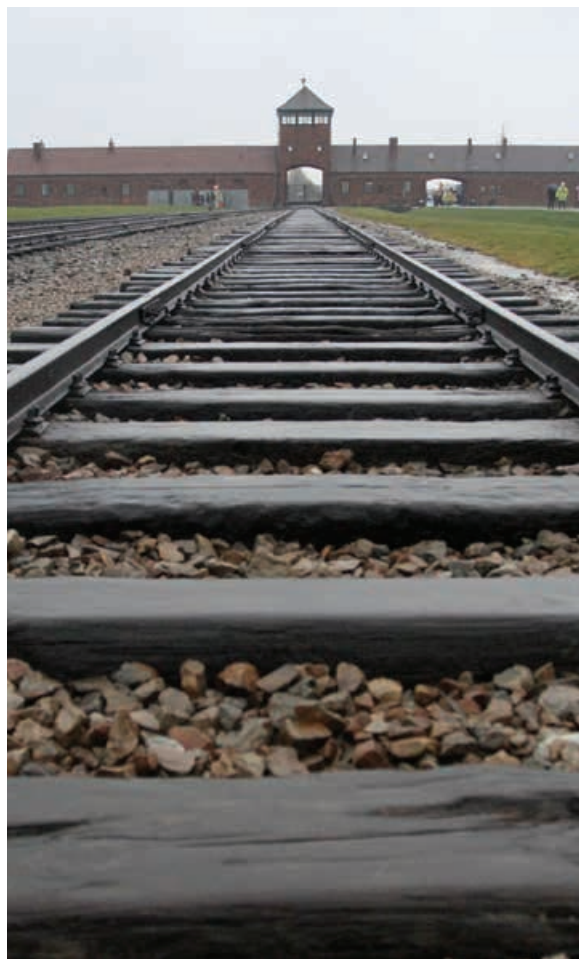
ЕК: Должен ли музей поспевать за новшествами?

ПЦ: Должен. В конце 90-х были серьезные дискуссии о том, стоит ли нам создавать сайт музея.

Еще 11-12 лет назад мы спорили, нужна ли музею страница на Facebook. Сегодня это звучит смешно, но так было! Вспоминаю одну крупную международную конференцию, посвященную новым медиа и социальным сетям, на которой два очень уважаемых ученых прочитали доклады о том, что социальные сети никак не могут быть связаны с местами памяти, что это кощунство и т.д. Но мы поддались на этот абсурд. Понимаете, это не вопрос «быть или не быть». Если в Интернете есть люди, значит мы должны быть для них доступны. Если мы хотим, чтобы об Аушвице знал весь мир, мы просто обязаны сами идти навстречу людям. Ведь лишь ничтожный процент из них сможет приехать в Польшу и увидеть все воочию.

ЕК: Чему нас учит Аушвиц-Биркенау?

ПЦ: Узники концлагеря часто повторяли слова «никогда больше!». Казалось, что они стали для мира лозунгом. Мы говорили, что такое никогда больше не должно повториться, но сегодня

Бывший нацистский лагерь Аушвиц II (Биркенау).

Фото: Якуб Пожицкий / Fotum

Аушвиц-Биркенау. Фото: Евгений Приходько / Новая Польша

в разных уголках мира льется кровь, а мы безмолствуем. Мы становимся все более пассивны. Когда несколько лет назад в Мьянме уничтожали этническую группу рохинджа, никто не протестовал. В наши дни более миллиона уйгуров сидят в Китае в лагерях, но мир бездействует. Мне кажется, что наши главные враги — пассивность и равнодушие. Аушвиц учит нас не быть равнодушными. Надеюсь, что во время посещения нашего музея рождается моральное беспокойство. Не только сочувствие, грусть, шок, но и моральное беспокойство, касающееся нас лично, нашего времени. Мы живем в мире, в котором очень быстро распространяются антисемитизм, расизм, ксенофобия. Сейчас сложно найти страну, свободную от популизма и безответственной политики. Мне кажется, что Аушвиц должен пробуждать в нас беспокойство о завтрашнем дне, должен помогать более зрело смотреть на нас самих. Я хотел бы, чтобы гости выходили из музея не столько расстроенные и разбитые, сколько решительно настроенные на

своем уровне не соглашаться с проявлением ненависти, унижением других людей. Я понимаю, что поставить «лайк» в соцсетях под статьей очень легко, но только это ничего не решает. Вечером люди не помнят, что они «лайкали» утром. «Лайками» и «перепостами» мир от трагедий не спасти!

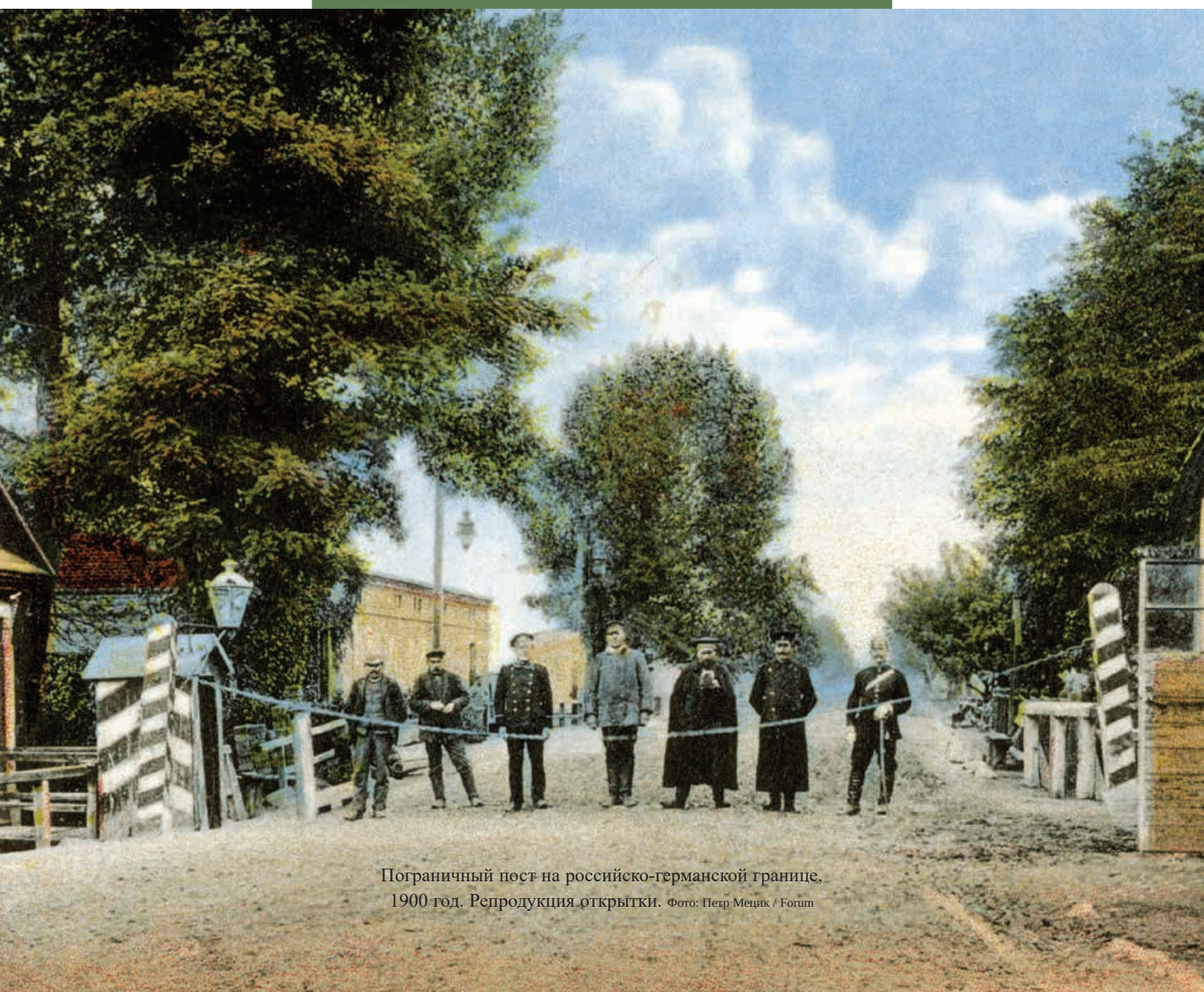
ЕК: Вы нашли ответ на вопрос, почему Аушвиц был возможен?

ПЦ: Нет. Но мне не нравится, когда люди разводят руками и предъявляют претензии к Богу. Папа Римский Бенедикт XVI, когда приезжал сюда, в своем выступлении многократно задавал вопрос: «Господи, как Ты мог это допустить?» Я не люблю этот вопрос. Мне кажется, что в первую очередь мы должны понять, почему такое допустили люди. Скажем честно, Аушвиц-Биркенау — это рукотворная история, результат деятельности людей. Очень легко перекинуть ответственность на Бога, но это не решает проблему. Причину стоит искать в нас.

(Не)видимые границы

Больше ста лет, вплоть до 1918 года, территория современной Польши была разделена между тремя государствами. И хотя с тех пор сменилось уже не одно поколение, различия между российской, прусской и австрийской частями по-прежнему сохраняются в ландшафте, экономике и политических пристрастиях.

Мельхиор Якубовский

Пограничный пост на российско-германской границе,
1900 год. Репродукция открытки. Фото: Петр Мецник / Forum

Видны разделы — таков популярный комментарий к разнообразным картам Польши, который сегодня можно прочитать в Интернете. Он обычно носит шуточный характер (довольно часто это печальный юмор), однако метко указывает на одну из самых характерных особенностей современной Польши — то, что через сто с лишним лет после возрождения польского государства по-прежнему ясно видны пересекающие его границы между тремя разделами, то есть частями страны, которые находились под властью трех стран-захватчиков. Эти границы можно увидеть как в культурном ландшафте, так и во многих социальных и экономических явлениях. Наложите границы XIX века почти на любую тематическую карту, и вы заметите много интересного.

Границы исторические и современные

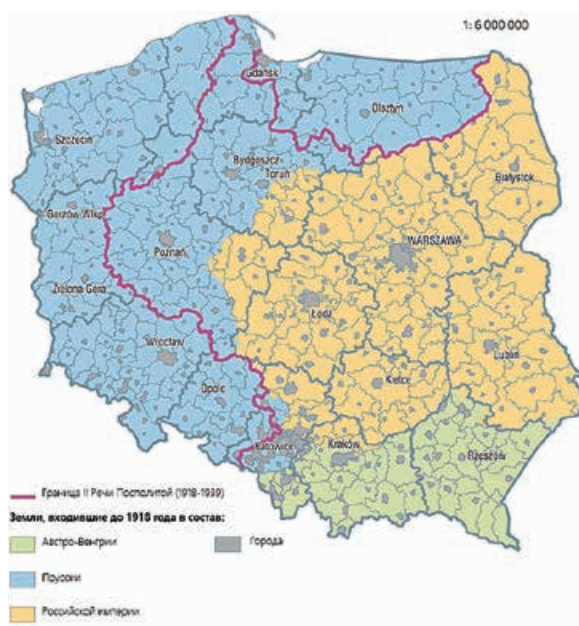
Речь Посполитая — государство, объединявшее Корону королевства Польского и Великое княжество Литовское, — перестала существовать в 1795 году после того, как была окончательно разделена между Австрией, Пруссией и Россией. Установленные тогда границы просуществовали, однако, недолго из-за перипетий наполеоновских войн. На Венском конгрессе в 1815 году были определены новые границы, которые оказались гораздо более долговечными — они сохранились до Первой мировой войны.

С точки зрения карты разделов XIX века современная Польша складывается, по большому счету, из четырех частей. Восток и центр стра-

ны относились к Российской империи либо объединенному с ней Царству Польскому (так называемый российский раздел). Юго-восток входил в состав габсбургского королевства Галиции и Лодомерии (австрийский раздел). От побережья Балтики в юго-западном направлении простиралась полоса, включенная в Королевство Пруссии, а с 1871 года — в объединенную Германскую империю (прусский раздел). Четвертую часть составляют территории, не входившие в состав Речи Посполитой на момент разделов: отдельные регионы, присоединенные к Польше после Первой мировой войны (например, части Силезии, Оравы и Спиша, которые не были польскими до разделов), а также западные и северные земли, перешедшие от Германии после Второй мировой войны (в пропаганде коммунистического периода

Мельхиор Якубовский — историк, искусствовед, аспирант Варшавского университета. Занимается исторической географией и историей ландшафта, искусством рококо и религиозными и этническими отношениями в бывшей Речи Посполитой.

Границы XIX–XX веков на современной карте Польши. Источник: igipz.pan.pl

их называли возвращенными землями). Впрочем, о последней категории мы здесь подробно говорить не будем, а сосредоточимся на тех территориях, которые входили в состав польского государства перед самыми разделами и входят в него сейчас.

Следует подчеркнуть, что описанные выше границы XIX века имеют мало общего с нынешним административным делением Польши: оно представляет собой искусственное порождение бюрократии, не основанное на исторических границах. Однако для удобства представим приблизительно, как современные воеводства и их столицы соотносятся с государствами XIX века. Российский

раздел — это такие современные воеводства как Подляское (Белосток), Мазовецкое (Варшава), Лодзинское (Лодзь), Люблинское (Люблин) и Свентокшиское (Кельце), восточные части Куявско-Поморского и Великопольского, северо-восток Силезского и север Малопольского. Австрийский раздел — это Подкарпатское воеводство (Жешув), бо́льшая часть Малопольского (Краков) и юго-восток Силезского. Прусский раздел — бо́льшая часть Великопольского (Познань), Куявско-Поморского (Торунь и Быдгощ), а также Поморского (Гданьск) воеводств.

Границы XIX века до сих пор имеют особенное значение из-за масштаба перемен, произошедших в то время не только в Польше, но и в Европе в целом. Промышленная революция и связанное с ней развитие техники и инфраструктуры, быстрый демографический рост и формирование современных общественных движений (к примеру, национализма и социализма) значительно и надолго изменили ландшафт, а также образ мышления и поведения жителей. Наш рассказ мы начнем с того, что без труда можно увидеть во время поездки по Польше, например, из окна автомобиля или поезда.

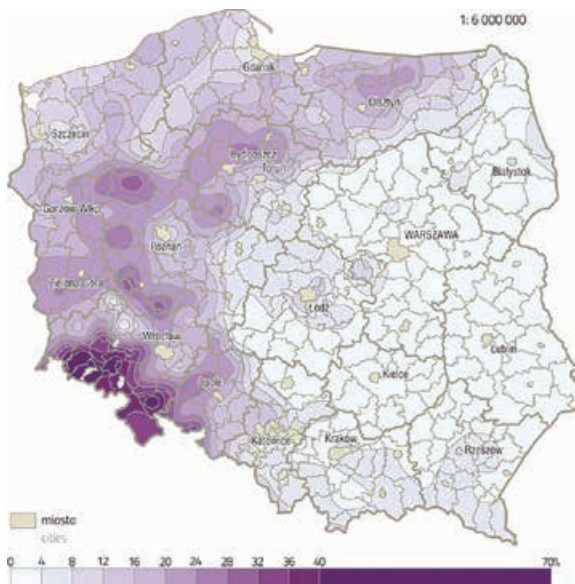
Архитектура и ландшафт

Легче всего опознать прусский раздел. Здесь до сих пор очень многие живут в старых домах из красного кирпича, покрытых красной черепицей. Правда, все новые перестройки и ремонт меняют этот облик, однако он по-прежнему узнаваем.

Встречаются и новые дома, спроектированные в подражание старинным образцам. В более бедных австрийском и российском разделах старой застройки в принципе меньше, так как здесь значительно дольше существовала традиция строительства из менее долговечной древесины. Сохранившиеся старые здания обычно и меньше, и скромнее.

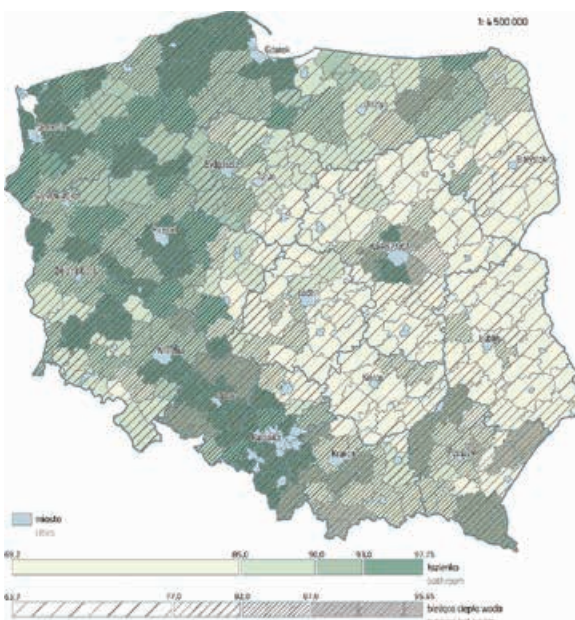
Зато в городах можно увидеть влияние стилистики, характерной для стран-захватчиков: венского сецессиона в Галиции, русско-византийской архитектуры в российском разделе, а в прусском — типичной для Германии неосредневековой застройки с отделкой из глазурованного кирпича. Можно взглянуть на этот вопрос и с более практической точки зрения: как показывает статистика, в российском и австрийском разделах жилищные условия по-прежнему хуже, чем в прусском. Квартиры меньше размером, а людей в них живет больше. В российском разделе все еще нетрудно найти квартиры без канализации, что в прусском — большая редкость.

Как и в застройке, есть явные различия в расположении деревень и полей. В бывшем прусском разделе большинство деревень отличаются компактностью, хотя встречаются и выселки (по-польски их называют «колонии») — отдельные поселения за пределами основного населенного пункта. В то же время поля разде-

Процент используемых жилых помещений, построенных до 1918 года (данные на 2002 год).

Источник: igipz.pan.pl

Процент жилых помещений, оборудованных канализацией и горячим водоснабжением (данные на 2011 год). Источник: igipz.pan.pl

лены на окружающие деревню крупные, аккурратно очерченные участки. В российском разделе система выселок распространена гораздо больше, а населенные пункты, даже если их застройка сосредоточена в одном месте, не очень компактны и не отличаются правильной формой. Поля здесь очень неровные и, как правило, меньше и уже, чем в бывшей Пруссии. В свою очередь, в австрийском разделе преобладают длинные деревни, часто вытянутые вдоль рек. Наиболее характерно, однако, расположение полей: это очень узкие (иногда всего несколько метров!) и длинные (иногда даже в несколько километров!) полосы, тянущиеся перпендикулярно к оси застройки.

Эти различия — следствие разного подхода к решению проблемы перенаселенности деревень и укрупнения земель в XIX веке. В прусском разделе осуществили передел полей, создав крупные, процветающие хозяйства зажиточных крестьян. Более бедным приходилось искать счастья в быстро развивавшихся тогда городах. В российском разделе аналогичная реформа была предпринята поздно и лишь частично, а в австрийском разделе ее не было вовсе. Именно поэтому здесь сохранялась традиция делить хозяйство между детьми, каждому из которых полагался доступ к дороге и воде внутри деревни. Следствием стали невероятная раздробленность хозяйств и весьма неудобные для обработки формы участков. Именно поэтому официальное название этой части австрийской империи, Королевство Галиции и Лодомерии, злые языки переделали в «королевство голиции и голодомерии». Если говорить об отношениях собственности, то на территории прусского раздела наследием прежней политики в этой сфере стала более высокая, чем в остальных частях страны, доля собственности государства (бывшие крупные землевладения) и религиозных организаций (по причине меньшего масштаба конфискации церковного имущества в XIX веке).

Транспортная сеть

Главным мерилом прогресса в области транспорта в XIX веке была железная дорога. И доньше железнодорожная сеть в бывшем прусском разделе значительно гуще, нежели в российском и австрийском. В прошлом эта разница была гораздо больше, однако во второй половине XX века она уменьшилась из-за закрытия многих линий в прусской части (печальный пример выравнивания в худшую сторону).

Впрочем, по-прежнему ощущаются последствия различного подхода стран-захватчиков

к строительству железных дорог. В Германии и Австрии их строили с учетом общественных и экономических потребностей, в России же главенствовали военные соображения. В результате железнодорожные станции в российском разделе часто расположены далеко от центра города или даже в чистом поле, а количество виадуков, об-

Железнодорожный транспорт в Польше (серые линии — границы воеводств). Источник: Википедия

легчающих переезд другого транспорта под или над рельсами, даже в городах остается небольшим. При этом пути на много километров проложены прямо, без единого поворота. В прусском и австрийском разделах станции обычно находятся гораздо ближе к центру, а пути, хотя и более извилистые, не становятся преградой для передвижения. В этом отношении достаточно сравнить число переездов через пути в Варшаве (не считая тоннеля в центре, построенного в межвоенный период) с ситуацией в Познани или Кракове. На отрезке первых 3,5 км от центрального вокзала (в Кракове и Познани — в сторону реки, а в Варшаве — на запад от упомянутого тоннеля) результаты следующие: в Кракове есть 5 переездов, в Познани — 9, а в Варшаве — всего 2.

В настоящее время ключевую транспортную функцию выполняют автострасы, которые появились в XX веке и поэтому не несут на себе печати разделов. Но остальные дороги, включая важнейшие трассы, обычно пролегают так же, как в XIX веке. Здесь тоже заметны различия. В тогдашнем российском разделе чаще встречаются широкие и прямые, проведенные как по линейке, тракты.

В остальных двух частях дороги гораздо более извилистые. В Пруссии принято было высаживать деревья вдоль дорог, превращая их в живописные аллеи. К сожалению, в наше время этими старыми деревьями часто жертвуют ради модернизации и расширения трасс.

Население

Различия видны также в плотности населения и структуре трудоустройства жителей. Если не считать городов, плотнее всего населен бывший австрийский раздел, российский реже, а самым низким показателем плотности населения отличается прусская часть. Это связано с упоминавшейся уже спецификой расположения застройки. Например, пересекая после сумерек пограничную в прошлом реку Просну в Великопольше, поражаешься контрасту между множеством одиночных огоньков по российской стороне и чернотой прусской стороны, где лишь изредка видно крупное скопление домовладений.

фичное для российского и австрийского. Галицию, кроме того, отличает от граничащих с ней областей российского раздела значительно большая доля пастбищ в общей площади сельскохозяйственных земель, причем не только в горах, но и на равнинах.

В деревнях также сохранилась специфика низовой организации местного сообщества. В бывшем российском разделе жизнь многих населенных пунктов сосредоточена вокруг добровольной пожарной дружины, выполняющей также разнообразные социально-культурные функции. В австрийском и прусском секторах это намного более редкое явление, поскольку там раньше начала действовать государственная пожарная охрана.

Идеология

Прежние границы по-прежнему просматриваются в мировоззрении поляков. Что это: результат разделов Польши или совпадение? Основной принцип следующий: бывшие российский и ав-

Прусский раздел также остается значительно более индустриализированным по сравнению с австрийским и российским.

Прусский раздел также остается значительно более индустриализированным по сравнению с австрийским и российским.

В сельском хозяйстве здесь работает существенно меньшая часть населения, чем в промышленности. Современная статистика показывает, что аграрии в бывшем прусском разделе, а частично и в австрийском, более образованы, нежели в российском. В то же время именно на бывших российских землях сельское хозяйство остается главным источником дохода значительно большей части домохозяйств, чем в остальных частях страны. Крупные хозяйства в прусском разделе в большей степени производят товары на продажу, а малые в Галиции — для собственных нужд. Различается и количество хозяйственных строений, приходящихся на одно хозяйство: меньше всего оно в Галиции, больше всего — в бывшем прусском разделе.

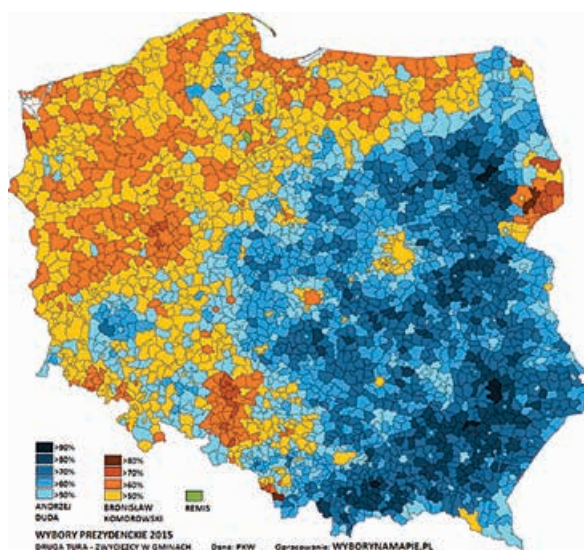
Регионы различаются и профилем сельскохозяйственной продукции. Наиболее выразительные примеры: свиноводство и выращивание рапса, на котором специализируется прусский раздел, и выращивание картофеля, более специ-

стрийский разделы более консервативны, а прусский и прежние германские земли — либеральны. В целом Польша считается очень религиозной страной, однако и здесь региональные различия очень велики. Наиболее религиозно население австрийского раздела, где посещаемость воскресных месс достигает 60–70% населения, тогда как в прежних российском и прусском секторах это 30–40%, а на бывших германских землях около 30% или даже меньше. С этим связано и разное отношение к семье: в австрийском разделе, в сравнении с другими, больше венчаний, там выше рождаемость и при этом меньше внебрачных детей, а также разводов.

Несмотря на то, что столь явные различия проявляются во многих областях жизни, фразу «видны разделы» чаще всего, пожалуй, приходится слышать в связи с очередными парламентскими либо президентскими выборами. Карта электоральных предпочтений поляков складывается в удивительном соответствии с прежними политическими границами. Главный водораздел принципиально пролегает между бывшими российским и австрийским секторами, с одной стороны,

и территориями, когда-то принадлежавшими Германии, — с другой. В перспективе последних десяти с лишним лет это выглядит таким образом, что на востоке и юге (российский и австрийский разделы) выигрывает партия «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość), а на западе и севере (прусский раздел и бывшие немецкие земли) побеждает «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska).

Яснее всего эта граница бывает видна во втором туре президентских выборов, когда нужно выбрать одного из двух кандидатов. В 2015 году, если смотреть по границам разделов, кандидат Пис Анд-

Президентские выборы 2015 года, второй тур. Победители по гминам (административным единицам нижнего уровня). Данные: Избирательная комиссия Польши. Источник: wyborynamapie.pl

жея Дуда выиграл на бывших территориях России и Австрии, а тогдашний президент Бронислав Коморовский из ГП — на землях, принадлежавших в XIX веке Германии. Так же было и в 2010 году, когда Коморовский победил Ярослава Качиньского, получив значительный перевес на территориях бывшего прусского сектора. На последних парламентских выборах в 2019 году Пис выиграла голосование в Сейм в большей части страны, однако на востоке это превосходство было бесспорным, на западе же — минимальным. В случае одномандатных избирательных округов (выборы в Сенат) на тех же выборах были столь же ясно видны границы разделов: на западе страны выиграла оппозиция.

Впрочем, стоит сказать о двух важных исключениях из описанного правила в электоральной географии Польши. Во-первых, речь идет о Варшаве и других крупных городах: они, в том числе расположенные на востоке страны, последовательно голосуют за ГП. Варшава и окрестности представляют собой своеобразный анклав внутри региона, где большинство жителей поддерживают Пис. Так же обстоит дело с Краковом и Лодзью. Второе исключение — территории, заселенные преимущественно национальными меньшинствами. Например, очень выделяется на фоне окружающих территорий район Беловежской пуши на границе с Беларусью. Местные жители, главным образом белорусы, голосуют за ГП либо за Союз демократических левых сил. Попутно можно отметить также тенденции по явке: самый высокий процент характерен для крупных городов, а после них больше всего граждан приходит к избирательным урнам в консервативной Галиции.

Различия навсегда?

Итак, деление Польши по границам прежних разделов по-прежнему актуально. Это явление тем поразительнее, что после окончания этой эпохи прошло более ста лет, и нет уже никого, кто помнил бы те времена. В течение этих ста лет польское государство в разных его видах — Вторая Речь Посполитая, затем Польская Народная Республика и, наконец, современная Третья Речь Посполитая — имело однородный характер, и в нем преобладали унификационные тенденции. Однако никто из власть предержащих не преуспел во введении полного единообразия. В ландшафте и менталитете жителей Польши по-прежнему сохраняются последствия разделов XIX века. Сменились поколения, но во многих отношениях поляки остаются под влиянием политических решений более чем двухсотлетней давности.

Исчезнут ли когда-нибудь эти различия? В некоторых вопросах они уже стерлись или смягчились, однако в других прекрасно существуют. Возможно, когда-нибудь не станет и их, но произойдет это, пожалуй, не раньше, чем через несколько поколений.

В тексте использованы данные проекта Института географии и пространственного регулирования Польской академии наук

Перевод Владимира Окуня

КОРОЛЕВСКИЕ ЛАЗЕНКИ

История самого
известного парка Польши

Петр Сковроньский

Летняя резиденция короля Станислава Августа Понятовского, ставшая одной из главных достопримечательностей Варшавы.

Сегодня Королевские Лазенки находятся в центре Варшавы, но изначально это была загородная резиденция двух важных фигур в истории польской политики и культуры. Основал ее великий коронный маршал Станислав Ираклий Любомирский, а окончательный вид резиденции придал Станислав Август Понятовский, последний король Речи Посполитой. В наши дни Лазенки — любимое место отдыха варшавян, обязательный пункт маршрута польских и зарубежных экскурсий и — как того хотели оба создателя — место, где процветают изящные искусства.

Обитель муз эпохи барокко

История Королевских Лазенок начинается 15 февраля 1674 года, когда Станислав Ираклий Любомирский вступает во владение имением Уяздов. В Речи Посполитой это время междуцарствия, кото-

Петр Сковронский — докторант Института истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской Академии наук, сотрудник отдела научных исследований музея Королевские Лазенки в Варшаве.

рое вскоре завершится избранием на престол Яна III Собеского. Этот король прославится на всю Европу своими победами в сражениях с Османской империей (прежде всего — в Венской битве 1683 года), и именно он возведет Любомирского в ранг великого коронного маршала, доверив ему один из самых почетных постов Речи Посполитой. Великий маршал должен был обеспечивать безопасность короля в месте его пребывания, а потому нередко становился фактическим хозяином Варшавы. Ему подчинялись милиция и стража, призванная следить за порядком; именно он принимал иностранных послов перед королевской аудиенцией и был распорядителем государственных церемоний. Этот период, безусловно, стал вершиной карьеры Любомирского, но, помимо политической деятельности, он находил время и для других занятий.

Станислав Ираклий Любомирский прославился как выдающийся литератор польского барокко. Он писал политические и философские трактаты, драматические произведения, стихи на польском и на латыни. Любомирский жил в Уяздове, и ему требовалось подходящее место, где он мог бы предаваться своей страсти к поэзии и творить без помех.

Но расположенный в центре его владений Уяздовский замок (сегодня там находится варшавский Центр современного искусства) не способствовал мирному уединению. Это внушительное сооружение, возведенное Сигизмундом III Вазой, правившим Речью Посполитой на рубеже XVI и XVII веков, безусловно, было достойной резиденцией Любомирского-маршала, но не устраивало Любомирского-поэта.

Станислав Любомирский построил Купальни, по-польски — «Лазне»: павильон, в центре которого находился так называемый грот, а внутри бил фонтан, напоминающий о мифической Гиппокрене. По древнегреческой легенде, так назывался источник, который возник, когда крылатый конь Пегас ударил копытами о скалы горы Геликон. Это место было посвящено Музам — покровительницам искусств, а вода, струившаяся из скалы, приносила поэтическое вдохновение.

У варшавского источника также должны были собираться музы, вдохновлявшие творчество великого маршала. В соседней зале находились оловянные купели, в которых Любомирский мог принимать расслабляющие ванны. Этому павильону Лазенки обязаны своим названием.

После смерти Любомирского в 1702 году музы умолкли. Уяздовский замок вместе с прилегающей территорией арендовал король Август II Сильный,

но масштабные планы расширения Уяздова так и не дождались своего воплощения. Наследники Любомирского тоже не были заинтересованы что-либо делать в резиденции. И лишь более полувека спустя в нее снова вернулась жизнь.

Лазенки становятся королевскими

В 1764 году Уяздов обрел нового владельца: его купил только что избранный молодой король Польши Станислав Август Понятовский. Это был образованный правитель, ценитель искусств и философии Просвещения, и, взойдя на трон, он сразу же пожелал создать летнюю резиденцию, которая отвечала бы его устремлениям.

Здесь следует упомянуть, что все польские короли строили под Варшавой свои частные виллы. Польский престол не был наследственным: начиная с 1573 года, каждый новый король избирался после смерти своего предшественника и не наследовал личные королевские резиденции. Королевский замок, расположенный в варшавском

Старом городе, также принадлежал не королю, а всей Речи Посполитой.

В Замке заседал парламент и размещались многочисленные канцелярии, так что он выполнял функции не столько личной монаршей резиденции, сколько ратуши.

Поэтому, чтобы обрести минуты уединения, короли возводили себе частные дворцы. Вспомним еще и об эстетических преимуществах, которые давали загородные резиденции: построенная в Средние века Варшава отнюдь не благоухала, а находящаяся под окнами Королевского замка Гнойная гора выполняла функции современной свалки нечистот. Летом это особенно докучало и побуждало уехать из Варшавы.

Итак, Станислав Август приступил к реконструкции Уяздовского замка. В течение восьми лет огромное барочное здание пытались привести в соответствие с тогдашними архитектурными вкусами и приспособить к королевскому церемониалу, но король остался недоволен результатами. Со временем он убедился, что после соответствующих переделок функции королевской резиденции может выполнять старая Лазня Любомирского. Концепция Лазни — поощрение развития искусства и науки — была вполне подходящей для короля-философа, а именно на это звание и претендовал Станислав Август. Так началась перестройка купального павильона, в результате которой появилось здание, достойное польского короля, — Дворец на воде.

Здание перестраивалось в несколько этапов, а неисчерпаемые замыслы Станислава Августа архитекторам приходилось воплощать все годы его правления. Из уважения к создателю Лазен Станислав Август не стал перестраивать несколько залов, которые еще помнили времена Любомирского. В центре Замка все так же бил фонтан, долженствующий напоминать об обитающих здесь музах. Покои Любомирского сохранились и по сей день — мы можем любоваться выложенными дельфтской плиткой Залом Вакха и Ванной комнатой, где великий маршал принимал ванны. Во времена Станислава Августа оловянные купели Любомирского закрыли крышками и обложили подушками — теперь они служили сиденьем.

Король — покровитель живописи...

Станислав Август был большим любителем искусств. Коллекция, которую он собирал всю жизнь, к концу его правления насчитывала 2 478 картин. Самую первую картину для этого собрания будущий король приобрел в Брюсселе, когда ему было всего 16 лет. Об этом событии много лет спустя он

Парк Лазенки в Варшаве, XIX век.

Источник: A. Dagli Orti / De Agostini / Forum

Галерея живописи во Дворце на воде в Королевских Лазенках. Фото: Павел Чарнецкий

вспоминал в своих «Мемуарах»: *«Купивши маленькую картину, я почувствовал себя обладателем истинного сокровища».*

Созерцание картин поддерживало его и не раз давало силы преодолевать политические невзгоды. Самые ценные полотна из собрания Станислава Августа представлены в галерее Дворца на воде.

Когда-то здесь можно было насладиться живописью Рембрандта, Тициана, полотнами художников рубенсовской школы... После Третьего раздела Речи Посполитой коллекция была разрознена: часть попала в руки друзей короля, часть распродали его наследники, часть была безвозвратно утрачена в политических и военных бурях XIX и XX веков, а, например, один из шедевров — «Поцелуй украдкой» Фрагонара — украшает сегодня петербургский Эрмитаж. При посещении Дворца на воде, Королевского замка и Национального музея в Варшаве можно увидеть всего лишь 10 % картин из внушительной коллекции последнего польского короля.

Неосуществившейся мечтой Станислава Августа было создание Академии художеств. Заменой ей стала живописная мастерская — так называемая Малярня, основанная в варшавском Старом городе близ Королевского замка. Заботясь

об образовании молодых живописцев, Станислав Август отправлял самых многообещающих художников в заграничные путешествия, остальные же оставались обучаться ремеслу в Варшаве. Для них король привозил в Лазенки гипсовые слепки ценнейших итальянских и греческих скульптур. Так молодые живописцы могли на лучших классических образцах познавать секреты идеальных пропорций человеческого тела и формировать свой художественный вкус. Сегодня эти скульптуры выставлены в лазенковской Старой оранжерее, расположенной неподалеку от Дворца на воде.

В следующем, очень скромном с виду здании, размещена королевская графическая коллекция. Благодаря сохранившимся внутри настенным росписям Белый домик — именно так называется этот маленький павильон — представляет собой жемчужину польской архитектуры XVIII века.

Живописец Ян Богумил Плерш, вдохновляясь росписями Рафаэля в Ватикане, украсил здание первыми в Польше гротесками. На первом этаже здания выставлен цикл графических работ, представляющих мифологические сцены из «Метаморфоз» Овидия. Эта графика — часть королевской коллекции гравюр, которую Станислав Август собирал с таким же старанием, как картины и скульптуры. Каждая работа получила соответствующее

обрамление — изображенную на стене (по всей вероятности, Плершем) цветочную гирлянду.

...и театра

Театр также играл важную роль в жизни Понятовского. Представления, устраиваемые королевским двором, служили развлечением для аристократии и способствовали просвещению общества. Уже в первый год своего правления Станислав Август озабочился созданием в Польше театров, которые благодаря тщательно подобранному репертуару должны были нести шляхте и мещанам идеалы Просвещения. В Лазенках спектакли проходили в нескольких местах, но важнейшими сценами были театр в Старой оранжерее и Амфитеатр, расположенный на острове рядом с главным дворцом.

Театр в Старой оранжерее выполнял функции придворного, собранная вокруг монарха аристократия могла выходить на театральную сцену, перевоплощаясь в персонажей французских драм.

Королевский театр в Старой оранжерее. Фото: Павел Чарнецкий

Аристократические театральные игры в Старой оранжерее проходили в тщательно продуманных королевских декорациях. Подняв головы, зрители видели живописное изображение Аполлона, греческого бога искусств, — на первый взгляд, ничего необычного: вполне естественное и довольно частое украшение театральных зданий. Но тот, кто посвятит созерцанию чуть больше времени, заметит, что Аполлон имеет портретное сходство со Станиславом Августом. Благодаря изяществу форм и мастерскому оформлению Плерша этот зал представляет собой уникальный памятник европейской театральной архитектуры.

Театр в Старой оранжерее был рассчитан лишь на 200 человек, а вот театр на открытом воздухе, напоминающий греческие руины, вмещал гораздо больше зрителей. Самое эффектное представление в Амфитеатре тех времен — балет «Клеопатра», поставленный к годовщине избрания Станислава Августа 7 сентября 1791 года и собравший целых 3000 зрителей. А морское сражение, инсценированное на пруду за Амфитеатром на фоне античной истории любви Марка Антония и египетской царицы, вошло в историю.

Высокая дипломатия

Чем дальше продвигались работы по созданию резиденции в Лазенках и чем больше времени проводил здесь Станислав Август, тем более частыми гостями становились в Лазенках политики. Известно, что там бывали дипломаты иностранных государств, которые участвовали в торжественных аудиенциях или в более непринужденной обстановке обедали со Станиславом Августом и наслаждались представлениями, дававшимися в лазенковских театрах.

Постоянным гостем, конечно же, был и российский посол — польский король вынужден был считаться с его мнением и согласовывать с ним важнейшие политические решения.

Позицию российского дипломата очень хорошо описывает единственное упоминание, которое Станислав Август посвятил Лазенкам в своих «Мемуарах»:

«Одной из вещей, наиболее Штакельбергу¹ приятственных, было выигрывать в каждой игре и при каждой ставке. А поскольку король² никогда в карты не играл, то почти всегда заботился о том, чтобы обеспечить ему игроков, когда по-

1 Российский посол в 1772–1790 годах. — Примеч. автора.

2 С момента избрания королем Станислав Август начал писать о себе в третьем лице, считая это более подходящим титулу. — Примеч. автора.

сол отдыхал в Лазенках на природе или же в замке. Перед тем же, как картежники садились за стол, король не забывал проиграть послу побыстрее три или четыре партии в шары, чтобы обеспечить ему хотя бы маленькую победу. Тем не менее Штакельберг нередко позволял себе говорить как иностранцам, так и полякам, которых король отнюдь не приглашал: «Приезжайте в Лазенки, я там буду, и мы вместе сыграем»».

Король терпел эти прихоти дипломата, чтобы не усугублять напряженную ситуацию между двумя странами. Упомянутые здесь подстроены проигрыши в салонных играх должны были служить улучшению настроения дипломата и созданию более благоприятной почвы для переговоров.

Случалось так, что гости являлись в Лазенки и в отсутствие короля. С одной стороны, это были обычные гуляющие, поскольку Лазенки в эпоху Просвещения уже были частично открыты. С другой стороны, известно, что и в отсутствие короля здесь бывали официальные иностранные делегации. Примером может служить турецкая дипломатическая миссия, прибывшая в Речь Посполитую в 1777 году. Прежде чем въехать в Варшаву, где их ждал Станислав Август, турки посетили Лазенки, где были приняты должностными лицами Речи Посполитой. И получалось, что Лазенки уже не частная резиденция, а официальное государственное здание, хотя и финансируемое из кармана Станислава Августа.

Границы между «государственным» и «частным» смещались, и король приспособливал убранство зданий к новым задачам. В конце своего правления Станислав Август замуровал бывший с XVII века источник Гиппокрена. На его месте в центре Дворца на воде возникла Ротонда со статуями четырех величайших правителей в польской истории: Казимира Великого, Сигизмунда Старого, Стефана Батория и Яна III Собеского. Создавая пантеон польских королей, Станислав Август хотел показать, по чьим стопам он идет, управляя страной.

В соседней зале он велел своему первому художнику Марчелло Баччарелли сделать настенные росписи, представляющие историю библейского царя Соломона.

Как и в Театре в Старой оранжерее, где Станислав Август пожелал видеть себя богом искусств Аполлоном, так и во Дворце на воде он представлял себя как альтер эго самого мудрого и справедливого из всех царей.

Момент, когда была замурована лазенковская Гиппокрена, можно считать символическим.

Так король объявил, что милые его сердцу изящные искусства должны уступить место величии государства и вопросам высокой политики.

Дальнейшая судьба Лазенок

Станислав Август творил и преобразовывал Лазенки до конца жизни, у него всегда было множество замыслов, касающихся дальнейшего развития резиденции. Его посещали мысли о новых театральных сценах, идеи открытия современного музея, он задумывал проекты постройки мавзолея для себя и своих родителей. Планы эти не осуществились из-за третьего раздела шляхетской Речи Посполитой, в результате которого в 1795 году государство прекратило свое существование. После смерти Станислава Августа Лазенки перешли к его наследникам, но у них не лежала душа к бывшей резиденции и не было средств на ее содержание.

В девятнадцатом веке Лазенки по-прежнему привлекали коронованных особ. С 1801 года в лазенковском Белом домике жил будущий король Франции Людовик XVIII, скрывавшийся в Варшаве в период Французской революции. Позднее, большую часть девятнадцатого века, Лазенки служили резиденцией российским императорам. В первой половине века в соседнем с парком Бельведере жил сын Павла I, великий князь Константин, а молодой Фридерик Шопен — по варшавским преданиям — умягчал его вспыльчивый нрав фортепианной музыкой. После Первой мировой войны в Бельведере поселился лидер межвоенной Польши маршал Юзеф Пилсудский, а здания Лазенок перешли государству.

В наши дни музей Королевские Лазенки в Варшаве площадью 76 гектаров — один из парков, которые охотнее всего посещают как жители столицы, так и туристы из Польши и из-за рубежа. Отправляясь туда на прогулку, стоит запастись орехами для белок, которые совершенно не боятся туристов — так же, как и павлины, свободно разгуливающие по дорожкам парка. Посетив Дворец на воде, Белый домик, Старую оранжерею и Мышлевицкий дворец, можно ознакомиться с историей Станислава Августа и польской культурой XVIII века. Особой популярностью пользуются у туристов концерты Шопена, которые проходят летом по воскресеньям у памятника композитору.

И хотя во Дворце на воде не бьет больше Гиппокрена, богини искусств не удалились в изгнание. Каждый, кто попадает сюда, может по-прежнему черпать вдохновение в искусстве Просвещения.

Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

КШИШТОФ ВАРЛИКОВСКИЙ: Наш театр строится на нюансе

Петр Грущинский

Кшиштоф Варликовский.

Фото: Степан Рудик / Forum

В издательстве NAVONA вышла книга
«Шекспир и узурпатор»: цикл интервью театрального
критика Петра Грущинского со знаменитым польским
режиссером Кшиштофом Варликовским, руководителем
варшавского Нового Театра. Книгу перевел
режиссер Антон Маликов.

Публикуем одну из бесед, вошедших в нее, — об особенностях актерской команды режиссера, об удачах и неудачах на сцене, об особенностях сценографии и контакте со зрителями.

Петр Грущинский: Все говорят о том, что актеры в твоём театре особенные, существует определение «актеры Варликовского». Видно, что ты привязываешься к актерам, и когда уже их завоюешь, неохотно от них отказываешься. Они появляются в твоём театре непрерывно, поселяются в нём навсегда. Скажи, как ты их ищешь? Как формируешь труппу? Что делаешь, когда у тебя нет необходимого актера в команде?

Кшиштоф Варликовский: Если я ищу актеров вне команды, то делаю это среди людей, которых знаю или с которыми уже работал. Я предпочитаю знать человека, чем не знать и предложить ему работу. В последнее время такое случается очень редко.

ПГ: Но случается. Например, в «Диббуке» появилась Ирена Лясковская. Прежде ты с ней не работал. Как она появилась?

КВ: Из разговоров. Поначалу я хотел взять Кристину Фельдман, с которой работал в Познани, но она снималась в кино, была занята.

ПГ: Как актер-аутсайдер входит в эту сработавшуюся команду, в твой спектакль, в твой мир? Это процесс плавный и простой или трудный и болезненный?

КВ: Я об этом не задумываюсь, мне хочется, чтобы он был максимально простым. Иногда приходится трудно, потому что люди смотрят на мой театр как на недосягаемый храм. Может, поэтому, я предпо-

Петр Грущинский — театральный критик, автор книг о современном польском театре, шеф-драматург варшавского Нового театра (Nowy Teatr), сподвижник режиссера Кшиштофа Варликовского и соавтор многих его спектаклей.

читаю оставаться с теми, кого встретил, с кем работал. Так проще перейти к сути дела.

ПГ: А за границей как? Там тебе недоступна роскошь иметь дело с актерами, знакомыми по предыдущим встречам.

КВ: Мой метод на Западе основывается на том, что в течение нескольких недель мы пробуем что-либо узнать друг о друге. Но в таких условиях значительно труднее ставить спектакли, требующие основательного знания места и людей. Конечно, я слушаю актеров и стараюсь идти им навстречу, но тем не менее именно театр, который создается в Варшаве, — моя плоть и кровь.

ПГ: Какие условия должен выполнять актер, чтобы ты с ним работал, каковы твои требования и ожидания?

КВ: Я ищу и ожидаю искренности. Однажды мне пришлось сделать замену Магдалены Челецкой в «Диббуке». Мне было трудно согласиться на девушку, молодую, амбициозную, которая хочет играть, чтобы засветиться. Так что я ищу людей, которые уже реализовались. Тогда никто никому

не должен ничего доказывать. Часто бывает так, что мы все вместе обсуждаем возможный состав. Когда Януш Гайос отказался от роли Просперо в «Буре», мы сообща стали думать, кто мог бы прийти на его место.

ПГ: А кто придумал позвать Адама Ференцы — ты?

КВ: С Адамом я с самого начала хотел работать над этой ролью, но он был занят у Люпы. Тогда Гжегож Яжина предложил Гайоса. Я же сразу подумал о Ференцы, потому что доверял ему. Еще в начале у меня была такая сумасшедшая идея — попросить Просперо со Станиславой Целинской. Потом я себе изменил, за что поплатился, поскольку эта работа меня на самом деле страшно сковала. Все меньше она у нас получалась, не хватало спонтанности. Когда Гайос ушел, то, что поначалу казалось катастрофой, стало спасением, высвобождением энергии. Появился Адам, и вдруг заработала сеть мыслей, ассоциаций, взорвалось все, что до сих пор сдерживалось и не находило выхода.

ПГ: Какой самый большой грех, который может совершить актер в твоём театре?

КВ: Нет таких грехов, незачем строить барьеры и вводить правила. Я сам часто совершаю очень постыдные ошибки, но ведь это нормально, когда идет поиск. Это не те ошибки, за которые нужно оправдываться.

ПГ: Люпа говорит, что для него актер грешен, когда начинает заигрывать с публикой.

КВ: Я ни в чем таком актеров не подозреваю, как и не испытываю потребности вмешиваться в их сегодняшний ритм, следовать за ними по пятам и что-то там у них менять. Когда я понимаю, что не хватает энергии, что невозможно каждый вечер соответствовать всем требованиям, которые мы себе предъявляем. Это трудная работа. Мои спектакли часто бывают очень длинными. Как очень долгие путешествия, во время которых зрители тоже устают. Мы это часто чувствовали, играя «Крума».

ПГ: Ты кричишь на актеров?

КВ: Случается, когда мне не нравится спектакль, но тогда я очень расстроен и актеры тоже, у нас у всех ощущение, будто мы что-то проиграли.

ПГ: Что для тебя значит плохой, неудавшийся спектакль?

КВ: Когда актер слишком подчиняется роли, начинает работать по линии актер–актер, вместо того чтобы вести свой диалог с людьми.

ПГ: С людьми, то есть со зрителем?

КВ: Да. В таких случаях я говорю, что актер переигрывает, например, преувеличенно изображает пьяного, что случалось с Яцеком Понедзялеком в «Буре». Тогда актер теряет остроту.

ПГ: А точнее: в чем заключается острота?

КВ: Одно дело, когда Стефано говорит Калибану «целуй мои ноги» трезвым, и совсем другое, когда он произносит это пьяным. Грань очень тонкая.

ПГ: В чем заключается главная задача актера?

Он должен поддерживать контакт со зрителем или продавать персонаж зрителю?

КВ: Он должен упрочнять роль через взаимопонимание со зрителем. Он не может существовать сам по себе, должен спровоцировать зрителей войти в его проблему. Если зрители ничего подобного не пережили, значит, актер что-то упустил.

ПГ: Часто случаются такие неудачные спектакли?

КВ: Нет, это случается обычно на выездах, когда актеры немного взволнованы, не уверены, находятся на чужой территории. «Театр Розмаитости» приучил нас к камерному пространству, внезапное отдаление от зрителя — так происходит на чужой территории — приводит к тому, что актер инстинктивно создает форму, часто превосходную, потому что прекрасные актеры это умеют, но тогда они прекращают вести диалог и начинают просто болтать, что-то кому-то навязывать, играть. Входят в форму, и это перестает быть интересным. Вдобавок во время выездов возникает дистанция, потому что мы — просто группа из Польши, играющая по-польски. А всегда важно увлечь зрителя и втянуть его, дать ему время на размышления и дать возможность забыть о том, что он читает субтитры, что мы ждем от него очень многого, то есть двух с половиной часов абсолютного внимания и чтения субтитров. Что наш театр строится все-таки на нюансе, на паузе, а не на изложении формы и сильных, достоверных персонажах. Потому что тогда ничего не выйдет, кроме сноровистого театра, может даже немного устаревшего.

Возьмем, например, сцену из «Диббука» между Хононом и Энохом в бане, когда Хонон говорит, что под землей существует какой-то мир. Энох отвечает: «Ты слишком увлекся каббалой». Хонон говорит: «Ты не поймешь меня никогда, путь к Богу лежит через телесность. Чего ты более всего стыдишься и боишься? Связи с женщиной». Эти слова, произнесенные в диспуте студентами или философами — всего лишь констатация проблемы, зато в устах двух парней, разгоряченных баней,

Кшиштоф Варликовский во время выступления его театра на фестивале Орепег.
Гдыня, июль 2013. Фото: Степан Рудик / Fotiim

возбужденных собственной телесностью, сексуальностью, создают абсолютно другой театр и совершенно другую сцену.

ПГ: Мне кажется, что твоим актерам часто приходится искать и строить за пределами текста, не пренебрегать им, но выходить за его границы, чтобы передать полный смысл. Как это делается?

КВ: В «Диббук», например, у нас была целая стратегия работы над монологами, которые начинают или предваряют спектакль. Уже после премьеры мы долго размышляли над первой сценой. На гастролях в Австрии Анджей Хыра дал знак, что хочет что-то попробовать, поставил на авансцену стулья, сел и ждал, что будет дальше. Все должны были выйти группой, разговаривая друг с другом. А потом должно было начаться что-то вроде концерта, состязание внутри сообщества — кто ярче представит свою историю. Мы сделали так, и нам удалось развлечь австрийского зрителя. Ну и такие штуки мы вытворяем постоянно, задумываемся, что тут еще можно придумать. Тем более что во Франции и Нью-Йорке, где восемьдесят процентов зрителей — евреи, мы научились тому, что «Диббук» может веселить.

В Нью-Йорке люди смеялись с первой и до последней секунды, что для нас было шоком. Благо-

даря такой реакции мы расслабились, смогли иначе подойти к спектаклю, без позерства, которого хотели избежать, но которое все же имело место. Когда люди смеются, нельзя плыть против течения и быть глупее зрителя, который слушает.

ПГ: В трех твоих польских спектаклях, двух немецких и во французской опере играла Рената Джетт. Ты видишь какую-либо разницу между ее актерским мастерством и мастерством польской части труппы?

КВ: Она принадлежит к категории актеров-проводников, как Станислава Целинская или Яцек Понедзялек, самых важных актеров, доносящих до зрителя суть предмета, транслирующих зрителю мой замысел во всей полноте. Кроме того, они помогают актерам, более традиционно понимающим существование на сцене. Такая двойная роль завладевает вниманием зрителей и управляет ими.

ПГ: Что значит транслировать твой замысел?

КВ: Вернемся к Яцеку Понедзялеку — Стефано в «Буре». Он говорит Калибану: «Хочешь, чтобы я был твоим богом, — целуй мои ноги». Транслировать замысел — значит сформулировать вопрос для зрителя и вместе со зрителем. Когда Яцек

пьян и говорит: «ну, давай, целуй мои ноги», он делает это для себя, мы тогда только присматриваемся с безопасного расстояния и видим перед собой клинического психопата. Актер, вместо того чтобы раскрывать что-то в людях, поверхностно изображает человека, который приказывает целовать ноги, что никому не нужно.

ПГ: Стало быть, твои актеры, играя двойную роль, выполняют функцию твоих агентов?

КВ: Они также транслируют главную мысль спектакля. Анджей в «Диббуке» не только Хонон, в нем есть некая двойственность. И дополнительная двойственность внутри этой двойственности, заключающаяся в странной ситуации во второй части по рассказу Ханны Кралль, когда он одновременно обращается к зрителю и к журналисту, и все это такое условное. Вдобавок у него там еще смешные реплики. Если актер не чувствует, что произносит текст, который непременно вызовет смех, и произнесет его, замыкаясь внутри своей проблемы, он не заденет нас за живое.

ПГ: Рената Джетт в «Чистых» комментировала мир песнями. Откуда берутся песни в твоих спектаклях?

КВ: Благодаря Павлу Микетину. Я не самый большой их поклонник.

ПГ: Как ты говоришь с Павлом о музыке?

КВ: Сначала мы обсуждаем, как это должно быть, вживую или в записи. Вообще-то, мы мало что обговариваем. В какой-то момент Павел приходит и начинает импровизировать. Или у него уже есть готовая музыка. В «Круме» он приносил предложения, в которые мы до последнего не верили, но он оказался прав, и мы с ним согласились. Здесь тоже все происходит в мощном диалоге.

ПГ: Ты подбрасываешь Павлу идеи? Например, что хочешь лай собак в «Диббуке»?

КВ: Нет, таких подробностей мы не обсуждаем. «Диббука» мы как раз репетировали на варшавской Праге, которая вся бурлит собственной звуковой жизнью. Мы ее записали и сделали звуковую дорожку.

ПГ: А Малгожата Щенсяк, твой постоянный сценограф? Как ты с ней работаешь, как создается пространство спектакля

КВ: Когда мы, например, работали над постановкой оперы «Воцек», то решили, что все произойдет в парикмахерской, даже пленэры разместятся между ванной и раковиной, что то же простран-

ство будет ночным клубом, а в финале детским садом. Это отправная точка. Затем мы начинаем все детально анализировать, добавляем какие-то элементы.

ПГ: А как было с Шекспиром, например с «Бурей»?

КВ: «Буря» как раз слабая, неоднородная. С одной стороны, я хотел максимально приблизить ее к людям — потому дом Просперо почти упирается в зрительские кресла, с другой стороны, в глубине сцены появляется театральная архитектура, и у нас получается своеобразный остров со стеклянным полом, со стеной наподобие костельной. В общем — нечто странное.

ПГ: В «Гамлете» главным элементом сценографии были деревянные расписные ворота.

КВ: «Гамлета» мы сделали сначала в Израиле. Там зрители находились по одну сторону, но уже при-

Обложка книги «Шекспир и узурпатор».

Источник: пресс-материалы

существовало квадратное игровое поле. Еще был раздвижной пол, имитировавший разверстую мостовую Офелии. В варшавской реализации мне это показалось слишком слабым и далеким от зрителя. Тогда я подумал, что зритель должен сидеть бифронтально и возникла проблема боковых стен. Мы хотели их сделать грубыми, как бы необработанными. Купили ворота, черные, расписные и на них нарисовали нашу синагогу. «Гамлет» получился каким-то ветхозаветным, а декорации это подчеркнули. Впрочем, потом мы из тех расписных ворот сделали проекцию в «Диббуке». Там были животные и зодиак, королевский гобелен, какой-то алтарь, какая-то книга.

ПГ: В «Перикле», как я понимаю, достаточно было собственно пространства миланского театра.

КВ: Мы хотели построить лодку, своего рода ладью, ковчег. Когда мы эту лодку установили, оказалось, что она огромна и непрактична, нам пришлось срочно менять замысел. Мы оставили пол, повторяющий форму лодки, вокруг насыпали песок.

ПГ: Цирк в «Укрощении строптивой»?

КВ: Он задумывался как подражание театру в связи с прологом пьесы, о котором никто не помнит и который редко ставят. Там есть актеры, входящие в театр, в некотором смысле участники спектакля, которому аплодируют либо нет. Вдруг все это превращается в арену. Арену, которая в кульминационной сцене Катарины и Петруччо делит зрителей на болельщиков той или иной стороны. Арена ассоциируется с состязаниями. Чем вуль-

гарнее публика, тем свободнее поведение того, кто на арене, тем сильнее сцена и тем лучше она проникает в подсознание людей. Арена должна была пробуждать в зрителях эти инстинкты.

ПГ: «Венецианский купец» в Торуне?

КВ: Там плавали какие-то лодки, была оркестровая яма, где мы установили венецианские столбы, некоторые — по-особенному украшенные... Я использовал также оформление зрительного зала торуньского театра — его позолоту, балконы.

ПГ: А как выглядела «Двенадцатая ночь» в Штутгарте?

КВ: Земной шар, вокруг него — песок, наверху — герои, пробуждающиеся после катастроф. За ним — шесть огромных прозрачных столбов и прозрачный горизонт. Спектакль начинался в гей-клубе, флирт мужчин разных возрастов: тут и старый семидесятилетний Мальволио, и Оливия, которая была тридцатилетним парнем. Под громкую ритмичную музыку проходила сумасшедшая ночь с наркотиками, закончившаяся насилием и дракой. Прозрачность пространства создавала необычный эффект: герои одновременно и находились на виду, и оставались в укрытии. Кроме того, все было расположено под наклоном, словно пространство перевернули с ног на голову. Немного как в «Маленьком принце». С самого начала герои представляли «искривленными». Сценография весь этот мир сразу дополняла.

Перевод Антона Маликова

**Актер не может существовать сам по себе,
он должен спровоцировать зрителей
войти в его проблему.**

«ВЫ ПОКАЗАЛИ, ЧТО ГРАНИЦ НЕ СУЩЕСТВУЕТ» Польские фильмы о свободе

Денис Вирен

Рассказываем о польских кинокартинах, в которых присутствует идея свободы — в форме поэтических образов или прямого публицистического высказывания.

На съемочной площадке фильма «Человек из железа», стена Гданьской судовой верфи с восстановленными надписями периода августовских забастовок 1980 года. Фото: Мацей Билевич / Fotopix

О категории свободы в контексте кино можно говорить по крайней мере в двух смыслах: свобода творчества как таковая и свобода как идея, направляющая автора. За возможность творить без ограничений люди искусства боролись на протяжении всей истории ПНР. В кино это удавалось с переменным успехом, и все же моментов подъема было не так мало. Рекомендуем несколько фильмов, особенно ярко показывающих стремление к свободе.

«Житие Матеуша» — *Żywot Mateusza* (1967, реж. Витольд Лещиньский)

Об этом удивительном фильме вспоминают не так часто, как он того заслуживает, а между тем второго такого в польском кино, пожалуй, не найти. Для режиссера Витольда Лещиньского «Житие Матеуша» стало одновременно дипломной работой в Лодзинской киношколе и полнометражным дебютом, возможно, оставшимся его лучшим фильмом. Главный герой этой поэтической притчи (необычная и незабываемая роль Францишека Печки) — деревенский чудака, объект добродушных насмешек соседей, живущий в собственном мире мечтаний, снов и надежд.

Литературная основа — роман норвежского писателя Тарвея Весоса «Птицы» — отчасти определила изобразительное решение: аскетично показанная деревня без особых локальных примет вполне может быть и скандинавской, и польской, и русской. Ключевым же для фильма стал заглавный образ первоисточника. В начале картины к дому, где живут Матеуш и его сестра, прилетает большая птица, что становится для героя крупным событием.

Денис Вирен — киновед, переводчик с польского, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания в Москве. Автор монографии «Эксперимент в польском кино 1970-х» (2018).

Он восхищен этим и спешит поделиться новостью со всеми жителями деревни. Ассоциируя себя с романтическим образом вольной птицы, Матеуш чувствует тесную связь с природой, но одновременно пытается найти взаимопонимание с людьми.

Когда птицу подстреливают, а в дерево у дома попадает молния, в нем зреет предчувствие, что мечтам не суждено сбыться... «Житие Матеуша» — фильм вневременной и универсальный, однако он безошибочно вписывается в «постоттепельный» контекст, когда надежды на расширение свобод в странах соцлагеря стремительно угасали.

«300 миль до неба» — *300 mil do nieba* (1989, реж. Мачей Дейчер)

Этот один из мощнейших дебютов переходного периода в истории польского кино получил множество наград в Польше, приз Европейской киноакадемии за лучший фильм молодого режиссера и приз молодежного жюри в Каннах, а также был показан на Конгрессе по правам человека в Страсбурге.

Сделанный под художественным руководством режиссера-стилиста Войцеха Марчевского фильм Дейчера прекрасно передает атмосферу времени со всеми его чаяниями и иллюзиями. Отправной точкой послужила реальная история двух мальчиков, которые нелегально пересекли границу Польши, спрятавшись между колесами фуры. «Это точно капитализм?» — спрашивает младший брат (в исполнении Войцеха Кляты, сыгравшего в первой серии «Декалога» Кесьлёвского), когда они узнают от полицейских на вокзале, что оказались в Дании. В этом вопросе смешиваются надежда, наивность и отчаяние.

Вначале Дейчер погружает зрителей в серую (в фильме вообще нет солнца) действительность польской деревни 1980-х. Формально ребята убегают, чтобы заработать денег и помочь отцу оплатить штраф за якобы нелегальный частный бизнес, но внутренней мотивацией, конечно, становится желание вырваться из безнадежности на Запад, причем они опасаются, как бы фура не направлялась в ГДР. «Вы показали, что границ не существует», — патетично заявляет в лагере для беженцев польская журналистка-эмигрантка, делающая о братьях репортаж.

В контексте того времени ее реплика представляется чем-то фантастическим. Местами картина может показаться излишне надрывной, но от кульминационной сцены, в которой отец кричит сыновьям в телефонную трубку: «Не возвращайтесь сюда никогда!» — неизменно бегут по коже мурашки.

На съемках фильма Войцеха Марчевского
«Побег из кинотеатра “Свобода”». Фото: Ежи Косьник / Fotum

«Побег из кинотеатра “Свобода”» — Ucieczka z kina «Wolność» (1990, реж. Войцех Марчевский)

Редкий для польского кино жанровый эксперимент, в котором реальность и фантастика сплетаются, по словам критиков, в булгаковском духе. Основное действие картины разворачивается в лодзинском кинотеатре, где прямо во время сеанса сентиментальной мелодрамы актеры на экране внезапно начинают «пороть отсебятину» и фактически объявляют забастовку: отныне фильм живет своей жизнью.

Информация об этом чрезвычайном происшествии доходит до столицы, но приехавший оттуда критик лишь устраивает истерику, понося польское кино в духе героев комедии «Рейс» («Скучно, ничего не происходит»). Напрашивающаяся параллель с «Пурпурной розой Каира» (1985) не просто отыграна здесь, когда варшавский критик требует показать ее фрагмент как пример хорошего западного кино, но даже развернута: герой Вуди Аллена из-за наложения проекции случайно попадает внутрь польского фильма.

«Ответственным» за происходящее оказывается главный цензор города (выдающаяся роль Януша Гайоса!) — в прошлом театральный критик, ныне одинокий человек, ощущающий приближение болезненной старости и курящий одну сигарету за другой. Его необъяснимо влечет происходящее на экране, и городские шишки, перепуганные оттого, что не могут справиться с ситуацией, с ужасом наблюдают за тем, как цензор переходит на другую сторону...

«Кролик по-берлински» — Królik po berlińsku (2009, реж. Бартош Конопка)

Надо признать, что этот прозрачный по мысли и изящный по форме документальный фильм, попавший в оscarовский шорт-лист, не надоедает даже после нескольких просмотров. Оттолкнувшись от идеи классика документалистики Марцеля Лозиньского, молодой режиссер Бартош Конопка и его соавтор, сценарист и оператор Петр Росоловский, предложили взглянуть на историю Берлинской стены с более чем неожиданной точки зрения — кроликов, заселивших «полосу смерти» между восточной и западной стенами. Поняв, что выбраться за пределы невозможно, вислюхие существа почувствовали себя неуютно, но постепенно, с появлением новых поколений, привыкли к отсутствию как перемен, так и угроз извне, и даже не могли себе представить, что за пределами стены существует другая жизнь.

Авторы остроумно развивают метафору существования людей за «железным занавесом», анализируя психологические особенности, формировавшиеся у населения стран «народной демократии». Все ситуации, связанные с кроликами, выглядят весьма сюрреалистично, а учитывая, что авторский комментарий читает Кристина Чубувна (польский Николай Дроздов), зрителя не покидает ощущение, будто авторы его разыгрывают. Но даже если масштабы «королевства кроликов» несколько преувеличены, это не отменяет точности и правдивости предложенной аллегории.

Адаптироваться к новому миру после разрушения стены оказалось сложно, многие затосковали по закрытой территории, принадлежавшей только им... Последствия разделения Германии и — шире — Европы на два лагеря продолжают сказываться до сих пор. «Кролик по-берлински» в очередной раз доказывает абсурдность и противоестественность таких границ.

Трилогия Анджея Вайды

Две первые картины появились примерно сорок лет назад, но они по-прежнему вызывают споры и не оставляют равнодушными очередные поколения зрителей. «Человек из мрамора» (Człowiek z marmuru, 1976) был задуман и написан сценаристом Александром Сцибором-Рыльским еще в конце 60-х, но тогда по идеологическим причинам не мог быть поставлен. Съемки картины в середине 70-х стали возможны фактически благодаря решению одного человека — министра культуры Юзефа Тейхмы. Этот фильм во многом определил интонацию и поэтику кинематографа Восточного блока, занимавшегося сведением счетов с прошлым.

Вайда первым в игровом кино показал, что социалистическая власть относилась к рабочим по-эксплуататорски и что обычные люди, по сути, не обладали правом голоса. Важно, что подробности биографии главного героя зритель узнавал вместе с молодым режиссером Агнешкой (дебют Кристины Янды) — так происходило возвращение памяти о драматических событиях рубежа 1940–50-х.

Вполне понятно, что Вайда мог показать лишь часть болезненной правды о недавнем польском прошлом: если времена сталинизма на тот момент уже стали историей и были официально названы периодом «ошибок и перегибов», то и студенческие волнения 1968 года, и расстрел рабочих в Гдыне в декабре 1970 года, а тем более забастовки 1976 года были на экране абсолютным табу. «Сделайте фильм о нас!» — такой призыв, по рассказам Вайды, он услышал, приехав в 1980 году на бурлившую судоверфь им. Ленина в Гданьске. Им и стал «Человек из железа» (*Człowiek z żelaza*, 1981). Та же героиня Агнешка, по сюжету посаженная в тюрьму за содействие бастующим, вспоминает: «Я открыла пятидесятые годы, но вообще не заметила Радома и Урсуса». Таким образом Вайда словно объясняется перед зрителями, почему в «Человеке из мрамора» не были упомянуты эти события и, главное, не сказано, что герой фильма Агнешки был убит в Гдыне.

Писатель Мариан Брандыс, связанный с демократической оппозицией в 70-е годы, в своих дневниках называл «Человек из мрамора» «улучшенной версией соцреализма». Судя по всему, имелась в виду как раз эта недосказанность, известная половинчатость правды. Возможно, это определение больше подходит «Человеку из железа». Когда ему вручили главный приз Каннского фестиваля, раздавались голоса, что это запоздалая награда для «Человека из мрамора», в свое время показанного на престижнейшем киносмотре нелегально.

Как и первая картина, «Человек из железа» основан на принципе ретроспекций из жизни персонажей в контексте истории протестного движения, однако здесь есть новые для вайдовской поэтики элементы: он искусно вплетает в повествовательную ткань хроникальные кадры и даже переговоры милиции. Более того, в одной придуманной, но существенной для фильма сцене в роли самого себя появляется лидер «Солидарности» Лех Валенса: он присутствует на венчании Агнешки с сыном героя ее фильма, одним из активных участников забастовки на верфи, и благословляет этот «демократический брак».

В центр повествования «Человека из железа» Вайда поставил журналиста, когда-то сделавшего репортаж об убитом в Гдыне рабочем, а теперь

ставшего абсолютно лояльным к власти пропагандистом. Его отправляют в Гданьск с заданием подготовить материал, очерняющий кого-либо из оппозиционеров «второго ряда», но в итоге, общаясь с забастовщиками, журналист переживает своего рода преображение, подает заявление об уходе с радио и присоединяется к «Солидарности».

Что и говорить, это довольно банальная сюжетная схема, однако тот факт, что фильм снимался в гуще реальных событий — когда буквально каждую минуту было непонятно, в какую сторону развернется ситуация, — но при этом с верой в победу «Солидарности», сообщает «Человеку из железа» невероятный энергетический заряд. Зритель выходит из зала с ощущением восстановленной справедливости и обретенной свободы.

И хотя еще в 2000 году Вайда писал, что продолжения не будет, логическое завершение цикла все же появилось — «Валенса. Человек из надежды» (*Wałęsa. Człowiek z nadziei*, 2013) с великолепной работой Роберта Венцкевича. Этот био-

Кадр из фильма Анджея Вайды «Валенса. Человек из надежды»

графический фильм вызвал бурную дискуссию, связанную со спорами вокруг личности заглавного героя, но в конечном счете доказал: стремление к свободе, воспетое в «Человеке из мрамора» и «Человеке из железа», было естественным и неудержимым порывом.

ЯН МАТЕЙКО

Он нарисовал историю Польши

Художник, глазами которого поляки видят свое прошлое.

Мельхиор Якубовский

Как выглядели первые польские правители? Неизвестно. Ни одного прижизненного изображения создателей пясцовского королевства, Мешко I и Болеслава Храброго, не существует. Но, несмотря на это, в современной Польше их портреты встречаются буквально на каждом шагу — на банкнотах достоинством 10 и 20 злотых. Когда в начале 90-х годов XX века было решено, что на новых польских купюрах будут изображены древние правители, о чьей внешности нам ничего неизвестно, всем было совершенно очевидно, как они должны выглядеть. Дизайн банкнот основан на портретах из цикла «Лики польских королей и князей» Яна Матейко. Иначе и быть не могло — ведь уже более века в сознании поляков запечатлен именно тот облик королей, которым наделил их этот художник.

Ян Матейко (1838–1893) почти всю жизнь прожил в Кракове. Единственный долгий перерыв — учеба в мюнхенской Академии художеств. Несмотря на чешско-немецкие корни родителей (его отец был выходцем из Чехии, а мать — из немецко-польской семьи), он уже в молодости был пламенным польским патриотом. Матейко прославился своими монументальными историческими полотнами, на которых важные события истории

Польши представлены как тщательно срежиссированные театральные сцены. В период разделов напоминание на холсте о былой славе отчизны служило «укреплению сердец» подобно тому, как в литературе эту роль играли книги Генрика Сенкевича.

Сегодня многие специалисты, не приемлющие академический пафос и религиозно-патри-

Мельхиор Якубовский — историк, искусствовед, аспирант Варшавского университета. Занимается исторической географией и историей ландшафта, искусством рококо и религиозными и этническими отношениями в бывшей Речи Посполитой.

Ян Матейко, «Автопортрет», 1892. Источник: Википедия

Мастер создавал масштабные композиции картин очень продуманно и в то же время — экспрессивно.

отическую направленность работ Матейко, не слишком-то жалуют классика, однако в технике ему отказать нельзя. Мастер создавал масштабные композиции картин очень продуманно и в то же время — экспрессивно. При этом он с невероятной точностью передавал даже самые мельчайшие детали. Более того, Матейко очень заботился об исторической достоверности образов. Он многие годы изучал старинную одежду и богатую коллекцию исторических экспонатов.

Первой серьезной работой Матейко был «Станчик», а точнее — «Станчик во время бала при дворе королевы Боны, когда приходит известие о потере Смоленска» (1862).

Герой картины — придворный шут короля Сигизмунда Старого, погруженный в мрачные раздумья о потере стратегической крепости в пользу Москвы; на заднем плане видны гости, веселящиеся на балу, украшением которого служит супруга короля, королева Бона из итальянского рода Сфорца. Таким образом, сцена ра-

зыгрывается в начале XVI столетия, в период «золотого века» Королевства Польского, но является предвестием грядущих катастроф. Литературную интерпретацию картины представил в XX веке поэт и бард Яцек Качмарский в песне «Станчик» из цикла «Музей», вдохновленного произведениями живописи.

Предостережение об упадке государства, который действительно впоследствии наступил, заложено и в другой известной картине художника — «Проповедь Скарги» (1864). Петр Скарга (1536–1612) был иезуитом, одним из выдающихся лидеров контрреформации в Речи Посполитой и знаменитым проповедником. В своих «Сеймовых речах», опубликованных в 1597 году, Скарга обращал особое внимание на многочисленные проблемы, терзающие обширное, но слабое государство, раздираемое внутренними противоречиями. Среди слушателей проповеди художник изобразил важнейших сановников во главе с королем Сигизмундом III Вазой.

Еще более драматичный оттенок мы видим в картине «Рейтан. Упадок Польши» (1866). Художник представил сцену заседания Сейма, которое должно было утвердить первый раздел земель Речи Посполитой (1773 год). Один из депутатов, Тадеуш Рейтан, безуспешно пытается не допустить ратификации решения, закрывая собственным телом дверь в варшавском замке. На лежащего в отчаянии Рейтана взирает тщательно отобранная художником (не вполне достоверная исторически) группа известных деятелей во главе с королем Станиславом Августом Понятовским и могущественнейшими магнатами, сгруппировавшимися под портретом царицы Екатерины II, под бдительным оком российского посла. Их лица выражают самые разные чувства — от стыда и растерянности до презрения и негодования. Картина вызвала настоящую бурю, поскольку польская аристократия почувствовала себя задетой: их предков напрямую обвиняли в предательстве отчизны. В ка-

честве описания и комментария к картине стоит также порекомендовать песню Яцека Качмарского «Рейтан, или доклад посла».

В последующие годы Матейко сосредоточился прежде всего на демонстрации польских триумфов. Он изобразил объединение Польши и Литвы в единую Речь Посполитую в 1569 году («Люблинская уния», 1869); московских бояр, которые просят короля Стефана Батория о мире, когда тот во время Ливонской войны осадил Псков («Стефан Баторий под Псковом», 1872); установку в Вавельском соборе большого колокола, одного из символов Кракова («Установка колокола Сигизмунд», 1874); вассальную присягу прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна, предка позднейших правителей Пруссии и Германии («Прусская дань», 1880–1882); победу Яна III Собеского над турками в Венской битве («Ян Собеский под Веной», 1883).

Но самой знаменитой стала «Грюнвальдская битва» (1878) — огромное (426 × 987 см) мо-

Картина Яна Матейко «Грюнвальдская битва», 1878. Источник: Национальный музей в Варшаве

нументальное полотно, изображающее победу польско-литовского войска над Тевтонским орденом в 1410 году. Его центральные фигуры — победоносный Витольд, великий князь литовский, и Ульрих фон Юнгинген, великий магистр ордена крестоносцев, только что получивший смертельный удар. В то время, когда создавалось это полотно, Грюнвальд был важным символом, ассоциировавшимся с современным художнику польско-германским конфликтом.

Картина несколько лет путешествовала по европейским художественным выставкам, затем попала в коллекцию варшавского Общества поощрения изящных искусств, а после Второй мировой войны — в Национальный музей в Варшаве. Однако вопреки распространенному мнению, Грюнвальдская битва — не самая большая по размеру картина Матейко. Ее превосходит редкое для его творчества произведение, не связанное с историей Польши. «Орлеанская Дева» (1886, размеры 484 × 973 см) изо-

бражает национальную героиню Франции XV века Жанну д'Арк. Эта картина, задуманная как подарок французскому народу, была в конечном итоге приобретена политиком и дипломатом Эдвардом Рачиньским для дворцовой коллекции в Рогалине (Великопольша), где находится и по сей день.

Из последнего периода жизни и творчества Матейко стоит отметить «Конституцию 3 мая 1791 года» (1891) и «Присягу Яна Казимира» (1893). Первая картина изображает исполненный ликования момент после принятия конституции, ставшей кульминационным пунктом реформ, которые были предприняты перед самым упадком государства. Вторая служит иллюстрацией события 1656 года, когда во время войны со Швецией (так называемого Потопа) король Ян Казимир в Львовском кафедральном соборе вверил Речь Посполитую защите Пресвятой Девы.

В тот же период были созданы упоминавшиеся во вступлении «Лики польских королей

и князей» (1890–1892). И если образы самых первых правителей стали плодом воображения художника, то более поздние изображены в полном соответствии с доступными в то время материалами — краковский мастер неизменно заботился об исторической достоверности своих работ.

Живописные полотна Яна Матейко, изображавшие события минувших веков, были тесно связаны с политической ситуацией второй половины XIX века. Благодаря значительной автономии, которой пользовалась австро-венгерская Галиция (территория, перешедшая после разделов к Австрии), Краков стал одним из главных центров польской культурной жизни. Некоторые из наиболее известных картин Матейко написаны к годовщинам соответствующих исторических событий. «Люблинская уния» висела в здании Галицийского краевого сейма во Львове.

Отношение самого художника к правящему императору Францу Иосифу хорошо отражает специфику взглядов тогдашних польских элит, которые, с одной стороны, уважали монарха и были ему лояльны, но в то же время не забывали, что это правитель государства-узурпатора. Сам Франц Иосиф приобрел для своей коллекции «Рейтана»

Матейко прославился как автор живописных полотен на исторические темы, однако не следует забывать, что он был еще и замечательным портретистом, и автором картин сакральной тематики. С последним видом деятельности связан один из самых интересных проектов художника — реставрация краковского Мариацкого костела. В 1887–1891 годах главный храм Старого города получил новый полихром стен и сводов, выполненный под руководством Матейко, а также витражи, спроектированные его учениками — Станиславом Выспяньским и Юзефом Мехоффером. Новые композиции в декоративном оформлении, выдержанные в стиле историзма и сецессиона, удачно сочетались со средневековой архитектурой и современным убранством храма.

На примере Мариацкого костела мы видим еще одну важную грань таланта Матейко и его заслугу — обучение молодых художников. С 1873 года он был директором Краковской школы изящных искусств. Ее выпускниками стали самые выдающиеся художники периода так называемой «Молодой Польши», чьи важнейшие произведения создавались на рубеже XIX–XX веков. Что очень

На примере Мариацкого костела мы видим еще одну важную грань таланта Матейко и его заслугу — обучение молодых художников.

Матейко. В свою очередь, в 1880 году Матейко стал одним из тех, кто запечатлел визит императора в Галицию. Благодаря композиционному решению акварели «*Император Франц Иосиф перед саркофагом короля Яна III Собеского в склепе св. Леонарда в Вавельском соборе*» надгробие польского короля — освободителя Вены — доминирует над фигурой австрийского императора.

Красноречивые намеки присутствовали и в картине «*Ян Собеский под Веной*». Эта работа художника выставлялась в Вене бесплатно, чтобы напомнить австрийцам, кому именно они обязаны своим освобождением от турок. Затем картину преподнесли в дар Папе Льву XIII — но не от художника, а от имени польского народа, лишённого собственного государства. Монументальное полотно до сих пор можно увидеть в Ватиканской Пинакотеке.

важно, мастер ценил индивидуальность каждого своего ученика: ни один из них не подражал творчеству наставника, и каждый писал картины по-своему, непохоже на остальных.

Самая легендарная личность из этой плеяды — Станислав Выспяньский (1869–1907), прославившийся и в живописи, и в литературе. Как писатель он создал цикл театральных пьес национально-символического звучания, одна из которых — «Свадьба» — вошла в канон польской культуры. Как художник — специализировался главным образом на пастели; величайшим творением Выспяньского стал ансамбль полихромной росписи и витражей в краковском костеле францисканцев.

Юзеф Мехоффер (1869–1946) также наряду со станковой живописью прославился витражами и полихромами. В первую очередь стоит упо-

мянуть витражи собора в швейцарском Фрибурге и мозаику купола армянской церкви во Львове. Яцек Мальчевский (1854–1929), важнейший польский символист, изображал на своих таинственных картинах самого себя на фоне родных пейзажей, в окружении фантастических существ.

Влодзимеж Тетмайер (1861–1923), чья свадьба с крестьянкой из окрестностей Кракова послужила мотивом для создания «Свадьбы» Выспянского, писал в основном жанровые сцены из деревенской жизни и церковные полихромы. Сельские жанровые сцены стали также визитной карточкой Леона Вычулковского (1852–1936). На религиозной тематике специализировался Мауриций Готлиб (1856–1879) — рано умерший выходец из еврейской семьи. Пейзажи символического звучания писал Войцех Вейс (1875–1950).

И этот впечатляющий перечень выдающихся художников — лишь небольшая выборка из многочисленных учеников Яна Матейко. Некоторые, наиболее критично настроенные искусствоведы даже заявляют, что вклад Матейко в воспитание этой уникальной плеяды талантов — неизмеримо более важное достижение мастера, чем его собственная живопись.

Однако никакая критика не в состоянии дискредитировать особую значимость Яна Матейко в польской культуре и общественном сознании. Художника уже при жизни окружали поклонением, его похороны стали великой манифестацией патриотизма, а дом на Флорианской улице, где он жил, очень скоро превратился в музей художника, действующий и по сей день как филиал Краковского национального музея. Его картины висят в залах самых знаменитых польских собраний живописи, прежде всего — в Национальных музеях Варшавы и Кракова, где с ними непременно знакомят новые поколения посетителей.

Матейко, как никто другой, сформировал коллективный польский образ истории. Слова «Грюнвальдская битва» тут же вызывают в памяти конкретные визуальные ассоциации, абсолютно независимо от того, как происходила битва в действительности. То же относится и ко многим другими событиями, а также — и к портретам правителей. А потому не важно, как выглядели Мешко I и Болеслав Храбрый, — их лица навеки обрели черты, которые придал им в конце XIX столетия Ян Матейко.

Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

Картина Яна Матейко «Ян Собеский под Веной», 1883. Источник: Музеи Ватикана

КШИШТОФ КЕСЬЛЁВСКИЙ

Демиург и заложник случайности

Диана Григорьева

Эволюция игрового кино великого режиссера: от фильмов в документальной манере с политическим посылом к мистическим притчам о человеческой судьбе.

Почти на всех фотографиях, где изображен Кшиштоф Кесьлёвский, он курит, ну или изящно взмахивает еще не зажженной сигаретой. В особо напряженные периоды жизни он мог без труда расправиться с тремя пачками в день, а работал так же неистово, как курил. Тот бешеный темп, в который режиссер вошел к концу 1980-х, кажется абсолютно нереальным для современного авторского кино. За одиннадцать месяцев — десять часовых серий «Декалога», а вскоре после этого марш-броска — еще четыре полнометражных фильма, имевших колоссальный фестиваль и зрительский успех. Однако, закончив «Три цвета: Красный», режиссер неожиданно прекратил работать в кино, объявил, что больше никогда не будет снимать, и в 53 года retiré в деревню — выращивать сад.

Это был не первый радикальный жест с его стороны. Двадцатью годами раньше, будучи автором уже свыше 30 неигровых лент, он вдруг оставил документальное кино ради художественного: «Лучше уж глицерин, подлинных слез я боюсь». Перенеся свое внимание с документа на постановку, режиссер в одночасье шагнул на территорию игрового кинематографа и создал великие фильмы, в которых вымысел и реальность практически неотличимы.

Опасное занятие кинолюбителя

Его ранние игровые ленты были очень похожи на документальные. Так, в «Шраме» (1976), снятом в репортажной стилистике, рассказывается о чиновнике, назначенном прорабом на завод. Сперва он с энтузиазмом берется за дело, но местным жителям не по душе происходящие перемены — конфликта уже не избежать. Похожее начало у следующего фильма Кесьлёвского, «Покоя» (1976):

главный герой только что вышел из тюрьмы и устроился на стройку. Он хочет всего-навсего наладить свою жизнь, но даже этого не способен сделать из-за своего криминального прошлого. В этих картинах чувствуется острая политическая направленность, от которой режиссер вскоре начнет стремительно отходить.

Фильм «Кинолюбитель» (1979) стал первой картиной Кесьлёвского, с которой он вышел на международную арену, получив главный приз Московского кинофестиваля. На первый взгляд, перед нами довольно простая история о мужчине чуть за тридцать, внезапно полюбившем снимать жену и свою новорожденную дочь. Но постепенно камера для героя становится чуть ли не важнейшей составляющей жизни — из-за нее на второй план уходят любимая семья, работа, привычки — все то, для чего изначально предназначался аппарат. Филип (Ежи Штур) поначалу даже не замечает, как устройство подчиняет его себе, обретает власть не только над ним, но и над окружающей действительностью. Как не увидеть в этом персонаже травматический опыт самого режиссера, связанный с этической проблемой вмешательства кинокамеры в течение жизни?

Мало того, что Кесьлёвский буквально дарит Филипу авторство нескольких своих незавершенных работ, так еще и наделяет этого персонажа собственными рефлексиями о природе и опасности документального. И как только Филип понимает, что отснятый им материал можно интерпретировать по-разному, а при случае даже использовать против людей, он уничтожает киноплёнку. Нечто похожее сделал сам Кесьлёвский со своей документальной картиной «Вокзал» (1980), когда узнал, что на пленку могло случайно попасть свидетельство настоящего преступления. Ну а в финале «Кинолюбителя» Филип просто поворачивает камеру на себя — этот жест вполне тождественен решению автора перекалвалифицироваться из документалиста в постановщика, ведь человек может правдиво изобразить мир, только отталкиваясь не от него, а от самого себя.

Как управлять случаем

После неудачного опыта съемки вокзала Кесьлёвский их люто возненавидел, хотя и не перестал снимать. В фильме «Случай» (1981) можно увидеть, как железнодорожный вокзал становится чуть ли не сакральным пространством, повелевающим судьбами людей. Витек (Богуслав Линда) бежит за уходящим поездом Лодзь–Варшава, а от того, успеет он или нет, напрямую зависит, как сложится его дальнейшая жизнь. Станет ли он круп-

ным коммунистическим деятелем, или активистом «Солидарности», или сделает карьеру врача, а может — разобьется в самолете. Как знать!

Уникальность «Случая» в том, что для режисера он стал первой (но не последней) попыткой показать средствами кино возможности альтернативной реальности. Как бы ни был правдив и точен документальный материал, для Кесьлёвского всегда были важны «другой путь», параллельная ветвь истории и соблазн оказаться в нескольких точках одновременно. В «Случае» режиссер использовал простую структуру показа повторяющихся возможностей: все варианты развития жизни Витека давались последовательно, один за другим, как в «Расемоне».

Кесьлёвский отлично понимал, что случайность — одновременно и результат выбора, и территория трансцендентного, фатального, не зависящего от воли человека. И та, и другая грань случая — неотъемлемая часть механизма мира, и чтобы показать его средствами кино, нужен ка-

кой-то новый язык, за разработку которого он и взялся в последующих фильмах.

За закрытыми дверями квартир

Настоящий международный успех настиг Кесьлёвского после выхода «Декалога» — десяти фильмов, сделанных для польского телевидения. Любопытно, что на Западе цикл показывали в кинотеатрах ежедневно или по несколько серий за сеанс, а вот в родной Польше он шел по телевидению по одной серии в неделю. В итоге польскому зрителю оказалось сложнее уловить переходящие смыслы «Декалога», что выразилось в удивительном безразличии к этому шедевр.

Каждый фильм «Декалога» — это отдельная история, самая обыкновенная, человеческая, бытовая. Есть серия про отца, потерявшего сына из-за слишком большого доверия рациональному началу. Есть романтическая история любви юноши к женщине, за которой он подсматривает через подзорную трубу, и в дальнейшем эта серия бу-

Кесьлёвский отлично понимал, что случайность — одновременно и результат выбора, и территория трансцендентного, фатального, не зависящего от воли человека.

Диана Григорьева — киновед. Окончила сценарно-киноведческий факультет ВГИКа. Изучала фотографию в Школе фотографии и мультимедиа имени Родченко (мастерская Игоря Мухина). Публиковалась в журналах «Киноведческие записки», «Русский экран», «Иностранная литература».

дет развернута Кесьлёвским до полного метра — «Короткого фильма о любви». Сделанный по тому же принципу «Короткий фильм об убийстве», пожалуй, наиболее жесток и натуралистичен; он рассказывает о невозможности совместить этику и правосудие.

В «Декалоге» мир варшавских новостроек (а Кесьлёвский выбрал наименее мрачные) с их типовыми квартирами буквально разрывается от бесчисленного множества параллельных людских судеб. В пространстве многоэтажного «Декалога» нет завершенной реальности. Она достраивается общим трудом человеческого выбора и неподвластной случайности, а оттого кажется настолько хрупкой и наэлектризованной, что нет-нет да померещится посреди бетонных зданий неприкаянный голубоглазый ангел. Именно в незавершенности этой реальности обнаруживаются трансцендентные дыры, мерцания, через которые нам

являются двойники, отражения и призраки — скрытые и обманчивые персонажи «Декалога».

Кесьлёвский трактует Священное Писание совершенно по-своему, выходя за пределы любой конкретно взятой заповеди, туда, где еще не сформировано никакого прямого сообщения, понуждающего человека к действию. Тем самым одной из главных мыслей «Декалога» оказывается парадоксальное отсутствие границы между верующим человеком и атеистом.

Преследование Вероники

Однажды в интервью изданию *Variety* Кесьлёвский признался: «Я снимаю фильмы, только чтобы иметь возможность работать над монтажом». В «Двойной жизни Вероники» (1991) страсть режиссера к монтажным ножницам становится очевидной сразу. У фильма было с десяток вариантов сборки — все они все равнозначны друг другу, и все имели право на существование: в США и Европе картина даже шла в прокате с разными финалами.

«Двойную жизнь Вероники», фильм о двух тезках с очень похожей внешностью и мечтой — стать певицей, можно в полном соответствии с названием легко разбить на две части: польскую и французскую. Первая, меньшая по хронометражу, выполнена в динамичной манере: жизнь польки Вероники пролетает как вспышка от рождения до смерти. Во французской истории совсем другой темпоритм, во многом благодаря медленным прохождениям камеры, и история француженки выстроена словно один долгий план-эпизод. Но страны и судьбы героинь таинственным образом переплетены (да и как иначе, если обеих играет одна актриса — Ирен Жакоб). С того момента, когда жизнь одной девушки обрывается, другая чувствует неизъяснимую потерю. Мы наблюдаем, как с помощью интуиции и смутных ощущений она начинает медленно продвигаться к осознанию существования в ее жизни Другого.

Француженка всюду следует за полькой, как ее невидимый близнец, что помогает ей избежать губительного выбора и не умереть молодой. Но при этом французская Вероника — это лишь один из вариантов того, кем могла бы стать польская... В отличие от куда более простого «Случая» повествовательная структура в «Двойной жизни Вероники» выглядит сложной и тщательной продуманной: движение времени в фильме складывается из проявления множества точек бифуркации, связанных с моментом выбора. Время здесь утрачивает свою линейность и обретает множество виртуальных разветвлений.

Синяя симфония, белое танго и красное болеро

Тема предопределенной случайности витает над всеми сюжетами поздних работ Кесьлёвского и обретает завершенность в трилогии «Три цвета» — вольной трактовке знаменитых лозунгов Французской революции: Свобода, Равенство, Братство. Впрочем, как и остальные поздние фильмы режиссера, трилогия далека от политического и социального высказывания — Кесьлёвского уже давно интересует только человеческая природа.

Первый фильм трилогии, «Три цвета: Синий», начинается с автомобильной катастрофы, в которой француженка Жюли (Жюльет Бинош) теряет мужа и дочь. Она разом лишается не только близких людей, но и ответственности перед семьей, домом, что неожиданно делает ее... свободной. Хрустальная люстра — единственная вещь, которую она забирает из прошлой жизни в свое новое жилище, — это предмет, который, будучи Синим, формирует запредельное воспоминание. Все остальное время Жюли борется со скорбью, изучая ее пределы. В какой-то момент нам кажется, что героиня начинает возрождаться: она обрывает новые знакомства и привычками... Но знаки прошлого постоянно атакуют ее. Каждое безжалостное возвращение образов памяти показано затемнениями внутри сцены — кратковременными провалами Жюли в темноту. В этот момент фактическое время фильма и время, проживаемое героиней, перестают совпадать. Для нас оно течет, для нее — останавливается.

Любое вторжение суровой реальности в то фиктивное пространство, которым огородила себя Жюли, приносит ей боль. Пример такого эпизода — появление мышинного выводка в кладовке. Вид естественного рождения и копошения новой жизни слишком реален и мучителен для героини. Не в силах смотреть на это, она запускает в кладовку соседского кота. Не сумев побороть скорбь и приручить естественное течение мира, Жюли возвращается к музыке и дописывает ораторию на объединение Европы, которую не успел закончить ее муж. Только через музыку она находит для себя выход. В финальной сцене, снятой через большое стекло, мы видим, как Жюли плачет. Свобода стала для нее экзистенциальной ловушкой, и чтобы жить дальше, ей пришлось выстроить барьер между собой и реальностью.

Действие второго фильма трилогии, «Три цвета: Белый», большей частью происходит в Польше и отличается наличием массы комичных эпизодов, нехарактерных для Кесьлёвского. Автор здесь словно делает ироничный реверанс в сторону соотечественников, никогда особо не принимавших

его слишком серьезные фильмы. В начале картины мы видим, как огромный чемодан движется по ленте транспортера в аэропорту. В нем прячется бедный парикмахер Кароль Кароль (Збигнев Замаховский) — это его единственный шанс вернуться из буржуазной Франции, где его унизила и обманула любимая (Жюли Дельпи), на родину, в покрытую серым посткоммунистическим снегом Польшу 90-х. Без паспорта и без денег он изо всех сил пытается встать на ноги, а заодно отомстить бывшей возлюбленной. Кстати, важная деталь: Кароль импотент, за что и был отвергнут жестокосердной красавицей. Формально «Белый» — это фильм о равенстве, хотя и специфическом, конечно: с кривой ухмылкой поляк Кароль пытается вернуть это равенство самому себе. Многие критики восприняли фильм как жесткую сатиру режиссера сразу и на западное, и восточное общество, что, впрочем, не помешало ему взять «Серебряного медведя» на Берлинском кинофестивале.

ные проводки. Подобно синему цвету в первом фильме трилогии, красный также несет в себе драматургическое и символическое значение. Валентина спит, обнимая красную куртку своего возлюбленного, — это цвет тоски по родному человеку. Судья смотрит на Валентину глазами «молодого себя» — будь он моложе на полжизни, они бы стали идеальной парой. Его взгляд на Валентину связан с другим персонажем — молодым юристом Огюстом, по сути, двойником судьи, который следует по его следам. Да-да, точно так же, как французская Вероника следовала за польской!

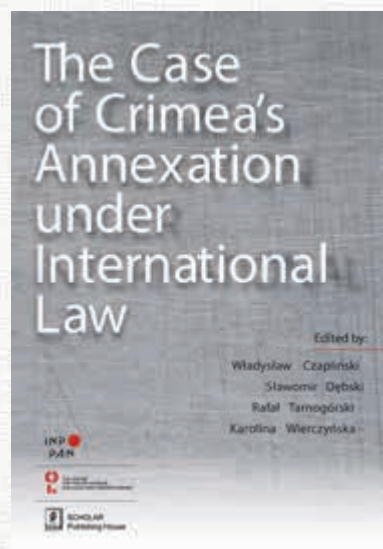
Главная тема многих фильмов Кесьлёвского о возможности второго шанса воплощается в финале его знаменитой трилогии, что позволяет говорить о едином «метафильме», который режиссер снимал на протяжении большей части своей творческой жизни. Огюсту дана возможность заново прожить жизнь судьи, избежав его ошибок, и его встреча с Валентиной на пароме как раз и обозначает эту перспективу.

В этот момент фактическое время фильма и время, проживаемое героиней, перестают совпадать. Для нас оно течет, для нее — останавливается.

События заключительного фильма Кесьлёвского «Три цвета: Красный» разворачиваются в Женеве, которая, по словам автора, «...оказалась удивительно нефотогеничной». Город, в котором говорят как минимум на четырех языках, скорее всего не случайно был выбран им для объединяющего финала трилогии. «Красный» — фильм о чувстве братства, которое неожиданно зарождается между молодой манекенщицей Валентиной (Ирен Жакоб) и стареющим судьей (Жан Луи Трентиньян). Красный цвет моментально заполняет экран чувством тревоги и любви: красный автомобиль, куртка, сигнал светофора, телефон-

В финале «Красного» паром, пересекающий воды Ла-Манша, терпит крушение. На борту спасательной шлюпки объектив камеры выхватывает одного за другим всех главных героев трилогии. Благодаря заботливой руке режиссера-демиурга они — единственные выжившие. Здесь-то и сливаются воедино ручейки всех историй «Трех цветов»: уже ничто не разделяет эти картины — ни оттенки, ни настроение, ни пластическое решение сцен. Своим последним кадром Кесьлёвский — пессимист, как он сам себя называл, — все-таки оставляет своим героям и зрителям право на счастливый финал.

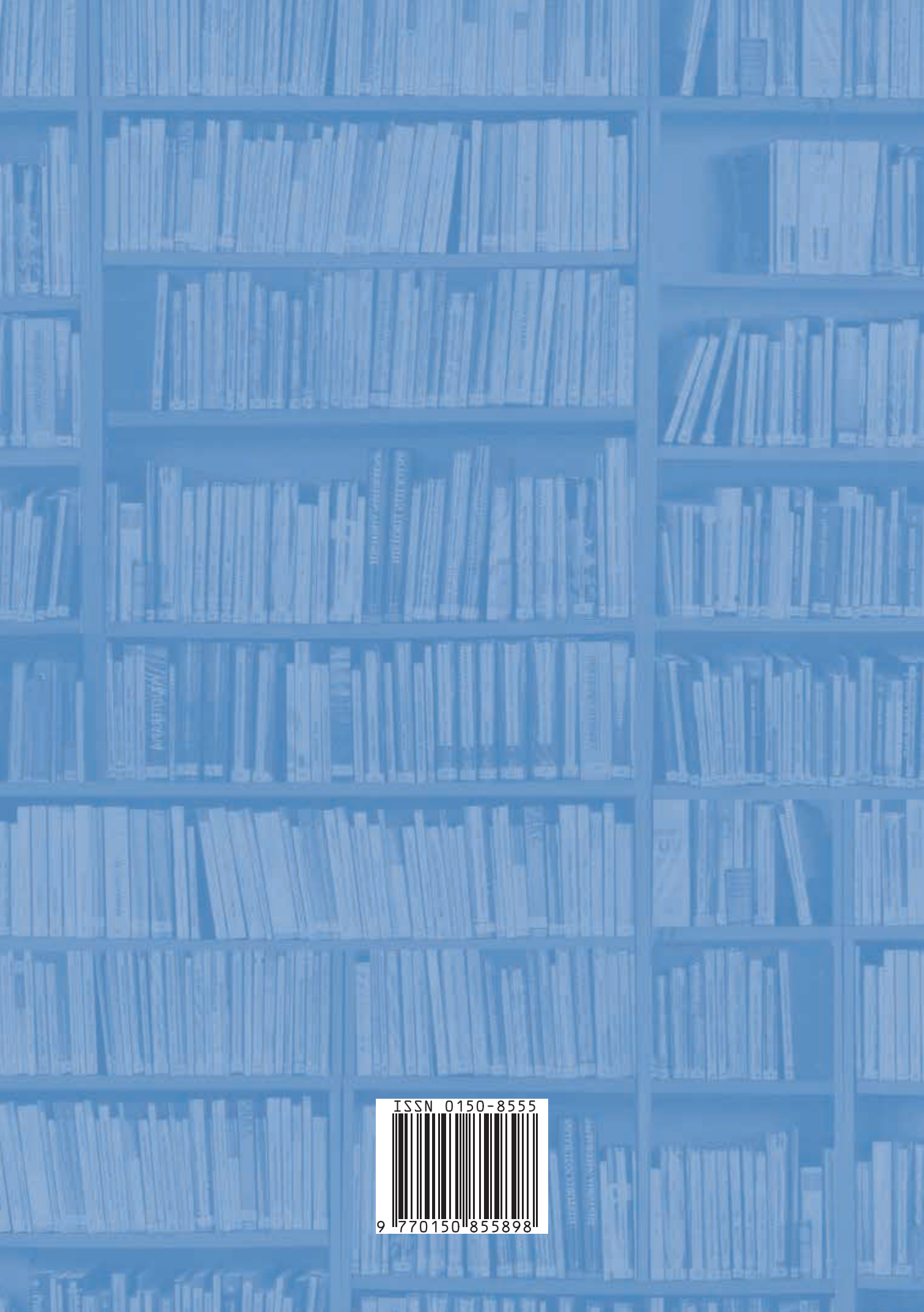

Книги можно приобрести на сайте
www.sklep.cprdip.pl

CENTRUM
 POLSKO-ROSYJSKIEGO
 DIALOGU I POROZUMIENIA

Ministerstwo
Kultury
 i Dziedzictwa
 Narodowego.

ISSN 0150-8555

9 770150 855898